

ISSN 2541-8874

ВЕСТНИК

**Восточно-Сибирского государственного
института культуры**

2018/4 (8)

Улан-Удэ

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры»

В Е С Т Н И К
Восточно-Сибирского государственного
института культуры

Научный журнал по искусствоведению, культурологии,
историческим наукам

№4(8)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2018

Учредитель: ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68583 от 03 февраля 2017 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Журнал включен в систему РИНЦ

Редакционная коллегия

Р.И. Пшеничникова, проф., академик МАН ВШ (гл. редактор);
Е.Ю. Перова, кан. эконом. наук, доцент (зам. гл. редактора);
И.С. Цыремпилова, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора);
И.Б. Батуева, д-р ист. наук, проф.; Т.Н. Бояк, д-р социол. наук,
проф.; Н.Б. Дашиева, д-р ист. наук, проф.; С.А. Езова, канд. пед.
наук, проф.; В.Л. Кургузов, д-р культурологии, проф.;
В.Ц. Найдакова, д-р искусствоведения, проф.; З.А. Серебрякова, д-р
филол. наук, доцент; С.Г. Степанова, канд. пед. наук, доцент;
С.П. Татарова, д-р социол. наук, проф.; С.А. Харитоновна, канд. пед.
наук, доцент (отв. секретарь); Э.В. Хилханова, д-р филол. наук,
проф.; Д.Л. Хилханов, д-р социол. наук, проф.; Л.М. Хобракова,
канд. филол. наук, доцент; Н.Д. Хосомоев, канд. филол. наук, проф.;
А.В. Чебунин, д-р филос. наук, доцент.

**В Е С Т Н И К Восточно-Сибирского государственного
института культуры. – Улан-Удэ, 2018. – №4(8)**

Адрес издателя, редакции и типографии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»
670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1.
Телефон: (3012) 23-29-83; e-mail: vestnikvsgik@mail.ru

Выход в свет 28.12.2018. 70x108 1/16. Усл. печ. л. 14,35. Уч.-изд. л. 9,69.
Тираж 500 экз. Заказ № 2302. Цена свободная.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО
ВСГИК 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Базаров Б.В., Нолев Е.В., Цыренов Ч.Ц. ПРАВИТЕЛИ МАНЬЧЖУРСКОЙ ДИНАСТИИ КИТАЯ В ТРАДИЦИИ ЛЕТОПИСАНИЯ «ЦИН ШИ ЛУ»	5
Бураев А. И. МЕЖПЛЕМЕННЫЕ (МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ?) ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРУПП ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	15
Бураева С.В. СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ КНИЖНАЯ ТРАДИЦИЯ ЕНИСЕЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА.....	29
Дикий Я.В. КОЛЛЕКЦИИ ЭПОХИ КАМНЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ БУРЯТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ БНЦ СО РАН).....	39
Николова Ю.С. К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ТУРИСТСКО-ЭКСКУРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (XIX в. – НАЧАЛО XX в.)	47
Ширапов А.А. ВЛИЯНИЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ	53
Рублев Е.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ МАСЛЕНИЧНОЙ МУЖСКОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1930-х гг.	64
Долгорова Б.А., Бальжитова О.М. К ИСТОРИИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ФОНДОВ МУЗЕЯ ПРИРОДЫ БУРЯТИИ	70
КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	76
Пшеничникова Р.И. НОУМЕН ИТИГЭЛОВА И КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ	76
Гуржапова Т. Д. ТРАНСЛЯЦИЯ И СОХРАНЕНИЕ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ ПРИРОДЫ БУРЯТИИ	84
Райцанова Э.Н. ЯПОНСКИЙ МЕЧ ИЗ СОБРАНИЯ КЯХТИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ АКАДЕМИКА В.А. ОБРУЧЕВА.....	89

Саксудаева И.С. МУЗЕЙ КАК СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ МУЗЕЯ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЙ ДРУЖБЫ)	97
Ступин С.Г. МУЗЕЙ В.Г. РАСПУТИНА В ИРКУТСКЕ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ	104
Рупышева Л.Э. НАИМЕНОВАНИЯ САРАНЫ КАК ИСТОЧНИКИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	108
Татарова С.П., Татаров Н.Т. ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ НА СОЗНАНИЕ И ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ	118
Батуева Э.Б., Миронова Л.В. ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ.....	123
Пинюгина В.А. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ЗАТРУДНЯЮЩИЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАЗАЧЕСТВА В ЗАБАЙКАЛЬЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).....	133
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	139
Серебрякова З.А. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В РОМАНЕ П. МАЛАКШИНОВА «АЛАРЬ-ГОЛ»	139
Митасова С.А. НЕКАНОНИЧЕСКИЕ ИКОНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ СИБИРИ.....	145
Цибудеева Н.Ц. МОНГОЛОСФЕРА В ТВОРЧЕСКОЙ ПЕРЕРАБОТКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ТЕАТРОМ ПЕСНИ И ТАНЦА «БАЙКАЛ».....	154
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	161

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.31443/2541-8874-2018-4-8-5-14

УДК 94; 930

Базаров Б.В., Нолев Е.В., Цыренов Ч.Ц.

Bazarov B.V., Nolev E.V., Tsyrenov Ch. Ts.

ПРАВИТЕЛИ МАНЬЧЖУРСКОЙ ДИНАСТИИ КИТАЯ В ТРАДИЦИИ ЛЕТОПИСАНИЯ «ЦИН ШИ ЛУ»¹

RULERS OF MANCHURIAN DYNASTY OF CHINA IN TRADITION OF HISTORICAL CHRONICLE WRITING «QING SHI LU»

В статье приведен историографический обзор отечественной научной литературы, посвященной особенностям процесса формирования и эволюции традиции придворного летописания свода исторических хроник маньчжурской династии Цин. Сделан вывод о том, что форма, содержание и другие параметры исторических хроник маньчжурской династии подверглись заметному влиянию китайской и монгольской культурной традиции, что привело к формированию сложного и многомерного трехязычного корпуса исторических хроник.

The article presents a historiographical review of national scientific literature devoted to the peculiarities of the process of formation and evolution of the tradition of the court chronicle writing of the set of historical chronicles of the Manchu Qing dynasty. It was concluded that the form, content and other parameters of the historical chronicles of the Manchu dynasty had been significantly influenced by the Chinese and Mongolian cultural traditions which led to the formation of a complex and multidimensional trilingual corpus of historical chronicles.

Ключевые слова: «Цин ши лу», Нурхацци, традиции историописания, жанр «правдивых записей» (ши лу).

Keywords: «Qing shi lu», Nurhaci, traditions of historical writing, the genre of «veritable records» (shi lu).

«Правдивые записи о династии Цин» (Цин ши лу) – официальный памятник историописания Китая периода господства маньчжурской династии, описывающий события, начиная с правления Тайцзу Нурхацци и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-59-94006 «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси (по материалам памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи»)».

оканчивающийся повествованием о предпоследнем цинском императоре Дэ-цзуне. При этом современные исследователи склонны включать в состав «Цин ши лу» также «Правдивые записи» о правлении последнего императора Пу И (годы правления: 1908–1911) – «Сюаньтун ши лу». Все важнейшие аспекты государственной жизни и политики маньчжурского двора раскрываются в «Цин ши лу» в строгой хронологической последовательности. Высокое назначение «Правдивых записей», заключающееся в аккумуляции и передаче политической мудрости, с одной стороны, и обосновании легитимности правления династии Цин, с другой, ограничивало доступ к хронике всем за исключением императора, членов императорской семьи и высших государственных сановников, и одновременно гарантировало высокую степень объективности зафиксированных исторических сведений. Известный отечественный ученый Г.В. Мелихов справедливо называл «Ши лу» «высочайшим руководством, книгой мудрости, в которой всегда можно было найти ответы на разнообразные вопросы, возникавшие перед правителем такого огромного государства, как Китай» [8, с. 71].

В 2013 г. Исследовательский центр по своду древних письменных памятников малочисленных народов АРВМ КНР в Хух-Хото опубликовал исторический труд под названием «Дайчин улсын монголын магад хууль» («Правдивые записи о монголах Цинской империи») в шести томах на старописьменном монгольском языке [1, с. 4-5]. Это произведение было составлено на основе монгольской версии «Цин ши лу». Коллектив переводчиков и исследователей Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН при поддержке ученых из Монголии осуществляют комплексное историко-культурное и источниковедческое изучение памятника [2, 3, 4, 9, 11, 12, 13] на основе сравнительного перевода текста «Правдивых записей о монголах Цинской империи» со старописьменного монгольского и китайского языков и анализа востоковедной историографии по соответствующей теме. Одним из результатов комплексного исследования стала реконструкция процесса создания и содержания «Правдивых записей» каждого из правителей династии Цин, существенно дополняющая имеющиеся историографические обзоры [8, с. 72-77].

Следует отметить, что составление «Правдивых записей династии Цин» было начато до перехода через Великую Китайскую стену. Необходимость регулярной фиксации политических событий новой маньчжурской династии и приобщение к новой политической культуре предопределили острую потребность использования традиций китайского придворного летописания. Здесь следует сказать о том, что маньчжурские завоеватели могли опираться на опыт своих исторических предшественников, а именно на летописные традиции чжурчжэньской империи Великая Цзинь (1115 – 1234 гг.). До нашего времени, как известно, дошла историческая хроника «Цзинь ши» («История [государства] Цзинь»). Изначально работа над хроникой «Цзинь ши» была начата еще при династии Цзинь, а после крушения Цзиньской империи в 1344 году хроника была

составлена и издана на китайском языке под руководством придворного юаньского историка Токто. Позже, в начале мая 1644 года уже при маньчжурском императоре Шуньчжи (Фулинь, внук Нурхаци) придворные историки подготовили окончательный вариант хроники «Цзинь ши», переведенный на маньчжурский язык. Касаясь вопроса о сходствах и различиях двух версий хроники, советский историк-востоковед В.Е. Ларичев, автор предисловия и редактор русского перевода маньчжурской версии «Цзинь ши» пишет следующее: «А. Г. Малявкин предпринял специальное исследование, посвященное сравнению двух версий хроник - китайской и маньчжурской. Его заключения сводятся к следующему: маньчжурский вариант летописи не есть пересказ, как порой утверждается, но и не полный перевод китайского текста или компилятивная переработка ряда исторических сочинений. Маньчжурский вариант представляет собой выборки из раздела под названием «Бэнь цзи», дополненные, в основном, извлечениями из раздела «Биографии» «Цзинь ши» с минимальным привлечением сведений из других источников. В результате получилось оригинальное историческое сочинение, компактное, «удобочитаемое», четко нацеленное на восхваление деяний предков - чжурчженей, а также их вождей и на «утверждение величия маньчжурского народа» [7, с. 8]. В 1-й год правления Абахая (кит. Тяньцун – Хун Тайчжи) (1627 г.) чиновники во главе с секретарем Нурхаци и Абахая по имени Эрдэнибакша получили приказ начать составление правдивых записей о правлении Тайцзу. Работа велась в течение 8 лет, и в 8-м месяце 9 года правления (1635 г.) был окончен труд под названием «Правдивые записи маньчжуров с иллюстрациями» («Мань чжоу ши лу ту»). При составлении маньчжурского, китайского и монгольского текста художники Чжан Цзянь и Чжан Инкуй снабдили императорские правдивые записи иллюстрациями, что облегчило их понимание. Потому их называют «Иллюстрированные записки Тайцзу» (*Tayizu-yin jiruytu temdeglel*). Сказав, что в данном сочинении после рисунков даны пояснения, что не согласуется с форматом правдивых записей, Тайцзун издал указ канцлерам академии династийной истории страны (п.-монг. *ulus-un sudur-un yamun*, кит. 國史院 *guóshǐ yuàn*) Си Фо и Гарину о том, чтобы маньчжурские, китайские и монгольские «Иллюстрированные записки Тайцзу» были составлены заново. Б.Г. Доронин считает, что данный эпизод может быть свидетельством борьбы между сторонниками и противниками использования китайского опыта в создании собственного государства среди маньчжурской аристократии. С этой точки зрения, ортодоксальный формат «ши лу» символизировал атрибут императорской власти в китайской традиции. [6, с. 63-64]. Существует и другая точка зрения относительно создания «Маньчжоу ши лу». В монографии Т.А. Пан [10] упоминается, что «Маньчжурские правдивые записи» с 77 иллюстрациями были заказаны императором Цяньлуном в 1781 г., и почти полностью повторяли «Тайцзу ши лу». Возможно, речь идет о новом варианте «Иллюстрированных

«Правдивых записях» о маньчжурах», составленных по велению Цяньлуна в 80-е гг. XVIII в., которые также были включены в официальный комплект «Правдивых записей» династии Цин. При этом в большинстве исследований утвердилось положение о «Маньчжоу ши лу» как оригинале для «Тайцзу ши лу».

В 11 месяце 1636 г. (1-й год правления Абахая) переработка была закончена. После редакции памятник приобрел традиционный вид. Основатель новой династии Нурхаци обрел в тексте нового памятника традиционные в китайской государственной практике храмовое имя Тай-цзу (великий предок) и посмертное имя У хуан ди (Августейший Воинствующий император). Внесенные изменения отчетливо демонстрировали политические замыслы провозглашенной в этом же году династии Цин [4, с. 64]. Во время правления Фулиня (кит. Шуньчжи) эти записи подверглись очередной редакции. При Канси канцлер Лэдэхун был назначен чиновником, осуществляющим общий надзор, и ему было приказано внести дополнения и поправки. Под задачей исправления неточностей и огрехов скрывалась истинная цель – легитимизация утверждения династии Цин на китайском престоле. В текст были добавлены более пятидесяти ранее неизвестных указов Нурхаци, выполненные в традициях китайского делопроизводства, предисловие, написанное Канси, а также традиционные элементы оформления официальных историописаний: доклад, сопровождавший представленные императору оглавление, список составителей и т.д. В результате объем текста «Тайцзу ши лу» увеличился с 4 до 13 цзюаней [5, с. 51]. В 1686 г. (25-й год правления Канси) «Правдивые записи императора Тайцзу» были окончены. По 12 тетрадей записей на маньчжурском, монгольском и китайском языках, а также по четыре тетради «Священных наставлений» на маньчжурском и китайском были представлены императору. В 1734 г. (12-й год правления Юнчжэна) текст подвергся повторной редакции: работа по исправлению и сверке географических названий, личных имен чиновников заняла пять лет. В 12 месяце 1739 г. (4-й год правления Цяньлуна) работа была завершена и после представления императору Цяньлуну была им утверждена. После пяти редакций первоначальный текст «правдивых записей» правления Нурхаци претерпел существенные изменения, в частности, в вопросах освещения раннего этапа отношений маньчжуров с Минской династией и обстоятельств прихода к власти.

Особое внимание при анализе данной хроники Г.В. Мелихов уделил значению геополитических сведений: «"Шилу" о правлении Нурхаци воссоздают замечательно точную картину взаимоотношений маньчжуров с соседними народностями и позволяет судить о весьма характерной для первого маньчжурского хана политике всемерного привлечения отдельных представителей этих народностей, предоставлении им разнообразных льгот, материальной помощи, полном уравнивании в правах с коренным населением страны и т.п., что значительно способствовало успеху деятельности Нурхаци» [8, с. 75].

В 1649 г. (6-й год правления Фулиня) было начато составление «Правдивых записей светлейшего мудрого императора Тайцзуна». Назначенные приказом императора канцлеры Фань Вэньчэн и Гарин не успели окончить эту работу. В 8 месяце 1673 г. (12-й год правления Канси) специально была создана академия династийной истории страны. Канцлер Лэдэхун на протяжении многих лет занимался составлением памятника, «достав всё, что хранится в каменном доме и разобрав по отдельности сочинения из драгоценного сундука». Работа была завершена в 1682 г. (21-й год правления Канси). «Правдивые записи светлейшего мудрого императора Тайцзуна» составили по 67 тетрадей, включая свод (п.-монг. *huriyanguui*), на монгольском, китайском и маньчжурском языках. В 1739 г. (4-й год правления Цяньлуна) канцлер Урдай по приказу императора привел в соответствие с правилами диакритических знаков и знаков препинания. «Правдивые записи светлейшего мудрого императора Тайцзуна» стали насчитывать по 68 тетрадей на монгольском, китайском и маньчжурском языках, включая свод. Также было окончено по 6 тетрадей «Священных наставлений» на маньчжурском и китайском языках [1, с. 2].

В 1667 г. (6-й год правления Канси) по приказу императора канцлером Батаем (кит. 巴泰 *bā tài*) и его коллегами было начато составление «Правдивых записей светлейшего императора Шицзу». Они в течение четырех лет «проверили и объединили источники, хранящиеся в Ланьтайи Юньгэ (кит. 蘭台 *lántái*, кит. 芸閣 *yúngé* ‘книгохранилище; комната для чтения, книжный кабинет’), достали и проверили источники, хранящиеся в каменном доме и драгоценном сундуке». В 1672 г. (11-й год правления Канси) работа была завершена. «Правдивые записи светлейшего императора Шицзу» вместе со сводом насчитывают 146 тетрадей на маньчжурском, китайском и монгольском языках. В 1734 г. (12-й год правления Юнчжэна) император прочитал это законченное сочинение и передал его канцелярским сановникам (*bičig-ün sayid*) для проверки. С 1739 г. (4-й год правления Цяньлуна) канцлер Урдай со своими коллегами в течение пяти лет составлял сочинение «в соответствии с прежними уложениями о территориях и рангах сановников, давно прошедшее у старейшин уточнялось, недавно прошедшее со слов сверялось». В него вошли 147 тетрадей «Правдивых записей светлейшего императора Шицзу» на трех языках и 6 тетрадей «Священных наставлений» на маньчжурском и китайском языках [1, с. 3].

В 1723 г. (1-й год правления Юнчжэна) по Высочайшему указу канцлером Мачи было начато составление «Правдивых записей милостивого императора Шэнцзу». В течение девяти лет они, создав приказ в Цзычэне (кит. 紫宸 *zǐ chén* ‘императорский двор, дворец’), проверили сочинение, хранящееся в желтом конверте, все, что написано в Ланьтае, соединили с тем, что хранится в золотом сундуке, сопоставляя годы и месяцы. Работа была завершена в 1731 г. (9-й год правления Юнчжэна). Было составлено по 300 тетрадей на маньчжурском, китайском и монгольском

языках «Правдивых записей императора Шэнцзу». Вместе со сводом и «Священными наставлениями» они насчитывают 1039 тетрадей [1, с. 3].

Составление «Правдивых записей покойного императора Шицзуна» по Высочайшему указу было начато в 1735 г. (13 год правления Юнчжэна) канцлером Урдаем и его коллегами. На протяжении многих лет «составляя сочинение в Цзычэне, выявили тайны удивительных слов драгоценного письма из прекрасного, давно установленного закона (кит. 皇成宪 *yuáng chéng xiàn*), нашли в Ланьтае и Юньгэ священные старинные записи, всё сверили и объединили». Оконченный в 1741 г. (6-й год правления Цяньлуна) памятник «Правдивые записи покойного императора Шицзуна» включает по 159 тетрадей на маньчжурском, китайском и монгольском языках. Вместе со сводом и «Священными наставлениями» общее количество тетрадей составляет 558 единиц [1, с. 3].

«Правдивые записи совершенного императора Гаоцзуна» по Высочайшему указу были начаты в 1799 г. (4 год правления Цзяцина) канцлером Цингуем (кит. 庆桂 *qìng guì*) и его коллегами. «После создания в Запретном городе (п.-монг. *dabqur qotan*, кит. 紫禁 *zǐjìn* ‘запретный (императорский) город’) приказа были последовательно проверены писанные кинovarью свертки, подававшиеся [императору] и хранящиеся в 180 ящиках, 1500 тетрадей хроники дворцовой жизни, документы различных министерств. За основу были взяты записи императора». Работа была окончена в 1807 г. (12 год правления Цзяцина). «Правдивые записи Гаоцзуна» (по 1056 тетрадей на маньчжурском, китайском и монгольском языках) в целом насчитывают 5117 тетрадей. Данное сочинение снабжено предисловием императора [1, с. 3].

Начало составлению «Правдивых записей мудрого императора Жэньцзуна» было положено в 9 месяце 1820 г. (25-й год правления Цзяцина). По Высочайшему указу эта работа велась Цао Чжэньюном и его коллегами. «Были проверены подаваемые [императору] свитки, собраны писанные кинovarью указы, проанализирована политика императора на основе хроники дворцовой жизни, тщательно переписаны Высочайшие указы и установлены акценты в записях мудрого императора». Памятник «Правдивые записи мудрого императора Жэньцзуна» был готов в 1824 г. (4 год правления Даогуана) и включало по 374 тетради на маньчжурском, китайском и монгольском языках. Итого, 1345 тетрадей, включая свод, «Священные наставления», а также предисловие императора [1, с. 4].

«Правдивые записи плодотворного императора Сюаньцзуна» были начаты по Высочайшему указу во 2 месяце 1850 г. (30-й год правления Даогуана) Вэнь Циноми его коллегами. На протяжении 5 лет ими «были проверены военные и министерские списки..., а также записи императора». Работа по составлению «Правдивых записей плодотворного императора Сюаньцзуна» была окончена в 1856 г. (6-й год правления Сяньфэна). Они содержат по 476 тетрадей на маньчжурском, китайском и монголь-

ском языках и в целом насчитывают 1700 тетрадей, включая свод и «Священные наставления» [1, с. 4].

Составление «Правдивых записей ясного императора Вэньцзуна» по Высочайшему приказу было начато в 10 месяце 1860 г. (11-й год правления Сяньфэна) Цзя Чжэнем и его коллегами. «После создания приказа во дворце наследника престола ими были тщательно проверены министерские и юридические документы. За основу были взяты записи императора. Годы и месяцы с названиями цветов даны в соответствии с древним календарем». Работа была окончена через пять лет в 1866 г. (5-й год правления Тунчжи). Объем «Правдивых записей ясного императора Вэньцзуна» составляет по 356 тетрадей на маньчжурском, китайском и монгольском языках, итого 1300 тетрадей, включая свод и «Священные наставления» [1, с. 4].

Работа по составлению «Правдивых записей славного императора Муцзуна» началась по Высочайшему указу в 1875 г. (1-й год правления Гуансюя) Бао Цзиюнем и его коллегами. Ими «были тщательно проверены записи императора, хроника дворцовой жизни, сведения, касающиеся военного управления, а также документы Лифаньюаня». Составление было окончено через 5 лет в 1880 г. (6-й год правления Гуансюя). «Правдивые записи славного императора Муцзуна» содержат по 374 тетради на маньчжурском, китайском и монгольском языках, вместе со сводом и «Священными наставлениями» 1454 тетради. К памятнику прилагается предисловие императора [1, с. 4].

«Правдивые записи искусного императора Дэцзуна» были начаты по Высочайшему указу в 1909 г. (1-й год правления Сюаньтуна) канцлером Ши Сюеми и его коллегами и окончены в 1921 г. (10 год правления народного государства). Памятник содержит по 597 тетрадей на маньчжурском и китайском языках. Монгольский вариант пока еще не найден [1, с. 4].

Кроме того, имеются «Государственные записи Кэбту-Ёсуту» (п.-монг. *kebtü yosutu-yin törü-yin temdeglel*) в количестве 43 тетрадей, в которых описываются первые годы правления последнего маньчжурского императора Пу И (1909–1911). Они оканчиваются в 1928 г. (17-й год периода Республики). В связи с падением маньчжурской династии им не было дано название «Правдивые записи».

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, необходимо отметить, что китайская культурная традиция придворного историописания за период правления династии Цин оказала заметное влияние на первоначальные стандарты собственно маньчжурских хроник.

Во-вторых, по мере процесса китаизации маньчжурской элиты маньчжурский язык, как язык оригинала для хроник, был замещен китайским языком, а маньчжурская версия хроник стала вторичной.

В-третьих, необходимо отметить, что сам факт наличия разновременных и разноязычных версий хроник правления первых императоров цинской династии ставит перед исследователями целый ряд трудноразрешимых вопросов, которые нуждаются в самом тщательном изучении.

В-четвертых, составление «Правдивых записей» стало необходимым условием преемственности и легитимации власти цинских императоров в период правления маньчжурской династии в Китае.

Примечания

1. Daicing ulus-un mongyul-un mayad qauli [True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1. In Mongolian.] Hohhot, The Center of Education of Inner Mongolia publ., 2013. 1236 p.

2. Аюшеева М. В. «Правдивые записи о монголах Цинской империи» как источник по истории монгольского буддизма // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 11. ч. 2. 2018. с. 88-98.

3. Базаров Б. В., Сундуева Е. В., Цыренов Ч. Ц., Нолев Е. В. «Открылось то, что хранится в золотом сундуке...»: к вопросу об источниках и назначении «Правдивых записей о династии Цин» // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 11-23.

4. Базаров Б. В., Сундуева Е. В., Цыренов Ч. Ц., Нолев Е. В. «Правдивые записи о династии Цин» в востоковедной историографии // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 11. ч. 2. 2018. с. 149-160.

5. Доронин Б. Г. Китай XVII–XVIII вв.: проблемы историографии и источниковедения. Л.: Ленинградский университет, 1988. 173 с.

6. Доронин Б. Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2002. 288 с.

7. История Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент. А. Г. Малявкина. Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1998. 288 с.

8. Мелихов Г. В. «Да Цин личао шилу» как исторический источник // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Проблемы истории и экономики). М., 1969. С. 68-79.

9. Николаева Н. Н., Отгонтуул Т. Орнитоморфная символика в летописных памятниках монголов и произведении «Правдивые записи о монголах Цинской империи» («Daicing ulus-un Mongyol-un mayad qauli») // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 11. ч. 2. 2018. с. 107-124.

10. Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 228 с.

11. Сундуева Е. В., Отногтуул Т. Названия военных чинов с компонентом *ejen* в «Правдивых записях о монголах Цинской империи» // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. т. 2. № 3. с. 11-16.

12. Цыренов Ч. Ц., Ганбат Н. Маньчжурские почтовые станции в период династии поздняя Цзинь (1616–1636 гг.) (по материалам хроник «Дай Цин Тайцзу шилу» и «Аньчунь гурун») // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 11. ч. 2. 2018. с. 161-169.

13. Чимитдоржиева Г. Н. Обзор некоторых маньчжурских этнонимов в памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи» // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 11. ч. 2. 2018. с. 125-137.

References

1. Daičing ulus-un mongyul-un mayad qauli [Veritable records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1.]. Hohhot, The Center of Education of Inner Mongolia publ., 2013. 1236 p. [In Mongolian]

2. Ayusheeva M. V. «Pravdivye zapisi o mongolakh Tsinskoi imperii» kak istochnik po istorii mongol'skogo buddizma [«True records about Mongols of the Qing dynasty» as a source on the history of Mongolian buddhism] // Kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki. Vyp. 11. ch. 2. 2018. Pp. 88-98. [In Russ.].

3. Bazarov B. V., Sundueva E. V., Tsyrenov Ch. Ts., Nolev E. V. “Otkrylos' to, chto khranitsya v zolotom sunduke...”: k voprosu ob istochnikakh i naznachenii “Pravdivykh zapisei o dinastii Tsin” [‘Treasures of the Golden Chest Brought to Light...’: Revisiting the Sources and Purport of the ‘Truthful Record of the Qing Dynasty.’] // Vestnik arhivista, 2018. no. 1. Pp. 11-23. [In Russ.].

4. Bazarov B. V., Sundueva E. V., Tsyrenov Ch. Ts., Nolev E. V. «Pravdivye zapisi o dinastii Tsin» v vostokovednoi istoriografii [«Truthful records of the Qing dynasty» in Oriental studies] // Kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki. Vyp. 11. ch. 2. 2018. Pp. 149-160. [In Russ.].

5. Doronin B. G. Kitai XVII–XVIII vv.: problemy istoriografii i istochnikovedeniya [China in 17–18 centuries: issues of historiography and source study]. L.: Leningradskii universitet, 1988. 173 p. [In Russ.].

6. Doronin B. G. Istoriografiya imperatorskogo Kitaya XVII–XVIII vv. [Historiography of Imperial China of the 17–18 centuries]. SPb.: Filol. fak-t SPBGU, 2002. 288 p. [In Russ.].

7. Istoriya Zolotoi imperii [The History of Jin empire] / Per. G. M. Rozova, komment. A. G. Malyavkina. Novosibirsk: Izdatel'stvo instituta arkhologii i etnografii SO RAN, 1998. 288 p. [In Russ.].

8. Melikhov G. V. «Da Tsin lichao shilu» kak istoricheskii istochnik [«Da Tsin lichao shilu» as a historical source] // Strany Dal'nego Vostoka i Yugo-Vostochnoi Azii (Problemy istorii i ekonomiki). M., 1969. Pp. 68-79. [In Russ.].

9. Nikolaeva N. N., Otgontuul T. Ornitomorfная simvolika v letopisnykh pamyatnikakh mongolov i proizvedenii «Pravdivye zapisi o mongolakh Tsinskoi imperii» («Dayičing ulus-un Mongyol-un mayad qauli») [Ornithomorphic symbols in the chronicles of the Mongols and in the work

«True records of the Mongols of the Qing dynasty» («Dayičing ulus-un Mongyul-un mayad qauli») // Kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki. Vyp. 11. ch. 2. 2018. Pp. 107-124. [In Russ.].

10. Pan T. A. Man'chzhurskie pis'mennye pamyatniki po istorii i kul'ture imperii Tsin XVII-XVIII vv. [Manchu written sources on the history and culture of the Qin Empire in the 17-18th Centuries]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 228 p. [In Russ.].

11. Sundueva E. V., Otnogtuul T. Nazvaniya voennykh chinov s komponentom *ejen* v «Pravdivykh zapisyakh o mongolakh Tsinskoj imperii» [Names of military ranks with '*ejen*' component in "True records about Mongols of Qing empire"] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. t. 2. № 3. Pp. 11-16. [In Russ.].

12. Tsyrenov Ch. Ts., Ganbat N. Man'chzhurskie pochtovye stantsii v period dinastii pozdnyaya Tsin' (1616–1636 gg.) (po materialam khronik «Dai Tsin Taitszu shilu» i «An'chun' gurun») [To the question of Jurchen postal stations during the Hou Jin dynasty (based on the materials of the chronicles «Dai Qing Taizu shilu» and «Anchun gurun»)] // Kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki. Vyp. 11. ch. 2. 2018. Pp. 161-169. [In Russ.].

13. Chimitdorzhieva G. N. Obzor nekotorykh man'chzhurskikh etnonimov v pamyatnike «Pravdivye zapisi o mongolakh Tsinskoj imperii» [Overview of some ethnonyms in the monument “True records of the Mongols of the Qing empire”] // Kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki. Vyp. 11. ch. 2. 2018. Pp. 125-137. [In Russ.].

Бураев А. И.

Buraev A.I.

МЕЖПЛЕМЕННЫЕ (МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ?) ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРУПП ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

INTER-TRIBAL (INTER-ETHNIC?) INTERACTIONS OF THE ANCIENT POPULATION GROUPS OF CENTRAL ASIA

В статье поставлен вопрос о таксономическом статусе групп древнего населения Центральной Азии. На примере населения неолита, бронзового века и эпохи кочевых империй показана сложность в определении таксономического ранга известных исторических объединений на этой территории. В основу статьи легли антропологические и археологические данные.

The article raises the question of the taxonomic status of the groups of the ancient population of Central Asia. On the example of the population of the Neolithic, Bronze Ages and nomadic empires epoch the complexity of determining the taxonomic rank of famous historical associations in the area is shown. The article is based on anthropological and archaeological data.

Ключевые слова: таксономия, археология, антропология, китойская культура, серовская культура, плиточные могилы, херексуры, хунну, сяньби, Центральная Азия.

Keywords: taxonomy, archaeology, anthropology, Kitoy culture, Serov culture, slab graves, khereksurs, Hunnu, Xianbei, Central Asia.

На территории Центральной Азии на протяжении значительного хронологического отрезка, от эпохи неолита до эпохи средневековья включительно, происходило активное взаимодействие различных в этническом отношении групп населения. В исторической ретроспективе встает вопрос о таксономическом статусе этих групп. Являлись ли они племенами, народностями или нациями? (в данном сообщении нет необходимости рассуждать о родовой структуре, которая перманентно присутствовала в течение всего периода исследования в заданных территориальных границах). При решении поставленной задачи нельзя забывать о мощных миграционных потоках на территории исследования. При этом в центральноазиатском регионе миграции проходили как с Востока на Запад, так и с Запада на Восток, что отчетливо зафиксировано археологически, антропологическими материалами и, где это возможно, данными

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4)

письменных источников. Зачастую, отмеченные процессы вели к смешиванию населения и созданию новых этнических образований.

Казалось бы, для эпохи неолита все обстоит достаточно просто. Это родовой строй, роды объединялись в племена, а последние, на закате эпохи, в племенные союзы. Но обратимся к историческим реалиям того времени. Они широко известны. К настоящему времени, в целом, складывается следующая ситуация. Наиболее древней на территории Циркумбайкалья является китойская культура. Появление китойцев в Прибайкалье происходит около 7000 лет назад, а их доминирование здесь длится около 1000 лет (ранний неолит). Далее, в развитии неолита (Прибайкалье) возникает необъяснимая пауза в 500-800 лет по разным данным [1]. После паузы к Байкалу приходят носители серовской культуры, которую в последнее время большинство исследователей объединяют с исаковской. Они доминируют в IV тыс. до н.э. (поздний неолит). Две указанных культуры (китойская и серовская) значительно различаются между собой не только по данным археологии, но и антропологически. Отсутствие генетической связи между населением раннего и позднего этапов неолита Прибайкалья исследователи-антропологи интерпретируют как возможное указание на пришлое, миграционное происхождение популяций позднего этапа [2].

Население серовской культуры характеризуется европеоидной примесью. В коллективной статье российских, американских и канадских исследователей отмечены существенные антропологические различия между племенами раннего неолита и населением позднего неолита. Был выявлен европеоидный компонент в антропологическом составе неолитического населения Прибайкалья. Данные палеоантропологии подтвердили сделанный на археологических материалах вывод о прерывании развития человеческих сообществ приблизительно на 800 лет на территории Прибайкалья. После отмеченного хиатуса население региона, по мнению авторов, сменилось [3].

Серовцы отличались достаточно высоким, на фоне других неолитических групп региона, уровнем «технологического» развития. Главным маркером серовских памятников является наличие в них роговых накладок на лук, увеличивающих дальность и мощность оружия. Отметим и большую численность серовского населения по сравнению с предшествующими и синхронными группами. Территориальная экспансия серовцев распространялась вплоть до Ордоса [4].

По мнению автора настоящего сообщения, в отношении серовцев возникают вопросы по поводу их таксономического ранга. Столь мощное объединение, осуществившее значительную, по любым меркам, территориальную экспансию, в то же время антропологически гомогенное являлось племенем? Возможно поставить вопрос о довольно развитом серовском племенном союзе или начале образования народа?

Таким образом, уже в эпоху неолита существуют вопросы, ответы на которые не до конца выяснены. По крайней мере, необходимо четко

обозначить таксономический статус различных групп населения для внесения определенности в научных кругах и особенно в курсах для средней и высшей школ.

По палеоантропологическим данным часть китойского населения, в эпоху раннегонеолита мигрировавшего из Прибайкалья в Забайкалье, затем вернулась в Прибайкалье в глазковское время (ранняя бронза).

Это повлияло на морфологическое разнообразие глазковцев, непосредственно происходящих от серовцев (поздний неолит), генетически не связанных с китойцами [5]. Исходя из полученных данных, можно аргументированно настаивать на смешанном происхождении населения глазковской культуры, что так же затрудняет их определение в таксономическом смысле.

Следующий этап в истории Центральной Азии – эпоха поздней бронзы и раннего железного века, когда здесь проживало население, создавшее памятники культуры плиточных могил, и носители культуры курганов-херексуров. В этот период таксономическая ситуация значительно усложняется.

Рассмотрим установленные исторические факты. По культуре плиточных могил определены хронологические и локальные рамки, установлена ее идентичность на всей территории распространения [6]. Необходимо уточнить, что культура распространяется практически на всей территории Центральной Азии и ее северной географической периферии.

В исторических исследованиях принято связывать население культуры плиточных могил с группой дунху. В. С. Таскин на материалах китайских летописей, блистательно аргументировал наличие этнических связей между дунху и монголами [7], с чем согласно большинство специалистов, обращавшихся к рассматриваемой тематике. Таким образом «плиточники» являются предками монгольских народов.

Приблизительно с VI в. до н.э. начинаются постоянные набеги хунну, или их предков, на кочевья дунху, при этом, поначалу, они не оставляют на территории Забайкалья сохранившихся до наших дней памятников; дунху под жестким давлением вынуждены либо покинуть родину, либо подчиниться новому гегемону; к III в. до н.э. они либо занимают подчиненное положение, либо проживают на окраинах центральноазиатского кочевого мира (Приольхонье и Приаргунье).

Исследователи-антропологи однозначно определились с расовой принадлежностью населения, захороненного в плиточных могилах. В антропологической систематике оно относится к североазиатским монголоидам, сближаясь по основным параметрам с байкальской расой. Были отмечены генетическая преемственность между населением эпохи неолита и позднего бронзового века Забайкалья и несомненное участие последних в этнических процессах в регионе в хуннскую и последующие эпохи.

Отметим, что, несмотря на малочисленность данной серии, краинологический материал из плиточных могил однороден и весьма выразителен. Это позволяет утверждать, что на протяжении эпохи бронзы

здесь формируется гомогенный антропологический тип, отличающийся от населения соседних территорий.

Что мы имеем в итоге: антропологически гомогенное население, проживавшее на огромной территории, имевшее одну культуру, один способ хозяйственной деятельности (кочевое скотоводство) и даже одно (пусть и китайское) наименование. Представляется, что это уже этнос, причем этнос прамонгольский. Предложение, конечно, спорное, но, по нашему мнению, его необходимо обсуждать.

Археологическое изучение курганов-херексуров имеет долгую историю, но все же, указанные памятники исследованы значительно слабее памятников культуры плиточных могил. Во многом это связано с крайне незначительным количеством археологических и антропологических находок. Исследованы памятники Монголии, Тувы, Горного Алтая и Южного Забайкалья. К настоящему времени большинство исследователей сходится в понимании однокультурности данного конгломерата памятников на всей огромной территории их распространения [8]. Датировка херексуров достаточно сильно варьирует в зависимости от автора и территории исследования в связи с почти полным отсутствием датирующего материала. Для Забайкалья А. Д. Цыбиктаровым предложена датировка серединой II тыс. до н.э. – VIII-VI вв. до н.э. [9]. Монгольскими коллегами получены радиоуглеродные даты по трем херексурам, которые укладываются в период от XVII до X вв. до н.э. [10], что в целом подтверждает предложенную Цыбиктаровым хронологическую идентификацию. Представляется вполне логичным распространение полученной датировки на все памятники этой группы.

Происхождение херексуров А. Д. Цыбиктаров связал с центральноазиатским вариантом афанасьевской культуры, представленной такими памятниками, как Алтан-сандал и Шатар-чулуу в Монголии, Байдаг-Баары I, Кызыл-Хая и Хайыракан I в Туве [11]. Гипотеза происхождения специфических черт погребального обряда культуры херексуров от локального варианта афанасьевской культуры представляется весьма продуктивной в смысле прояснения генезиса херексуров и носителей этой яркой культурной традиции.

Антропология населения, оставившего херексуры, изучена еще более фрагментарно, чем археология. Учитывая декларированную коллегами однокультурность всего массива памятников подобного типа, можно предположить, что, как и в Монголии [12], большинство погребенных европеоидны, хотя согласно А.Д. Цыбиктарову, череп из могильника Улзыт III был характеризован И.И. Гохманом как монголоидный и схожий с черепами из плиточных могил [13, с. 144]. Здесь нет непреодолимых противоречий. Вне всяких сомнений, при довольно значительном перекрытии ареалов друг друга [13, с. 194, рис. 2] и, как представляется, длительном (по крайней мере, несколько веков) проживании по-соседству, население культуры плиточных могил и херексуров смешивалось как генетически, так и механически. Совместная территория обитания и один образ

жизни (кочевой) неизбежно должны были привести к метисации двух рассматриваемых популяций. Действительно, высокая мобильность кочевников, традиционная брачная практика, диктующая брак с представителем не своего родоплеменного образования, и обычные для степняков вооруженные коллизии из-за пастбищ или угона скота, зачастую заканчивающиеся уводом противной стороны в свои кочевья, способствовали процессу монголизации создателей херексуров. Здесь необходимо отметить, что в плиточных могилах европеоидных или метисированных черепов не обнаружено.

О реальности отмеченного процесса свидетельствует единичный череп из херексура у г. Худжиртэ. По комплексу признаков череп занимает промежуточное положение между европеоидной и монголоидной расами. Как справедливо заметили авторы, «эти отличия на единичном объекте вполне могут быть индивидуальными особенностями данного черепа» [14, с. 52-53]. Однако имеются в наличии 3 черепа из безинвентарных погребений (памятники монгун-тайгинского типа) в Западной Монголии из раскопок В.В. Волкова [15]. Черепа, изученные В.П. Алексеевым [16], вне всяких сомнений, также относятся к метисированной популяции и, по признанию И.И. Гохмана, обнаруживают «поразительное сходство» с черепом из Худжиртэ [14, с. 54]. Таким образом, создается небольшая серия, по характерным признакам которой можно составить мнение о метисированной части населения, создавшего памятники монгун-тайгинского типа и херексуры.

Генезис европеоидного населения (херексуры), по всей вероятности, связан с предшествующими обитателями центральноазиатских степей и европеоидным окружением. Имеются в виду европеоидные черепа с территории Монголии, Тувы, Алтая и Хакасии. В этой связи особое внимание необходимо обратить на два мужских черепа из могильника Шатар-чулуу (напомним, что А. Д. Цыбиктаров относит памятник к центральноазиатскому варианту афанасьевской культуры и склонен видеть в этой локальной группе основу формирования культурной общности херексуров и курганов монгун-тайгинского типа). Они вне всяких сомнений европеоидны и сходны, если не сказать идентичны, с черепами из афанасьевских погребений Алтая и Минусинской котловины, что указывает на направление и истоки миграции носителей культуры курганов-херексуров и их непосредственных предков.

Изложенные факты неопровержимо свидетельствуют о появлении в эпоху бронзы на территории Центральной Азии мощной группировки, вступившей в противостояние с «плиточниками» и в течение длительного времени выдерживавшей его. Причем население изначально являлось европеоидным и, соответственно, резко отличалось от местного, что могло вызвать дополнительную неприязнь у монголоидного населения культуры плиточных могил. Принимая во внимание высказанные предложения о характере таксономического статуса последних, следует признать за пришлым населением аналогичный уровень.

Исходя из полученных данных, можно предположить, что в период энеолита произошла миграция афанасьевского (европеоидного) населения на юго-восток, в степи Монголии, и, возможно, Забайкалья, давшая толчок метисационным процессам на этой территории. В последующий период, здесь проживает смешанное население, в антропологическом составе которого, наряду с европеоидами и монголоидами, присутствуют метисированные группы. При этом в составе населения культуры херексуров и памятников монгун-тайгинского типа преобладает европеоидный компонент, население же культуры плиточных могил выражено монголоидно.

Таким образом, население эпохи бронзы, скорее всего, произошло от предшественников на территории проживания. В то же время, высказанное предположение относится только к части населения околобайкальского пространства. В этот период отчетливо проявляется дуалистический характер этнокультурной ситуации в регионе. Здесь сталкиваются два мощных потока, культурно и этнически разнородных. По всей вероятности, население культуры плиточных могил и племена, создавшие курганы-херексуры, соперничали между собой. Но в то же время длительность сосуществования, захоронение практически в одних и тех же местах, находка в кургане Улзыт III погребенного монголоидного облика (а строители херексуров в основном европеоиды), позволяют предполагать наличие элементов этнического и культурного взаимопроникновения. Нельзя забывать и о кочевом образе жизни объединявшем, как представляется, население обеих культур на индивидуальном, бытовом уровне. По всей вероятности, в конце эпохи бронзы в северной части Центральной Азии сложился своеобразный расово-культурный паритет. Монголоидные плиточники и европеоидные носители культуры херексуров были вынуждены к сосуществованию общностью территории и невозможностью полного уничтожения противника (история имеет примеры именно такого разрешения территориального вопроса).

Итак, на рубеже II и I тыс. до н.э. впервые среди кочевников исследуемой территории фиксируются длительные этнокультурные контакты между представителями не только разных этносов, но и разных рас.

Далее на исторической арене Центральной Азии доминирующая роль переходит к широко известным в мировом масштабе хунну и сяньби. Основной зоной распространения памятников этих культур в регионе являются Монголия, Внутренняя Монголия и Западное Забайкалье, а их влияние ощутила вся современная им ойкумена.

Возникшая государственность, направленность на завоевательную политику и, связанные с ней, крупные территориальные приобретения ставят таксономические затруднения в истории кочевников в другую плоскость. Хунну имперского периода представляли собой конгломерат из разных племен, групп и отдельных родов, зачастую генетически не связанных между собой. Степные племена, по всей вероятности, принимали сторону и, соответственно, обрядность господствующего в центральноа-

зиатских степях объединения. О том, как отдельные образования внутри хуннской державы самоидентифицировались, можно только догадываться. Дальнейший ход истории показал, что они, входя в государство хунну, сохранили свою идентичность. Иначе трудно объяснить тот факт, что после распада кочевой империи сяньбийцы (подчинившаяся хунну их часть и родственные им образования), китайские народности и др. остались сами собой и сразу же самоорганизовались. Однако для всего остального мира они в великодержавный период несомненно являлись хуннами. Возникает своеобразная коллизия. Поэтому опять обратимся к фактам.

История образования, развития и падения империи Хунну общеизвестна и вряд ли нуждается в повторениях. Обратим более пристальное внимание на антропологию хунну. Сразу необходимо отметить, что в памятниках хунну Забайкалья и Монголии встречаются как абсолютно монголоидные, так и полностью европеоидные черепа. При достаточно давнем смещении указанных элементов (в предшествующие эпохи), без новых вливаний европеоидного контингента в антропологический состав населения региона, скорее всего антропологическая картина, к рубежу эр, была бы иной.

И.И. Гохман прямо указывает: «Любой способ внутригруппового анализа серии хуннов Забайкалья показывает наличие в ней морфологически противоположных вариантов. В серии преобладают монголоидные черепа байкальского типа. Но наряду с ними имеются и совершенно европеоидные черепа с резко профилированным лицом, высоким переносием, сильно выступающими носовыми костями» [17].

Современный анализ материала позволяет сделать вывод о синхронном сосуществовании различных расовых типов на территории байкальского региона в хуннское время. По всей видимости, европеоидное и монголоидное население региона активно контактировали между собой на всем протяжении I тыс. до н.э. и в первые века н.э. По не так давно полученным палеогенетическим данным, выделяются три компонента в составе генофонда хунну: собственно центральноазиатский (он же южносибирский); связанный с Юго-Восточной Азией (Китай); переднеазиатский. На основании археологических аналогий и данных одонтологии, по материалам из могильника Ноин-Ула в Монголии, дано аргументированное подтверждение реальности выявившихся генетических связей между столь географически отдаленными (Передняя Азия и Забайкалье) группами населения [18].

Таким образом, байкальский регион в указанный период, как и в предшествующий, являлся маргинальным для монголоидных и европеоидных популяций. Вопрос – откуда и куда был направлен миграционный поток, касается основополагающих постулатов истории Центральной Азии.

Стоит особо отметить, что речь идет не только о европеоидной примеси, но и о морфологически «чистых» европеоидах. С другой стороны, большинство погребенных хунну принадлежат к монголоидной расе

и по своим антропологическим характеристикам не отличаются от предшествующих им «плиточников». Европеоиды и монголоиды, погребенные по идентичному обряду в одном могильнике и, скорее всего, определявшие себя как единую социально-политическую общность, представляют собой выразительный пример межэтнической кооперации и толерантности.

Потомки населения культуры плиточных могил, вероятно, сохранили свое присутствие на территории Восточной Сибири и Монголии и в «хуннское» время. Что касается европеоидного компонента в хуннской серии, то пока нет достаточных данных для определения его происхождения. Предварительно можно предположить, что Монголия и юг Забайкалья входили в зону активного проникновения европеоидов с запада и монголоидов с востока. Два отличающихся в расовом и этническом отношении потока вступали в различные формы взаимодействия (от воинствующего антагонизма до создания объединенных военно-политических образований), смешиваясь между собой.

Итак, в хуннскую державу входили представители разных рас, народностей и племен. Как же их называть всех вместе? Если экстраполировать ситуацию на современность, то очень подошел бы термин «россияне» или «американцы». Называть их всех «хунну»? Но, безусловно, существовали и собственно хунну, как отдельное этническое образование. Выскажу опять же спорное предложение, оставить название «хунну» за собственно хуннским этносом, а на население всей кочевой империи, участвовавшее в ее создании и воевавшее за государство, распространить общепонятный термин «гунны». А их таксономическое определение надо обсуждать: была ли это нация, конгломерат или какой-либо другой таксон.

Постоянным соперником хунну в центральноазиатских степях были сяньби, появляющиеся в китайских хрониках с III в. до н.э. [19]. На территории Восточного Забайкалья были обнаружены археологические памятники, определяемые читинскими коллегами как сяньбийские [20]. Полученные материалы позволяют поверить в реальность сообщений китайских хронистов и монгольских преданий о том, что предки монголов были вынуждены уйти из родных кочевий на Восток.

Исследование черепов сяньби позволяет настаивать на их абсолютной монголоидности и предполагать их родственность с «плиточниками». Таким образом, прародина средневековых монголов определяется нами в аргументированно локализованном месте – Приаргунье. По всей очевидности, часть кочевников Монголии и Циркумбайкалья, не приняв гегемонию хунну, ушла на восток, поселившись в богатых приаргунских степях. Усилившись, сяньби вернулись на родину предков и восстановили статус-кво.

И снова встает вопрос об определении таксономического ранга сяньбийцев – объединения, оказавшего серьезное сопротивление такому противнику, как хунну и, в конечном итоге, победившего. При гомогенно-

сти антропологического состава несомненной четкой самоидентификацией, с хорошо определенной конкретной целью для всего населения, сяньби, скорее всего, следует идентифицировать как этнос.

Исходя из вышеизложенного, представляется следующая гипотетическая схема европеоидно-монголоидного межэтнического и межплеменного взаимодействия на территории Центральной Азии в эпохи неолита и древних кочевников. В указанный период не было жесткой этнической и даже расовой дифференциации между населявшими центральноазиатские степи кочевыми объединениями. На основании общности бытового и духовного уклада жизни отдельные племена, роды, семьи и индивидуумы легко интегрировались в более крупные социально-политические образования, принимая сторону более сильного и успешного. В письменных источниках неоднократно отмечаются факты поглощения доминирующим в степи племенным образованием номадов более слабых на данный момент соседей. Прочитаем В.С. Таскина, ввиду уместности по отношению к фигурантам процесса. Исследователь приводит свидетельство китайского хрониста о вхождении значительного количества хунну (сюнну) в состав сяньбийцев: «Оставшиеся роды сюнну, которые все еще насчитывали свыше 100 тыс. юрт, стали называть себя сяньбийцами, и с этого времени началось постепенное усиление сяньбийцев» [21, с. 45]. По расчетам автора, это не менее 500 тыс. человек – огромная, даже на сегодняшний день, численность населения для слабозаселенного региона.

Приведенное свидетельство лишь документальное подтверждение, по всей видимости, широко распространенной в среде номадов практики. Для хунну и сяньби, вероятно, имели место и обратные метаморфозы. Так, Фань Е свидетельствует о том, что сюннузабирали у ухуанейжен и детей в случае непредставления дани: «Сюннуперебили много народу, угнали до тысячи женщин и малолетних и объявили ухуаням: «Приходите выкупать с лошадьми, кожами и полотном». Более 9 тыс. родственников угнанных в плен явились с имуществом и скотом для выкупа, но сюнну взяли выкуп, а явившихся задержали и не отпустили обратно» [21, с. 297-298]. А, как общеизвестно, ухуани были ближайшими родственниками сяньби. Таким образом, процесс метисации происходил в степях Центральной Азии перманентно и, как становится ясно из первого свидетельства, весьма масштабно.

Представляется очевидным, что во времена хунно-сяньбийского противостояния, или взаимодействия, происходила беспрецедентная нивелировка родового и племенного самосознания. Люди самостоятельно или под принуждением достаточно легко меняли свою племенную принадлежность, и это становилось обычной практикой. По всей вероятности, население Центральной Азии переходило к новому этапу своего развития, который в итоге завершился созданием наций.

В заключение хотелось бы отметить, что все вышеизложенное является исключительно лишь постановкой вопроса об унификации таксо-

номических дефиниций в истории древнего населения Центральной Азии; попыткой инициировать научную дискуссию и получить методологические поправки от коллег-этнографов.

Примечания

1. Мамонова Н. Н. Датирование погребений эпох неолита, энеолита и бронзы Прибайкалья методом радиоуглеродного анализа (к вопросу периодизации) // Горизонты антропологии : тр. междунар. науч. конф. памяти академика В. П. Алексеева. М., 2003. С. 429 ; Базалийский В. И. К проблеме культурно-хронологических особенностей погребальных комплексов эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. Ч. 1. С. 39-40.

2. Мовсесян А. А., Пежемский Д. В. Ранненеолитическое население Южного Байкала по данным о дискретно-варьирующих признаках на черепе (могильник Шаманка II) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2013. № 3. С. 54-63.

3. Population affinities of neolithic siberians: a snapshot from prehistoric Lake Baikal / K. P. Mooder, T. G. Schurr, F. J. Bamforth, V. I. Bazaliiski, N. A. Savel'ev // Am. J. Phys. Anthropol. 2006. V. 129. P. 349–361.

4. История Сибири : в 5 т. Т. 1. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. С. 116.

5. Мовсесян А. А., Пежемский Д. В. Существовала ли генетическая преемственность между населением различных этапов Прибайкальского неолита? // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2015. № 3. С. 94-104.

6. Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья // Тр. отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. 1941. Т. 1. С. 273-309 ; Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во. 1958 ; Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор, 1967 ; Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1998 ; Эрдэнэбаатар Д. Памятники бронзового и раннего железного веков бассейна р. Селенги : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улаанбаатар, 1977.

7. Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М. : Наука, 1984. С. 39-62.

8. Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 30-31 ; Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 156 ; Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1998. С. 143 и т. д.

9. Цыбиктаров А. Д. Культурное и хронологическое соотношение херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2004. Вып. 2. С. 47.

10. Эрдэнэбаатар Д. Памятники бронзового и раннего железного веков бассейна р. Селенги : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улаанбаатар, 1977. С. 18 ; Батсайхан З. Монголын хурлийн уеийн дурсгалуудын он цаг ба угсаатны уйл явц // Туухийн судлал. Улаанбаатар хот, 1995. Т. 29. Fasc. 1-15.
11. Цыбиктаров А. Д. Могильники афанасьевского типа Монголии и Тувы (Вопросы культурной принадлежности и датировки) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ ; Чита : Изд-во БГУ, 2002. С. 42-52.
12. Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск : Наука, 1987. С.231.
13. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1998.
14. Гохман И. И., Влчек Э. Э. Древнее погребение из Худжирта (Центральная Монголия) // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. СПб. : Наука, 1991.
15. Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.
16. Алексеев В. П. География человеческих рас. М. : Мысль, 1974.
17. Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л. : Наука, 1977. Вып. 7. С. 162-163.
18. Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья / А. С. Пилипенко, Н. В. Полосьмак, П. Б. Коновалов, А. А. Журавлев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. 17, № 1. С. 224.
19. Комиссаров С. А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск : Наука, 1988. С. 33.
20. Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Литвинцев А. Ю. Граффити на бересте сяньбийского могильника Зоргол – I // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока : тез. докл. XXXVIII РАЭСК, посвящ. 90-летию акад. А. П. Окладникова. Улан-Удэ, 1998 ; Ковычев Е. В., Яремчук О. А. Погребальный обряд могильника Зоргол – I // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии : материалы 40-й РАЭСК. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2000. Т. 3. С. 60-69.
21. Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М. : Наука, 1984.

References

1. Mamonova N.N. Datirovanije pogrebenij epoch neolita, eneolita i bronzy Pribajkal'ja metodom radiouglerodnogo analiza (k voprosu

periodizacii) [Dating burials of the epoch of neolithic, aeneolithic and bronze of Pre-baikalia by the method of radiocarbon analysis // Gorizonty antropologii: Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamyati akademika V.P. Alekseeva [Horizons of anthropology: proceeding of intern.scient conf. in memory of academician V.P. Alexeev]. M., 2003. P. 429; Bazalijskij V.I. K probleme kul'turno-hronologicheskikh osobennostej pogrebal'nyh kompleksov epohi pozdnego mezolita – neolita Bajkal'skoj Sibiri [To the problem of cultural-chronological particulars of burial complexes of the epoch of late metholithic-neolithic of Baikal Siberia // Sociogenez v Severnoj Azii [Sociogenesis in Northern Asia]. Irkutsk, 2005. – Part1. - Pp. 39-40. [In Russ.].

2. Movsesyan A.A., Pezhemskij D.V. Ranneneoliticheskoe naselenije Yuzhnogo Bajkala po dannym o diskretno-var'iruyushchih priznakah na cherepe (mogil'nik Shamanka II) [Early neolithic population of South Baikal according to the data about discrete changeable features on the sculp (burial Shamanka II) // Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Series 23: Anthropology. 2013. № 3. Pp. 54-63.[In Russ.].

3. Mooder K.P., Schurr T.G., F.J. Bamforth F.J., Bazaliiski V.I., Savelyev N.A. Population affinities of neolithic Siberians: a snapshot from prehistoric Lake Baikal // Am. J. Phys. Anthropol. 2006. V. 129. Pp. 349–361.[In Eng.].

4. Istoriya Sibiri [History of Siberia]: v 5 t. V.1. – L.: Nauka, Leningrad branch, 1968. P.116. [In Russ.].

5. Movsesyan A.A., Pezhemskij D.V. Sushchestvovala li geneticheskaya preemstvennost' mezhdru naselenijem razlichnyh etapov Pribajkal'skogo neolita?[Was there any genetic continuity between the population of different stages of Pre-Baikal Neolithic] // Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow university]. Series 23: Antropology. 2015. № 3. Pp. 94-104.[In Russ.].

6. Sosnovskij G.P. Plitochnye mogily Zabajkal'ja (Slab graves) // Tr. otdela istorii pervobytnoj kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha [Works of the department of primitive culture history of the State Hermitage]. 1941. T. 1. P. 273-309; Dikov N.N. Bronzovij vek Zabajkal'ja [Bronze Age of Transbaikalia]. Ulan-Ude: Buryat Press, 1958; Volkov V.V. Bronzovij i rannij zheleznij veka Severnoj Mongolii [Bronze and early iron ages of Northern Mongolia]. Ulan-Bator, 1967; Cybiktarov A.D. Kul'tura plitochnyh mogil Mongolii i Zabajkal'ya [Culture of slab graves of Mongolia and Transbaikalia]. Ulan-Ude: BSU, 1998; Erdenebaatar D. Pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznoogo vekov bassejna r. Selengi: Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk [Monuments of bronze and early iron ages of the Selenga river basin: dissertation thesis ... candidate of history]. Ulaanbaatar, 1977.

7. Taskin V.S. Materialy po istorii drevnih kochevyh narodov gruppy dunhu [Materials of history of ancient nomadic peoples of group dunkhu]. M.: Nauka, 1984. Pp.39-62. [In Russ.].

8. Konovalov P.B. Etnicheskiye aspekty istorii Central'noj Azii (drevnost' i srednevekov'je) [Ethnic aspects of Central Asia history]. Ulan-Ude: BSC SB RAN Press, 1999. S.30-31; Hudyakov Yu.S. Hereksury i olennye kamni [Khereksurs and deer stones // Arheologija, etnografija i antropologija Mongolii [Archaeology, ethnography and anthropology]. Novosibirsk: Nauka, 1987. P. 156; Cybiktarov A.D. Kul'tura plitochnyh mogil Mongolii i Zabajkal'ja [Culture of slab graves of Mongolia and Transbaikalia]. Ulan-Ude: BSU Press, 1998. P.143, etc.[In Russ.].

9. Cybiktarov A.D. Kul'turnoe i hronologicheskoe sootnoschenije hereksurov i pamyatnikov mongun-tajginskogo tipa Gornogo Altaja, Tuvy, Mongolii i Yuzhnogo Zabajkal'ja [Cultural and chronological ratio of khereksurs and monuments of mongun-taiginsk type of Gorny Altai, Tuva, Mongolia and Southern Transbaikalia // Central'naya Aziya i Pribajkal'je v drevnosti [Central Asia and Pre-Baikal in ancient times]. Ulan-Ude: BSU Press, 2004. Ed. 2. P. 47.[In Russ.].

10. Erdenebataar D. Pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznoogo vekov bassejna r. Selengi: Avtoref. dis. ...kand. ist. Nauk [[Monuments of bronze and early iron ages of the Selenga river basin: dissertation thesis ... candidate of history]. Ulaanbaatar, 1977. S.18. Batsajkhan Z. Mongolyn hurlijn ueijn dursgaluudyn on cag ba ugsaatny ujl yavc // Tuuhijn sudlal. Ulaanbaatar hot, 1995. T. 29. Fasc. 1-15 [In Mong.].

11. Cybiktarov A.D. Mogil'niki afanas'evskogo tipa Mongolii i Tuvy (Voprosy kul'turnoj prinadlezhnosti i datirovki) [Graveries of afanasij type of Mongolia and Tuva (to the issue of cultural belonging and dating) // Central'naja Azija i Pribajkal'je v drevnosti [Central Asia and Pre-Baikal in ancient times]. Ulan-Ude; Chita: BSU Press, 2002. Pp. 42-52. [In Russ.].

12. Alekseev V.P., Gokhman I.I., Tumen D. Kratkij ocherk paleoantropologii Central'noj Azii (kamennyj vek – epoha rannego zheleza) [Short profile of paleontology of Central Asia (stone age-epoch of early iron) // Arheologija, etnografija i antropologija Mongolii [Archaeology, ethnography and anthropology]. Novosibirsk: Nauka, 1987. P.231. [In Russ.].

13. Cybiktarov A.D. Kul'tura plitochnyh mogil Mongolii i Zabajkal'ja [Culture of slab graves of Mongolia and Transbaikalia]. Ulan-Ude: BSU Press, 1998. P.144. [In Russ.].

14. Gokhman I.I., Vlček E.E. Drevnee pogrebenie iz Hudzhirta (Central'naja Mongolija) [Ancient burial from Khudzhirta (Central Mongolia)] // Novye kollekcii i issledovaniya po antropologii i arheologii]. SPb.: Nauka, 1991. Pp.52-53 (In Russ.).

15. Volkov V.V. Bronzovyj i rannij zheleznyj veka Severnoj Mongolii [Bronze and early iron ages of Northern Mongolia]. Ulan-Bator, 1967. [In Russ.].

16. Alekseev V.P. Geografija chelovecheskih ras [Geography of human races]. M.: Mysl', 1974.

17. Gokhman I.I. Antropologicheskoe izuchenije Zabajkal'ja v Troicko-Kyachtinskom otdelenii Russkogo geograficheskogo obshchestva

[Anthropological research of Troitsko-Kyakhta branch of the Russian geographical society // Ocherki istorii russkoj etnografii, fol'kloristiki i antropologii [Profiles of history of Russian ethnography, folkloristics and anthropology]. L.: Nauka, 1977. Ed. VII. Pp. 162-163. [In Russ.].

18. Pilipenko A.S., Polosmak N.V., Konovalov P.B., Zhuravlev A.A. Genofond mitohondrial'noj DNK hunnu Zabajkal'ja [Genofund of mitochondrial DNA of the hunnu of Transbaikalia] // Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. 2011. T. XVII. № 1. P. 224. [In Russ.].

19. Komissarov S.A. Kompleks vooruzhenija drevnego Kitaja: Epoha pozdnej bronzy [Complex of armament of ancient China: epoch of late bronze]. Novosibirsk: Nauka, 1988. – P.33. [In Russ.].

20 Kirillov I.I., Kovychev E.V., Litvincev A.Yu. Graffiti na bereste syan'bijskogo mogil'nika Zorgol – I [Graffiti on the birch bark of sayansyanbiysk burial Zorgol-I] // Arheologija i etnografija Sibiri i Dal'nego Vostoka [Archaeology and ethnography of Siberia and Far East]: Tez. dokl. XXXVIII RAESK, posvyashch. 90-letiyu akad. A.P. Okladnikova [Abstracts of the reports of XXXVIII RAESK devoted to the 90th anniversary of the acad. A.P. Okladnikov]. Ulan-Ude, 1998; Kovychev E.V., Yaremchuk O.A. Pogrebal'nyj obryad mogil'nika Zorgol–I [Burial ritual of Zorgol-I] // Nasledije drevnih i tradicionnyh kul'tur Severnoj i Central'noj Azi [Heritage of ancient and tradiational culture of Northern and Central Asia: Mat-s of the 40s RAESK. – Novosibirsk: NSU Press, 2000. T. 3. Pp. 60-69.[In Russ.].

21. Taskin V.S. Materialy po istorii drevnih kochevyh narodov gruppy dunhu [Materials of history of ancient nomadic peoples of dunkhu group]. M.: Nauka, 1984. – P.45. [In Russ.]

Бураева С.В.

Buraeva S.V.

**СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ КНИЖНАЯ ТРАДИЦИЯ ЕНИСЕЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ
КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА¹**

**THE OLD BELIEVERS' BOOK TRADITION OF THE YENISEI:
THE POSSIBILITIES AND PROBLEMS OF COMPARATIVE
ANALYSIS**

В статье обсуждаются вопросы изучения одной из важнейших составляющих традиционной культуры этноконфессиональных групп – книжности. В центре внимания - возможности и проблемы диахронного и синхронного сравнительного исследования традиции енисейских старообрядцев. Отмечен уровень исследований в сопредельных и отдаленных старообрядческих регионах. Проанализирована степень доступности и репрезентативности выявленных книжных раритетов в енисейских старообрядческих сообществах. Автор приходит к выводу о предварительном характере результатов, основанных на исследовании дисперсных книжных собраний Енисея. Сформулированы основные проблемы корректности компаративного анализа региональной книжной традиции на современном уровне владения информацией.

The article discusses the study of one of the most important components of the traditional culture of ethnic-religious groups – bookishness. The focus is on the possibilities and problems of diachronic and synchronic comparative study of the traditions of the Yenisei Old believers. The level of research in adjacent and remote old believers regions is noted. The degree of availability and representativeness of the revealed book rarities in the Yenisei old believer communities is analyzed. The author emphasizes the preliminary nature of the results based on the study of dispersed book collections of the Yenisei. The main problems of correctness of comparative analysis of regional book tradition at the modern level of information possession are formulated.

Ключевые слова: старообрядчество, книжная традиция, археография, сравнительно-исторический метод, Енисей.

Keywords: old belief, book tradition, Archeography, comparative historical method, the Yenisei.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00723А "Енисейский меридиан" старообрядчества: сохранение и развитие традиции в условиях таёжных скитов и деревень

Старообрядчество - одно из наиболее мощных духовных движений в российской истории. Его культура – неотъемлемая часть культуры России на протяжении трех с половиной столетий. Именно поэтому исследования, связанные с выявлением, изучением и сохранением историко-культурного наследия в различных регионах – постоянная составляющая гуманитарных изысканий ученых России и зарубежья. На международных и всероссийских научно-практических форумах представители науки, общественности и старообрядчества заинтересованно и углубленно обсуждают исторический опыт и особенности духовной жизни этого уникального явления.

Исследование истории старообрядчества невозможно без освоения его книжно-рукописной традиции, поскольку книга – важнейший элемент православной христианской культуры. Сохранение рукописной традиции в среде российского старообрядчества XVIII-XX вв., несомненно, можно назвать одной из определяющих черт его духовности. Искусство письма и художественного оформления книги было поднято старообрядцами на большую высоту и поддерживалось вплоть до XX в. Книжно-рукописная традиция отражает «состояние духовного просвещения» в старообрядческом движении, именно в среде старообрядчества были глубоко усвоены традиции древнерусской книжности, использованные, впоследствии, при написании собственно старообрядческих произведений. Благодаря старообрядчеству были созданы предпосылки для сохранения и изучения многочисленных памятников письменности. Книжные собрания, возникшие в ходе последующих археографических поисков, являются, таким образом, памятниками народной культуры XVIII-XX вв.

Изучение традиционной культуры старообрядчества как системы поставило ряд принципиально новых проблем. К концу XX в. были предложены и разработаны понятия: территориального книжного собрания, территориальной книжной культуры, единой традиционной словесности в двух взаимообусловленных и взаимозависимых формах реализации культуры - письменной и устной, традиционной книжности в двух ее неразрывных формах - письменной и печатной, традиционной «народной филологии».

Наибольших результатов возможно достичь, применяя сравнительно-исторический (компаративный) метод. С его помощью, путём сравнения, выявляется общее и особенное в исторических явлениях, достигается познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений. Компаративный анализ позволяет выявить и сопоставить уровни в развитии изучаемого объекта, произошедшие изменения, определить тенденции развития. Сравнительно-сопоставительный метод выявляет природу разнородных объектов; историко-типологическое сравнение объясняет сходство не связанных по своему происхождению явлений одинаковыми условиями генезиса и развития; историко-генетическое сравнение объясняет сходство явлений как результат их родства по происхождению; кроме того, очень

важно сравнение, при котором фиксируются взаимовлияния различных явлений.

Заметим, что уже Аристотель использовал историческое сравнение в анализе политических форм античности. Однако общепризнанным сравнительно-исторический метод становится лишь в XIX в., получив разнообразное применение в языкознании, социологии, юриспруденции, литературоведении, культурологии, этнографии др. В археографии же на уровень сравнительных исследований вышли значительно позднее.

Начало собирательской археографической деятельности в России связано со становлением исторической науки в XVIII в., с именами В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, Н.И. Новикова [1]. В первой половине XIX в. складываются научно-организационные формы отыскания старинных книг и актов – археографические экспедиции, а в 1834 г. в Петербурге была создана Археографическая комиссия [2].

В конце XIX-начале XX вв. В. И. Срезневским впервые были предприняты «региональные» разыскания старинных книг и рукописей – у крестьян Русского Севера – в Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерниях. В его работах заложены основы современной методики полевых региональных археографических исследований, предусматривающей изучение книг и рукописей, находящихся как в частных коллекциях, так и в государственных хранилищах [3].

В первые десятилетия советской власти археографическая работа была сосредоточена в основном в научно-исследовательских учреждениях, музеях, архивах. В предвоенный период начало систематическим поискам старинных печатных и рукописных книг в местах проживания старообрядцев было положено В.И. Малышевым [4]. Затем, по его инициативе, в 1949 г. было создано Древлехранилище института русской литературы, ставшее впоследствии крупнейшим собранием книжности русского крестьянства Севера России.

В середине прошлого столетия наряду с давними, общепризнанными центрами археографии в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Вильнюсе, появились новые – на Урале и в Сибири. Это сделало необходимым и возможным не только составление научных описаний и каталогов коллекций в местных музеях и библиотеках, но и позволило значительно расширить изучение особенностей региональных книжно-рукописных традиций, составов старообрядческих библиотек и архивов на востоке России.

В последующие годы появились работы, характеризующие особенности книжной культуры старообрядцев Европейского Севера России [5], Поволжья [6], Урала [7], Сибири [8], Алтая [9], Дальнего Востока [10], Ненецкого национального округа [11] и других регионов локального проживания старообрядцев. Новым направлением в археографии последних лет стало изучение процессов миграции книг, влияния книжно-рукописных традиций Русского Севера на книжность Урала с дальнейшим

проникновением в Сибирь и обратного воздействия традиций Урала и Сибири на развитие культуры Русского Севера [12].

Книжный мир семейских Забайкалья издавна привлекал к себе внимание многих исследователей. Первые сведения о старообрядцах Забайкалья сообщил ещё в XVIII в. П. С. Паллас. Немало упоминаний о семейских в записках и дневниках декабристов, в работах С.В. Максимова, Н.В. Ушакова, Н. В. Паршина, А. П. Протасова, П. А. Ровинского, Ю.Д. Талько-Грынцевича, А. М. Станиловского. Ученые в своих исследованиях наряду с описанием культуры, фольклора и быта старообрядцев упоминали о виденных у семейских рукописях и «древних» книгах [13]. В 1919 г. известный профессор-славист А.М. Селищев обследовал более тридцати семейских поселений в Бурятии и Читинской области. По материалам этой экспедиции А. М. Селищев опубликовал монографию, в которой уделил основное внимание различным аспектам языка, фольклора и книжной культуры местных старообрядцев [14].

Археографы впервые серьезно обратили внимание на Забайкалье лишь в середине прошлого столетия. В 1959 - 1961 гг. в Бурятии работали первые экспедиции, организованные Археографической комиссией при Отделении исторических наук АН СССР совместно с БКНИИ. В экспедициях принимали участие В. Б. Павлов-Сильванский, А. И. Рогов, Г. И. Охрименко, Р. В. Костина, а также научный сотрудник Института русского языка АН СССР В.С. Гольщенко. Плановые археографические работы сибирских ученых начались с 1965 г. В течение трех последующих десятилетий в полевых исследованиях в Забайкалье участвовали ученые Института истории, филологии и философии СО РАН (Н.Д. Зольникова), Новосибирского государственного университета и Отдела редкой и рукописной книги ГПНТБ СО РАН (Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев, А. Ю. Бородихин), а также Новосибирской консерватории (Т. Г. Казанцева (Федоренко)). Результатом регулярных «новосибирских» экспедиций явилось формирование коллекций древних книг и рукописей из Забайкалья в фондах ГПНТБ и сектора источниковедения Института истории СО РАН.

На современном этапе исследования проводят сотрудники Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и Бурятского государственного университета (С. В. Бураева, Е. В. Петрова, С. В. Васильева). В результате археографического обследования были выявлены новые рукописи, гектографы и старопечатные книги, определены пути миграций книжно-рукописных памятников, получены сведения об уставщических и церковных библиотеках. Особенности развития археографии в Забайкалье, отсутствие собственной базы для масштабных обследований привели к тому, что книжные и рукописные памятники, собранные на территории Забайкалья, оказались рассредоточенными по различным государственным, общественным и частным собраниям в основном за пределами региона бытования.

Книжный мир старообрядцев Тувы на протяжении нескольких десятилетий привлекал внимание ученых – Н.Н. Покровского, Н.Д. Зольни-

ковой и др. Известны и работы о взаимодействии старообрядцев Тувы и Алтая. А.А. Стороженко, А.В. Костровым и др. участниками проекта «"Енисейский меридиан" старообрядчества: сохранение и развитие традиции в условиях таёжных скитов и деревень» ведутся интенсивные экспедиционные и камеральные исследования в различных селах (Эржей, Сизим и др.) и скитах бассейна Енисея [15]. Уже опубликованы первые интересные результаты, однако традиционная книжность по-прежнему находится на периферии внимания. Это имеет вполне понятное объяснение. На Енисее старообрядческие поселения и скиты были основаны теми, кто намеренно старался уйти как можно дальше «от мира». Следовательно, любые «чужаки» всегда будут несколько отстранены от самого важного и сакрального. Нужно много времени и знаний, чтобы староверы согласились разговаривать о вере, традициях, обычаях, показали книги и рукописи, позволили присутствовать на службе. Еще одна проблема – нежелание фотофиксации всего, что связано с верой. Уважение и понимание этих принципов серьезно усложняет работу исследователей именно с памятниками письменности; но это необходимо.

Таким образом, в связи с недостаточным уровнем знаний о местной книжной традиции, компаративного исследования книжной традиции староверов Тувы и других регионов ранее не проводилось. Заметим, это вполне объяснимо – и для синхронного, и для диахронного сравнения есть препятствия. Рассмотрим, например, возможности сравнительного анализа старообрядчества Тувы и Забайкалья. Регионы достаточно различаются по уровню адаптации, условиям проживания и формам самоорганизации старообрядцев. В Забайкалье заметно меньше представителей часовенного согласия, практически нет скитов; поповцы менее закрыты и дают возможность не только ознакомиться с текстами сочинений, но и осуществить фотосъемку.

Возможен ли компаративный анализ в настоящий момент? Вероятно, сегодня мы можем говорить лишь о предварительных результатах. В книжно-рукописной традиции забайкальских и тувинских старообрядцев помимо достаточно сходного канонического круга богослужебных и учительных книг, выявлен существенный сегмент неканонических сочинений. В Забайкалье обнаружено более двух десятков списков апокрифов и более 60 названий духовных стихов. Изучение неканонической части книжной традиции Тувы в самом начале, хотя уже выявлены рукописные сборники с духовными стихами и «заметками». Тем не менее, даже на этом этапе сравнение двух провинциальных старообрядческих локаций на востоке России дало возможность зафиксировать сходные жанры и репертуар в старообрядческой среде. Среди них, прежде всего – покаянные, назидательные духовные стихи, хотя совпадений в репертуаре немного (Сон Богородицы, Стих о старце, Птичка и др.). Вопросно-ответные сочинения в Туве пока не удалось зафиксировать, хотя это может быть объяснено значительно большей закрытостью старообрядцев, чем в Забайкалье.

Таким образом, учитывая все еще дисперсный уровень изучения книжных собраний старообрядческих сообществ Енисея и малочисленность сведений о них в предшествующие периоды, мы можем говорить лишь о предварительном характере выводов. Необходимо существенно расширить представление о стандарте и вариативности локальных книжных традиций в бассейне р. Енисей. Именно с невысоким современным уровнем владения информацией, достаточной закрытостью староверов, сложностью фотофиксации книжных памятников (и, соответственно, их последующим анализом) связаны основные проблемы корректности компаративного анализа региональной книжной традиции.

Примечания

1. Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Н.И. Новикова. – М., 1778-1791. – Ч.1-20.

2. Летопись занятий Археографической комиссии. – СПб; Пг; Л., 1862-1929. – Т.1-35.

3. Срезневский В.И. Отчет отделению русского языка и словесности имп. Академии наук о поездке в Вологодскую губернию. – СПб., 1903; Срезневский В.И. Отчет отделению русского языка и словесности имп. Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии. – СПб, 1904 и др.

4. см., например: Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI-XX вв. – Сыктывкар, 1960.

5. Амосов А.А. Книжная культура крестьянства Русского Севера. Источники и перспективы разработок // Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры. – Вологда, 1980. – С.36-41; Амосов А.А. Базы данных по региональной книжной культуре в контексте современной археографии // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. – С.112-119; Колесникова П.А. Рукописные памятники в краеведческих музеях Европейского Севера // Археографический ежегодник за 1979 год. – М., 1981. – С.142-146; Бобров А.Г. Новые материалы по истории северо-двинской книжной традиции: находки 1988 и 1989 гг. // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. Часть 2: Археография и книжность. – Сыктывкар, 1990. – с. 12-13; Власов А.Н. Книжная культура Устюга Великого и Сольвычегодска в XVI-XVII вв. Сыктывкар, 1991; Волкова Т.Ф. Задачи и перспективы исследования книжных культурных центров на территории Республики Коми // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. – Сыктывкар, 1996. Т.2. Филология. Этнология. – С.50-56; Волкова Т.В. Создатели и хранители рукописно-книжной традиции на Нижней Печоре // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ, 2001. – С.309-314; Бубнов Н.Ю. Лицевые рукописи старообрядческой книгописной мастерской вологодских крестьян Каликиных // Старообрядчество: история и современность.

менность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ, 2001. – С.314-320.

6. К истории книжной культуры Южной Вятки. – Л., 1991. – 142 с.; Поздеева И.В. Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы духовной культуры русского населения верховьев Камы (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966-1980 гг.) // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. – М., 1992. – С.40-72; Власов А.Н., Рыжова Е.А. Старообрядческий книжный центр на Ундоре // Старообрядчество: история, культура, современность. – М., 1997. – С.171 - 172.

7. Пихоя Р.С. Книжно-рукописная традиция Урала XVIII - начала XX вв. (к постановке проблемы) // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. – Новосибирск, 1982. – С.101-115; Пихоя Р.С. Книга в культуре Урала XVIII в. // Археографический ежегодник за 1984 год. – М., 1986. – С.160-170; Книги старого Урала (сост. и научн. редактор д.и.н. Р.Г. Пихоя). – Свердловск, 1989. – 240 с.;

8. Дергачева-Скоп Е.И., Ромодановская Е.К. Собрание рукописных книг Государственного архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение в Сибири. – Новосибирск, 1975. – С.64-144; Покровский Н.Н. Рукописные и старопечатные книги Тюменского областного музея // Археография и источниковедение в Сибири. – Новосибирск, 1975. – С.144-149; Покровский Н.Н. Поиски и находки памятников кириллической письменности и печати в Сибири // Славянский альманах 2002. – М., 2003. – с.4-16; Поплавная В.А. Книги из библиотеки первого старообрядческого епископа Савватия // II -е Макушинские чтения. – Томск, 1991.- С.228-230; Зольникова Н.Д. Сибирские староверы и власть после революции: судьбы и дороги // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII-XX вв. – Новосибирск, 1996. – С.109-119; Зольникова Н.Д. Эсхатология енисейского старовера-книжника часовенного согласия Исая Назаровича // Отечественная история. – М., 2000.- №5; Бахтина О.Н. Из истории книжной культуры Томска (архивные дела об изъятии старообрядческих книг) // Книга и книжное дело в сибире. – Новосибирск, 1989. – С.227-228; Бахтина О.Н. Русские старопечатные книги XVI-XVIII вв. Томского объед ист.-архитект. Музея. – Новосибирск, 1997; Есипова В.А. Археографическая работа на территории Томска и Томской области как источник комплектования ОРиРК НБ ТГУ // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ, 2001. – С.354-356; Книга и литература в культурном контексте. Сборник, посвященный 35-летию начала археографической работы в Сибири 1965 – 2000. Новосибирск, 2003.

9. Дементьева Л.С., Семилет Т.А. Проблемы изучения старообрядческой культуры Алтая // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ, 2001. – С.334-339.

10. Бородихин А.Ю. Об особенностях археографической работы в местах нетрадиционного расселения старообрядцев (дальневосточные экспедиции 1988-89 гг.) // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. Часть 2: Археография и книжность. – Сыктывкар, 1990. - С. 14-15

11. Майорова О.Ю. К вопросу о репертуаре крестьянских библиотек современных старообрядцев (по материалам археографических экспедиций в Ненецкий национальный округ) // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. Часть 2: Археография и книжность. – Сыктывкар, 1990. - С. 47-48.

12. Взаимодействие книжных традиций Поморья, Урала и Сибири в XVI-XX вв. – Екатеринбург, 2002. – 244 с.

13. Ровинский П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия Сибирского Отдела РГО.- 1872.- Т.3.- № 3; Ушаров Н.П. Заметки о забайкальских старообрядцах // Сб. Газ. “Сибирь”. Т.1.- СПб, 1876. - С.313-333; Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье // Протоколы общего собрания ТКОПОРГО.- Кяхта, 1894.- №2; Протасов Н.П. Песни забайкальских старообрядцев. – Иркутск, 1926; Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье // Протоколы общего собрания ТКОПОРГО.- Кяхта, 1894.- №2. – С.15-20; и др.

14. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы (семейские). - Иркутск, 1920.

15. Костров А. В. Историзм в современном настенном листе старообрядцев часовенного согласия // REOSIANAG.№17. August 2018. Institute for Russian and Altaic Studies, Chungbuk National University. P. 229-262.

References

1. Drevnjaja rossijskaja vivliofika [Ancient Russian . 2-e izd. N.I. Novikova. – M., 1778-1791. – CH.1-20. [In Russ.].

2. Letopis' zanyatij Arheograficheskoj komissii. – Spb;Pg; L., 1862-1929.- Т.1-35.

3. Sreznevskij V.I. Otchet otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti imp. Akademii nauk o poezdke v Vologodskuyu guberniyu. – SPb., 1903; Sreznevskij V.I. Otchet otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti imp. Akademii nauk o poezdke v Oloneckuyu, Vologodskuyu i Permskuyu gubernii. – SPB, 1904 i dr.

4. sm., naprimer: Malyshev V.I. Ust'-Cilemskie rukopisnye sborniki XVI-XX vv. – Syktyvkar, 1960.

5. Amosov A.A. Knizhnaya kul'tura krest'yanstva Russkogo Severa. Istochniki i perspektivy razrabotok // Vklad severnogo krest'yanstva v razvitiye material'noj i duhovnoj kul'tury. – Vologda, 1980. – S.36-41; Amosov A.A. Bazy dannyh po regional'noj knizhnoj kul'ture v kontekste sovremennoj arheografii // Istochniki po istorii narodnoj kul'tury Severa. Syktyvkar, 1991. –

S.112-119; Kolesnikova P.A. Rukopisnye pamyatniki v kraevedcheskih muzeyah Evropejskogo Severa// Arheograficheskij ezhegodnik za 1979 god. – M., 1981. – S.142-146; Bobrov A.G. Nove materialy po istorii severodvinskoj knizhnoj tradicii: nahodki 1988 i 1989 gg. // Ustnye i pis'mennye tradicii v duhovnoj kul'ture naroda. CHast' 2: Arheografiya i knizhnost'. – Syktyvkar, 1990. - s. 12-13; Vlasov A.N. Knizhnaya kul'tura Ustyuga Velikogo i Sol'vychegodska v XVI-XVII vv. Syktyvkar, 1991; Volkova T.F. Zadachi i perspektivy issledovaniya knizhnyh kul'turnyh centrov na territorii Respubliki Komi // Hristianizaciya Komi kraja i ee rol' v razvitii gosudarstvennosti i kul'tury. – Syktyvkar, 1996. T.2. Filologiya.EHtnologiya. – S.50-56; Volkova T.V. Sozdateli i hraniteli rukopisno-knizhnoj tradicii na Nizhnej Pechore // Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye tradicii, russkie i zarubezhnye svyazi. – Ulan-Udeh, 2001. – S.309-314; Bubnov N.YU. Licevye rukopisi staroobryadcheskoj knigopisnoj masterskoj vologodskih krest'yan Kalikinyh // Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye tradicii, russkie i zarubezhnye svyazi. – Ulan-Udeh, 2001. – S.314-320.

6. K istorii knizhnoj kul'tury YUzhnoj Vyatki. – L., 1991. – 142 s.; Pozdeeva I.V. Vereshchaginskoe territorial'noe knizhnoe sobranie i problemy duhovnoj kul'tury russkogo naseleniya verhov'ev Kamy (po materialam arheograficheskikh ehkspedicij MGU 1966-1980 gg.) // Russkie pis'mennye i ustnye tradicii i duhovnaya kul'tura . – M., 1992. – S.40-72; Vlasov A.N., Ryzhova E.A. Staroobryadcheskij knizhnyj centr na Undore // Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. - M., 1997. - S.171 - 172.

7. Pihoya R.S. Knizhno-rukopisnaya tradiciya Urala XVIII - nachala XX vv. (k postanovke problemy) // Istochniki po kul'ture i klassovoj bor'be feodal'nogo perioda. - Novosibirsk, 1982. - S.101-115; Pihoya R.S. Kniga v kul'ture Urala XVIII v. // Arheograficheskij ezhegodnik za 1984 god. - M., 1986. - S.160-170; Knigi starogo Urala (sost. i nauchn. redaktor d.i.n. R.G. Pihoya). – Sverdlovsk, 1989. – 240 s.;

8. Dergacheva-Skop E.I., Romodanovskaya E.K. Sobranie rukopisnyh knig Gosudarstvennogo arhiva Tyumenskoj oblasti v Tobol'ske // Arheografiya i istochnikovedenie v Sibiri. – Novosibirsk, 1975. – S.64-144; Pokrovskij N.N. Rukopisnye i staropechatnye knigi Tyumenskogo obslastnogo muzeya// Arheografiya i istochnikovedenie v Sibiri. – Novosibirsk, 1975. – S.144-149; Pokrovskij N.N. Poiski i nahodki pamyatnikov kirillicheskoj pis'mennosti i pečati v Sibiri// Slavyanskij al'manah 2002. – M., 2003. – s.4-16; Poplavnaya V.A. Knigi iz biblioteki pervogo staroobryadcheskogo episkopa Savvatiya // II -e Makushinskie chteniya. - Tomsk, 1991.- S.228-230; Zol'nikova N.D. Sibirskie starovery i vlast' posle revolyucii: sud'by i dorogi // Social'no-demograficheskie problemy istorii Sibiri XVII-XX vv. – Novosibirsk, 1996. – S.109-119; Zol'nikova N.D. EHskhatologiya enisejskogo starovera-knizhnika chasovenno go soglasiya Isaya Nazarovicha // Otechestvennaya istoriya. – M., 2000.- №5; Bahtina O.N. Iz istorii knizhnoj

kul'tury Tomska (arhivnye dela ob iz"yatii staroobryadcheskih knig) // Kniga i knizhnoe delo v sibiri. – Novosibirsk, 1989. – S.227-228; Bahtina O.N. Russkie staropechatnye knigi XVI-XVIII vv. Tomskogo ob"ed ist.-arhitekt. Muzeya. – Novosibirsk, 1997; Esipova V.A. Arheograficheskaya rabota na territorii Tomska i Tomskoj oblasti kak istochnik komplektovaniya ORiRK NB TGU // Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye tradicii, russkie i zarubezhnye svyazi. – Ulan-Udeh, 2001. – S.354-356; Kniga i literatura v kul'turnom kontekste. Sbornik, posvyashchennyj 35-letiyu nachala arheograficheskoy raboty v Sibiri 1965 – 2000. Novosibirsk, 2003.

9. Dement'eva L.S., Semilet T.A. Problemy izucheniya staroobryadcheskoj kul'tury Altaya // Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye tradicii, russkie i zarubezhnye svyazi. – Ulan-Udeh, 2001. – S.334-339.

10. Borodihin A.YU. Ob osobennostyah arheograficheskoy raboty v mestah netradicionnogo rasseleniya staroobryadcev (dal'nevostochnye ehkspedicii 1988-89 gg.) // Ustnye i pis'mennye tradicii v duhovnoj kul'ture naroda. CHast' 2: Arheografiya i knizhnost'. – Syktyvkar, 1990. - S. 14-15

11. Majorova O.YU. K voprosu o repertuare krest'yanskikh bibliotek sovremennykh staroobryadcev (po materialam arheograficheskikh ehkspedicij v Neneckij nacional'nyj okrug) // Ustnye i pis'mennye tradicii v duhovnoj kul'ture naroda. CHast' 2: Arheografiya i knizhnost'. – Syktyvkar, 1990. - S. 47-48.

12. Vzaimodejstvie knizhnyh tradicij Pomor'ya, Urala i Sibiri v XVI-XX vv. – Ekaterinburg, 2002. – 244 s.

13. Rovinskij P.A. EHtnograficheskie issledovaniya v Zabajkal'skoj oblasti// Izvestiya Sibirskogo Otdela RGO.- 1872.- T.3.- № 3; Usharov N.P. Zametki o zabajkal'skih staroobryadcah // Sb. Gaz. "Sibir". T.1.- SPb, 1876. - S.313-333; Tal'ko-Gryncevich YU.D. Semejskie (staroobryadcy) v Zabajkal'e // Protokoly obshchego sobraniya TKOPORGO.- Kyahta, 1894.- №2; Protasov N.P. Pesni zabajkal'skih staroobryadcev. – Irkutsk, 1926; Tal'ko-Gryncevich YU.D. Semejskie (staroobryadcy) v Zabajkal'e // Protokoly obshchego sobraniya TKOPORGO.- Kyahta, 1894.- №2. – S.15-20; i dr.

14. Selishchev A.M. Zabajkal'skie staroobryadcy (semejskie). - Irkutsk, 1920.

15. Kostrov, A. V. Istorizm v sovremennoi nastennoi zhivopici ctaroobryadcev chasovenного coglasiya // REOSIAHAG.No. 17. August 2018. Institute for Russian and Altaic Studies, Chungbuk National University. 229-262.

Дикий Я.В.

Dikiy Ya.V.

**КОЛЛЕКЦИИ ЭПОХИ КАМНЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
АРХЕОЛОГИИ БУРЯТИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ БНЦ СО РАН)¹**

**COLLECTIONS OF THE STONE AGE AS A SOURCE OF THE
ARCHAEOLOGY HISTORY OF BURYATIA
(ON THE MATERIALS OF THE MUSEUM OF THE BURYAT
SCIENTIFIC CENTER OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)**

В статье проанализирована история формирования и состав коллекций каменного века в Музее Бурятского научного центра СО РАН. Полученные результаты демонстрируют системное расширение исследовательских интересов на протяжении 2-й половины XX в. – начала XXI в. Отмечено количественное превосходство по сравнению с коллекциями других периодов. Рассмотрены персоналии археологов, связанные с созданием коллекций. Автор приходит к выводу о важной роли такого комплексного источника по изучению истории науки и в том числе - археологии каменного века Бурятии.

The article analyzes the history of the formation and composition of the collections of the Stone Age in the Museum of the Buryat scientific center of the Siberian branch of the Russian Academy of sciences. The obtained results demonstrate a systematic extension of research interests during the 2nd half of the XXth century – early XXIst century. Numerical superiority in comparison with the collections of other periods is underlined. The archaeologists' personalities connected with the creation of collections are considered. The author comes to the conclusion that the role of such a complex source in studying the history of science, including the archeology of the stone age of Buryatia, is important.

Ключевые слова: археологическая коллекция, каменный век, артефакты, музей БНЦ, источниковедение, археология, исторический источник.

Keywords: archaeological collection, the Stone Age, artifacts, Museum of the BSC, source study, archeology, historical source.

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 "Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии".

Сохранению археологического наследия как составной части культурного наследия уделяется большое внимание в современном мире. Неудивительно, что археологические коллекции в музеях Бурятии – одна из важнейших составляющих музейных фондов. Они дают возможность узнать о древнейшем этапе развития территории современной Бурятии, отражают его отличительные черты, с одной стороны, и место в общей картине исторического прошлого нашей страны – с другой. Археологические исследования, и, как следствие, накопление археологического материала сформировали основу археологических коллекций; эти изыскания прошли путь от «редких эпизодических» наблюдений первых ученых XVII-XVIII вв. до систематических исследований сегодняшнего дня [1; с. 3].

В музеях Бурятии (музей БНЦ, Национальный музей РБ, Кяхтинский краеведческий музей) представлены археологические коллекции, охватывающие практически все исторические периоды развития человека и общества на территории Бурятии и сопредельных регионов. По характеру своих поступлений археологический материал делится на материалы из раскопок, материалы разведочных работ, сборов и отдельных случайных находок. Территориально археологические памятники охватывают всю территорию Бурятии от южных районов (Тункинского, Закаменского и др.) до самых северных (Баунтовский, Муйский и др.). К 2011 г. под государственной охраной Бурятии находилось более 700 объектов археологического наследия [1; с. 5].

Обратимся к коллекциям Музея Бурятского научного центра СО РАН, комплексного научного музея, отражающего полувековые академические исследования в области геологии, палеонтологии, археологии и этнографии, экологии, тибетской медицины, книжной культуры [2; с. 66]. В Музее действуют 5 стационарных экспозиций, представляющих приоритетные направления научной деятельности институтов БНЦ: «Недра Бурятии», «Палеонтология Бурятии в геологической истории Земли», «Древние культуры Байкальского региона», «Естественнонаучные исследования акватории озера Байкал и экологический мониторинг», «Тибетская медицина: история и современность»; постоянные экспозиции дополняются временными тематическими выставками.

Формирование археологического фонда и оформление археологической экспозиции в музее БНЦ начинается в 1989 г. [3; с. 122]. В основу формирования археологического фонда положен комплексный и хронологический принцип. Экспозиция археологического фонда музея отражает результаты исследований на территории Бурятии ученых Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ранее - БИОН) за последние сорок лет. Структура экспозиции представлена основными археологическими эпохами и культурами. Фонды археологического отдела насчитывает более 3000 единиц хранения и согласно культурно-хронологической периодизации района охватывают все исторические эпохи: каменный век, бронзовый век, железный век, средневековье, новое время.

Коллекция каменного века является самой многочисленной и насчитывает 412 уникальных предметов, причем древний каменный век – палеолит – представлен 158 экспонатами[4].

Практически полностью коллекция палеолита была сформирована Л.В. Лбовой, занимавшейся проблемой геоархеологических комплексов на материалах Забайкалья. Она исследовала три крупных памятника начальной поры верхнего палеолита (Варварина Гора, Каменка-А и Каменка-В), представляющих уникальные для Бурятии возможности комплексного палеоэкологического исследования, решения вопросов реконструкции среды обитания палеолитического человека. Дальнейшими детальными исследованиями новых памятников в 1998-2001 гг. – местонахождений Хотык (средне- и верхнепалеолитического возраста), Хотогой-Хабсагай и Санный Мыс (Онинский геоархеологический район), Усть-Итанца, Ветрово и Бурдуково (Итанцинский финально-палеолитический комплекс) – Л. В. Лбовой были получены новые подтверждения сложного и динамического процесса становления и развития культуры человека современного физического типа. В 2000-2001 гг. Л. В. Лбова и Б. А. Базаров провели исследование геоархеологического объекта Засухино, известного как опорный биостратиграфический разрез четвертичного периода Прибайкалья, в результате чего в нижне- и среднелейстоценовых осадках разреза обнаружены артефакты – каменные изделия с искусственной обработкой.

С 1989 г. по 1995 г. Л. В. Лбова работала на археологическом памятнике Каменка (комплексы А и Б). Комплекс А представлял собой хозяйственно-бытовой комплекс - орудийный набор, который составили: остроконечники, ножи, скребки, резцы, проколки, выемчатозубчатые, долотовидные и комбинированные орудия, выполненные преимущественно техникой пластинчатого расщепления камня [1; с. 151]. Находки из комплекса Б исследователь относит к «куналейской культуре», так как среди единиц этого комплекса преобладали изделия на отщепах, в том числе скребков куналейского типа [1 с. 151].

Кроме Каменки Л. В. Лбова вела раскопки на палеолитической стоянке Варварина Гора (1990-1992 гг.), поселение Хотык (1997-1999, 2001, 2003, 2006 гг.) [1; с. 382]. Артефактный набор с этих археологических памятников разнообразен и включает в себя различного рода нуклеусы, разные типы орудий труда (скребки, скребла, проколки, ножи и др.), сколы и предметы неутилитарного назначения.

Эпоха мезолита, так же как и палеолитический период, представлена материалами раскопок, руководителем которых была Л. В. Лбова. Материалы с археологических памятников Мухор-Тала 2, 3 (слой 1), 5, 7 и Каштак она относит к финально-палеолитическому времени, а мезолитический характер найденных материалов Л. В. Лбова оставляет открытым [5; с. 89]. Состав находок разнообразен и представлен скреблами, ножами, скребками, проколками и другими предметами. Однако наибольший интерес вызывает скульптурное изображение животного, возможно

бизона, выполненное из кремневого туфа, на который были нанесены пересекающиеся линии, возможно шерсть [5; с. 84]. Несмотря на то, что проблема мезолита является не решенной в археологии, тем не менее, данный хронологический период отражен в экспозиции как время изменения хозяйственно-культурного уклада населения [4].

Наиболее представительной является коллекция неолита. В ней находится 215 уникальных артефактов, которые были собраны в ходе полевых работ и переданы исследователями в музейные фонды [4].

Не менее интересными являются материалы стоянки Посольск и могильника Онкули, переданные в Музей Е. А. Хамзиной. Раскопки Посольской стоянки, начатые в 1959 г., Е. А. Хамзина завершила в 1963-1964 гг.; однако в фонд Музея они попали значительно позже, в конце 1980-х гг.

Основой неолитической части коллекции каменного века стали археологические материалы, переданные в Музей Л. Г. Ивашиной. Свои исследования она начала в 1968 г. Объектом ее полевых работ стали древности восточных районов Бурятии – Еравнинского, Кижингинского, Хоринского, открыто и исследовано более полутора десятков стоянок эпохи неолита и ранней бронзы (Харга, Кулькисон и др.), раскопан разновременный могильник на оз. Исинга, также исследовано поселение Кибалино. Собранный материал в совокупности с данными предшествующих исследователей вошел в ее монографию «Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии» [7; с. 11]. Артефакты с археологических памятников Кибалино, Тунка, Нур-Тухум, Сирикта, Нижняя Джилинда, Кулькисон, Харга, Старая Кичера были переданы в фонд Музея.

В 1989 году начал исследования палеолита В. И. Ташак. В ходе работ в окрестностях Усть-Кяхты выявлена серия новых местонахождений каменного века как с поверхностным залеганием материала, так и с культурными горизонтами, сохранившимися в геологических отложениях, определяемых как палеолитические и мезолитические: Усть-Кяхта-16, Усть-Кяхта-17, Били. Исследования на правом берегу Чикоя (Кударинский археологический район) выявили серию палеолитических местонахождений, в т.ч. стоянку Подзвонкая, один из крупнейших памятников раннего этапа верхнего палеолита не только в Бурятии, но и в Забайкалье. С 2000 г. им начаты исследования в долине речки Алан, впадающей в реку Она (правый приток уды, крупной водной артерии Западного Забайкалья). К настоящему времени здесь выявлено более полутора десятков различных палеолитических местонахождений, на трех из них (Хэнгэртын Скальная; Хэнгэртын Святилище; Барун-Алан-1) проведены стационарные раскопочные работы. К сожалению, материалы из раскопок В. И. Ташака не входят в коллекцию Музея и, находясь на временном хранении, включены лишь в экспозицию.

С 80-х гг. 20 в. расширяется тематическая, хронологическая и территориальная проблематика работ, большое внимание уделяется вопросам охраны археологического наследия. Богатый материал, который ныне

находится на хранении в музее БНЦ СО РАН, дали раскопки В.П. Конева (Фофановский могильник) и Л. В. Лбовой (Верхний Маргинтуй). Отметим вкладышевый кинжал из погребения Фофановского могильника, вырезанная из кости голова лося, со всеми характерными чертами этого животного, а также различные украшения: подвески из клыков кабана и резцов марала, кольца, перламутровый бисер и др.

Расширенные археологические раскопки были проведены на уже известных базовых неолитических объектах (Мухино, Фофаново) – Л. Г. Ярославцевой, В. П. Коневым, Е. Д. Жамбалтаровой. Были получены новые стратиграфические и коллекционные материалы, укрепляющие опорную базу неолита и палеолита. Материалы из раскопок на мог. Фофаново были переданы в фонд Музея Е. Д. Жамбалтаровой.

Процессам неолитизации на территории Забайкалья также посвящены исследования Н. В. Цыденовой, однако результаты ее раскопок также не представлены в коллекции Музея.

Нельзя не отметить и то, что коллекцию каменного века дополнили материалы разведочных работ И. А. Батуева и Н. В. Именохоева, а Б. Б. Дашибалов и П. Б. Коновалов передали неолитические материалы со своих раскопок на памятниках Будун и Дунда-Киреть соответственно.

Переданные каменные и костяные изделия отражают динамику культуры неолита Бурятии. В музейных фондах хранятся разнообразные артефакты: ретушированные орудия – наконечники стрел, ножи, скребки; костяные орудия – наконечники гарпунов, сложносоставные крючки, шилья, острия, а также целые керамические сосуды и их фрагменты [6; с. 114-115]. Кроме того, в коллекциях неолита хранятся украшения, топоры и тесла из нефрита, что является особенностью забайкальского неолита.

Несмотря на то, что на основе многих материалов авторами исследований уже были изданы научные труды, тем не менее, и сегодня наблюдается определенный интерес к изучению каменного века. Так в 2009 - 2018 гг. в музее БНЦ было выдано 281 единица хранения с различных памятников каменного века. Их изучали 10 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Тюмени и других городов; представители разных наук – археологи, палеонтологи, геологи. Этот факт, с одной стороны, подтверждает непреходящий интерес к исследованию каменного века, а с другой – о развитии и активном использовании новых мультидисциплинарных методов, причем применимых и к изучению материалов, ранее введенных в научный оборот.

Большое внимание в последнее десятилетие уделяется и антропологическим останкам эпохи неолита (мог. Фофаново). Важно, что с краниометрическими, одонтологическими и остеологическими материалами работали не только физические антропологи, но и представители лабораторий, проводящих генетические исследования из Японии, Франции, Швеции [8]. Все это, несомненно, способствует вводу новых сведений в научный оборот.

Таким образом, мы видим, что каменный век широко представлен в археологическом отделе Музея БНЦ СО РАН. В хронологическом отношении артефакты коллекций каменного века музея охватывают период от палеолита до неолита. На основе материалов, которые входят в эти коллекции можно сделать несколько выводов.

Во-первых, начало исследований каменного века в Бурятском научном центре (тогда Институт общественных наук БФ СО АН СССР) было заложено в конце 60-х гг. прошлого столетия Л. Г. Ивашиной, а к середине 90-х гг. XX в. увеличивается и количество исследователей, и хронологический охват становится шире. К этому времени исследуются практически все периоды каменного века от палеолита до неолита. Именно в этот период наблюдается наибольший устойчивый интерес среди исследователей к проблемам древнейшего этапа истории Бурятии.

Во-вторых, в состав коллекций, полученных в результате археологических исследований входят разнородные объекты: артефакты из камня, кости, керамики; палеонтологические остатки; антропологический материал - человеческие останки. Многие не сохранили целостность и включены в коллекцию фрагментарно. Известно, что необходимой и обязательной составляющей археологических коллекций является документация, как полевая, так и камеральная: дневники, чертежи, зарисовки, описи, фотографии, рисунки, тексты отчетов и др.

К сожалению, последних в фонде Музея, за исключением описей, практически нет. А ведь именно комплексность делает коллекцию единым источником. Как справедливо считает Н. А. Бердникова, «неделимость его обусловлена спецификой археологического объекта. Если исторические, художественные, архитектурные и другие коллекции являются собранием какой-то части культурного пространства, которое можно представить и восстановить по массе других источников, а утеря какого-то предмета или части предметов из их состава, разделение самой коллекции не оказывают сильного влияния на весь общий информационный поток, то роль археологических коллекций несколько иная. Археологическая коллекция является источником комплексной информации только во всей своей целостности, со всеми ее составляющими, в том числе и различной документацией, приближаясь к полному отражению археологического объекта... Археологическая коллекция является целостным собранием и должна восприниматься как тот же археологический объект, но в иной информационной системе» [9]. Поиск и восполнение лагун в информационном поле коллекций каменного века в Музее БНЦ – одна из задач, решение которой позволит существенно усилить роль этого важного источника в воссоздании истории археологии Бурятии.

Примечания

1. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия. Т. 2. Памятники Археологии. Улан-Удэ : НовоПринт, 2011. 392 с. : ил. С. 5.

2. Буряева С. В. Мурзинцева А. Е. Музей Бурятского научного центра СО РАН // Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук : очерки формирования и развития / отв. ред. О. Н. Труевцева. Новосибирск, 2009. С. 66.

3. Антонова Ю. Е., Батулин С. А. Музей и наука: опыт подготовки новой археологической экспозиции музея БНЦ СО РАН // Музей и наука : к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета : материалы Междунар. науч. конф. (10-12 нояб. 2011 г., Кемерово). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. С. 122.

4. Антонова Ю. Е., Батулин С. А. Археологические коллекции музея БНЦ СО РАН // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2018. № 3. С. 27-35.

5. Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Забайкалья. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.

6. Ивашина Л. Г. Неолит энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск : Наука, 1979. 154 с.

7. Коновалов П. Б. Пятьдесят пять лет археологии Бурятского научного центра СО РАН // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 3 (26). Ч. 1. 225 с.

8. Палеоантропологическое исследование Фофановского могильника (Забайкалье) эпохи неолита – энеолита / М. М. Герасимова, С. Б. Боруцкая, С. В. Васильев, С. Ю. Фризен, Е. Д. Жамбалтарова // Вестник антропологии. 2010. № 18. С.113-127 ; Ранненеолитические погребения Фофановского могильника (по данным археологии и палеоантропологии) / Е. Д. Жамбалтарова, М. М. Герасимова, С. В. Васильев, С. Б. Боруцкая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. С. 90-96.

9. Бердникова Н. Е. Археологические объекты, коллекции и проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 10. С. 94-109.

References

1. Svod objektov kulturnogo nasledija Respubliki Buryatija. T.2. Pamjatniki Arheologii [Set of objects of cultural heritage of the Republic of Buryatia. Vol. 2. Monuments of archaeology. Ulan-Ude: Novoprint, 2011. 392 p.: ill. P. 5. (in Russ.).

2. Buraeva S.V., Murzintseva A.Ye. Muzej Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN [Museum of the Buryat scientific center of SB RAS // Muzej nauchnyh centrov i institutov Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. Oчерки formirovaniya i razvitija [Museums of scientific centers and institutes of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences: formation and development profiles / Chief ed. O.N. Truevtseva. Novosibirsk, 2009. P. 66. (In Russ.).

3. Antonova Yu. Ye., Baturin S.A. Muzej i nauka: opyt podgotovki novoj arheologicheskoj ekspozicii muzeja BNC SO RAN [Museum and science: experience of preparing a new archeological exposition in the

museum of the BSC SB RAS // Muzej i nauka: k 35-letiju muzeja «Arheologija, etnografija i ekologija Sibiri» Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Museum and science: to the 35th anniversary of the museum «Archaeology, ethnography and ecology of Siberia» of Kemerov state university (10-12 November 2011, Kemerovo). – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. – P. 122 [In Russ.].

4. Antonova Yu. Ye., Baturin S.A. Arheologičeskije kollekcii muzeja BNC SO RAN [Archaeological collections of the museum of BSC SB RAS] // Vestnik VSGIK [Bulletin of East Siberian state institute of culture]. 2018. - №3. – Pp.27-35.[In Russ.].

5. Lbova L.V. Paleolit severnoj zony Zabajkal'ja [Paleolithic of northern zone of Transbaikalia]. Ulan-Ude: BSC SB RAS, 2000. – 240 p. [In Russ.].

6. Ivashina L.G. Neolit eneolit lesostepnoj zony Buryatii [Neolithic aeneolithic of the forest zone of Buryatia]. Novosibirsk: Nauka, 1979. – 154 p. [In Russ.].

7. Konovalov P.B. Pyat'desjat pyat' let arheologii Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN [Fifty five years to archaeology of the Buryat scientific center of SB RAS] // Vestnik BNC SO RAN [Bulletin of BNC SO RAN]. 2016. № 3 (26). P.1. – 225 p. [In Russ.].

8. Paleoantropologičeskoe issledovanie Fofonovskogo mogil'nika (Zabajkal'e) epohi neolita – eneolita [Paleontological research of Fofon burial ground (Zabaikalia) of epoch neolithic aeneolithic] / M.M. Gerasimova, S.B. Borutskaya, S.V. Vasilyev, S.Yu. Frizen, E.D. Zhambaltarova // Vestnik antropologii [Bulletin of anthropology]. 2010. №18. Pp.113-127; Ranneneoliticheskiye pogrebenija Fofanovskogo mogil'nika (po dannym arheologii i paleoantropologii) [Early Neolithic burials (on archaeology and paleontology data)] / E.D. Zhambaltarova, M.M. Gerasimova, S.V. Vasilyev, S.B. Borutskaya // Drevnije kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri [Ancient culture of Mongolia and Baikal Siberia]. Irkutsk, 2011. - Pp.90-96.

9. Berdnikova N.E. Arheologičeskie ob"ekty, kollekcii i problemy [Archaeological objects, collections and problems] // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Irkutsk state university]. Series «Geoarchaeology. Ethnography. Anthropology». 2014. T.10. Pp. 94-109.94. [In Russ.].

Николова Ю.С.

Nikolova Yu.S

**К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ТУРИСТСКО-
ЭКСКУРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ
ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (XIX в. – НАЧАЛО XX в.)**

**TO THE ISSUE OF FORMING TOURIST AND EXCURSIVE
ACTIVITY ON THE TERRITORY OF WESTERN TRANSBAIKALIA
(XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES)**

В данной статье анализируется деятельность учреждений, которые стояли у истоков зарождения туристско-экскурсионной деятельности на территории Западного Забайкалья в XIX в. – нач. XX в. Рассмотрены основные направления деятельности курорта Горячинск и Кяхтинского краеведческого музея им. В.А. Обручева как основоположников становления лечебного и культурно-познавательного туризма.

The article analyzes the activities of organizations that originated the formation and development of tourist and excursion activities on the territory of Western Transbaikalia in XIX-the beginning of the XX centuries. The main activities of the resort Goryachinsk and Kyakhta Local History Museum named after V.A. Obruchev have been considered.

Ключевые слова: история туризма, экскурсионная деятельность, Западное Забайкалье, Туркинские минеральные воды, лечебно-оздоровительный туризм.

Keywords: history of tourism, excursion activity, Western Transbaikalia, Turkinsky mineral waters, health tourism.

Сегодня Бурятия представляет собой один из привлекательных регионов России как для развития внутреннего, так и для международного туризма. Уникальное разнообразие природных ландшафтов: наличие горных, степных, озерных, таежных районов, самое глубокое пресноводное озеро в мире – «сибирское море Священный Байкал», множество историко-культурных объектов, самобытная живая культура бурят, эвенков, старообрядцев, а также многочисленные лечебные источники-аршаны делают республику яркой жемчужиной в ожерелье туристских маршрутов России [1, с.64].

Актуальность туризма как приоритетной сферы социально-экономического развития Республики Бурятия объясняет необходимость обращения к историческому опыту становления и развития туристско-экскурсионной деятельности на территории Западного Забайкалья. По данной теме еще не проводилось комплексное исследование, однако следует отметить, что в ряде работ современных исследователей (Жамбалов З.Б.,

Жалсанова Б.Ц., Попова Е.Е., Цыбиктаров А.Д. и др.) были рассмотрены отдельные ее аспекты. В нашей статье предпринята попытка изучить деятельность первых учреждений, стоявших у истоков зарождения туристско-экскурсионной деятельности на территории Западного Забайкалья в XIX – нач. XX вв.

В рассматриваемый период в регионе одним из первых стал развиваться лечебно-оздоровительный туризм. Именно он относится к самым древним видам туристской индустрии, еще с античных времен люди использовали минеральные воды и грязи в лечебных целях.

Деятельность Туркинских минеральных вод – современного курорта «Горячинск» можно рассматривать как первый опыт организации лечебного дела на территории Бурятии. В литературе существуют разные версии о дате открытия Туркинских минеральных вод, однако в 1810 г., из «дикого» места лечения они становятся государственным учреждением и передаются в ведение Приказа общественного презрения. Основными показаниями к бальнеологическому лечению на минеральных водах были мышечные и суставные ревматизмы, подагра, туберкулезные костные процессы, невралгии, периоститы, воспаления при женских заболеваниях. Весьма благотворно воды действовали на детей с ослабленным иммунитетом.

В начале XIX в. курорт был известен под названием Туркинские теплицы, с открытием больницы при теплице стал называться как Туркинская больница, параллельно – Туркинские минеральные воды. В разные периоды курорт назывался «Туркинская гражданская больница и минеральные заведения», «Туркинская гражданская больница и курорт», «Туркинский (Горячинский курорт)». Название Горячинского (Туркинского) курорта приобрел после передачи его в ведение Наркомздрава БМАССР в 1923 г.

Доверие больных к целебности Туркинского горячего источника образовалось и укрепилось уже с начала XIX в., к тому же времени относится и возведение каменных построек для больных, назначение смотрителя вод и т.д. По самым ранним данным за 1896 г., в Туркинской больнице лечились 53 мужчины и 4 женщины; на минеральных водах – 22 мужчины и 6 женщин. В начале XX в. в связи с улучшением путей сообщения и материально-технической базы количество посетителей стало увеличиваться. Так, в 1911 г. было уже зарегистрировано 555 посетителей, лечившихся на курорте и принимавших ванны: из них лечились от ревматизма – 259 человек, нервных болезней – 91 человек, женских болезней – 42 человека [3, с.43].

Питание в больнице было организовано следующим образом: при больнице имелся повар, который готовил для больных по строго определенным порциям. Больничные порции делились на ординарные, слабые или кисельные и «экстрапорации». Для больных полагались: мясо, хлеб, молоко, крупы, капуста, квас в разных количествах для каждой порции. На общий утренний завтрак также полагалось: бульон из крупы по 16 зо-

лотников на каждого в день, масла по 28 золотников и соли по 37 золотников на каждого в месяц [3, с.55]. Также на курорте имелась посетительская кухня, в которой можно было самостоятельно приготовить еду. За пользование кухней взималась определенная плата.

Если в XIX в. основной контингент посетителей Туркинских минеральных вод составляли ссыльнопоселенцы, крестьяне и буряты близлежащих волостей, то к концу XIX в. – в начале XX в. на Туркинский курорт стали приезжать на лечение «из всех районов Восточной Сибири, Иркутской, Забайкальской, Амурской, Приморской областей и Маньчжурии».

С увеличением количества туристов возникает и спрос на услуги размещения. Почти у каждого местного жителя было по 2 избы: одну лучшую сдавали приезжающим на курорт, а другая была для себя. Самые высокие цены за квартиры устанавливались в июне и июле: дом с тремя комнатами с кухней стоил 45 рублей в месяц, 2 комнаты – от 30 до 35 руб., отдельная комната – от 10 до 15 руб., светлые углы – 5-6 рублей [3, с.32].

На курорте кроме лечебно-оздоровительных услуг, питания, услуг размещения, предоставлялись и развлекательные услуги. Было построено здание с просторным залом, сценой для любительских спектаклей и концертов, комнатой для библиотеки, бильярдной с хорошо поставленным буфетом. Администрация старалась своими силами заниматься организацией досуга отдыхающих. Ставились любительские спектакли, такие как «Стрекоза и муравей», «Квартет» из оперы «Жизнь царя», «Волк и ягненок», басня Крылова и др.

Все выше указанное, позволяет нам говорить о том, что курорт Горячинск уже в начале XX в. предоставлял для своих посетителей полный пакет туристских услуг, включающий размещение, питание, лечебно-оздоровительные услуги и услуги развлечения (анимационные услуги).

Помимо Туркинских минеральных вод на рубеже XIX-XX вв. были освоены Тункинские минеральные воды. В это время источники использовались так называемым «диким» образом. Люди знали о лечебных свойствах вод и приезжали на них в летнее время. В год источники посещало около 700 человек. В основном это были зажиточные люди из Иркутска, Верхнеудинска, а также местные жители. Для приезжих сдавались частные дома, использовались шалаши и юрты.

Первые данные об открытии целебного источника связаны с именем местного охотника Чемезова Терентия Кузьмича. находка Чемезова заинтересовала миссионера Койморского стана Иркутской губернии Чистохина Иакова Афанасьевича, который 19 августа 1894 г. на заседании Ученого совета Томского университета сделал заявление: «В районе Койморской инородческой управы в Тункинском инородческом ведомстве Иркутской губернии мной найден минеральный кисло-содово-железистый источник. Вода эта принесёт несомненную пользу для страждущего человечества. Если случится командировать с учёной целью кого-либо из

своих членов, то не угодно ли будет взять с собой инструменты для производства анализа на месте. Источник этот я могу указать» [5, с79].

С этого момента начинаются геолого-географические и медицинские исследования Тункинских минеральных вод. Первые наблюдения за лечебными свойствами источника были проведены в 1908 г. врачами Г. И. Кропачевым и С.В. Виноградским. В 1909 г. их сменил В.П. Никитенко, врачебный инспектор Иркутской губернии. Им были установлены показания к лечению данными минеральными водами. К ним относились хронические заболевания органов пищеварения, органов кровообращения, нервной системы, органов дыхания, а также лечение эндокринной системы. В это же время у источника началось строительство жилья для сдачи приезжающим на лечение.

С конца XIX в. параллельно с изучением источника и местности в государственных чиновничьих кругах различными ведомствами решались земельные вопросы, выдвигались предложения перед правительством о присвоении общественной значимости минеральному источнику. Но все идеи оставались на бумагах в виде писем, донесений и предложений.

Официально курорт «Аршан» был открыт только в советское время. 20 марта 1919 года декретом Совета Народных Комиссаров за подписью В.И. Ленина курорты и лечебные местности были национализированы. Датой открытия курорта является 16 марта 1920 г., когда постановлением Иркутского губернского революционного комитета было принято Положение о курортно-санаторной секции.

Курорты того времени работали только в летний период. Поэтому первый курортный сезон был открыт 13 июня 1920 г. С этого времени курорт стал функционировать как здравница государственного значения.

Первым учреждением, с деятельностью которого связано становление культурно-познавательного туризма на территории Западного Забайкалья, является Кяхтинский краеведческий музей им. академика В.А. Обручева. Этот музей появился в конце XIX- начале XX вв. и является первым музеем на территории Бурятии. Предпосылками для его открытия послужило то, что Троицкосавск-Кяхта стал центром не только экономической, но и общественной и культурной жизни в Восточной Сибири. Во второй половине XIX в. городе образовался кружок местной интеллигенции: В.С. Моллесон, П.С. Михно, И.И. Попов, Н.А. и А.Д. Чарушины, Н.Н. Петров и др., занимавшийся изучением Забайкалья и Монголии.

В результате деятельности кружка сформировались благоприятные условия для создания в городе публичного музея, показывающего природу, историю и культуру народов Забайкалья и соседней Монголии. В 1889 г. члены кружка объединили свои коллекции и разместили их на квартире П.С. Михно. 1 августа 1890 г. была сделана первая запись в инвентарной книге, именно этот день принято считать днем основания музея. Официально музей для посетителей был открыт лишь в 1894 г. благодаря откры-

тию в Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО, получив статус его структурного подразделения [2, с.39].

В рассматриваемый период любые экспедиции и исследования назывались экскурсиями. Это позволяет говорить, что основной деятельностью музея были ежегодные экскурсии по Забайкалью и Северной Монголии, сборы коллекций и материалов по истории, природе и этнографии края, их научного определения, организация хранения и экспонирования предметов, а также проведение научных экскурсий для посетителей.

Одним из основных направлений в деятельности музея было культурно-просветительское направление, направленное не только на знакомство населения с уникальными предметами и находками, но и на повышение общего уровня образования и культуры. Для публичного посещения музей был открыт 1 января 1895 г. Несмотря на то, что музей для посетителей был открыт только по воскресным дням, в год его открытия посетило 532 человека. В последующие годы шел постоянный прирост посещаемости: так, в 1897 г. количество посетителей превысило тысячу человек и составило 1058 человек. В 1898 г. музей посетило уже 2383 человека [4, с.79].

Тенденция роста посещаемости музея сохранялась до 1910-х гг. После окончания русско-японской войны и революционных событий происходит рост посещаемости и уже в 1908 г. она составила 3780 человек. В 1909 – 1912 гг. количество посетителей стабилизируется, достигнув уровня 4300-4700 человек. В последующие годы посещаемость держалась в пределах 1700-2300 человек в год. Эти данные указывают на то, что Кяхтинский краеведческий музей пользовался популярностью среди населения и гостей города. Также это свидетельствовало о росте культурно-образовательного уровня населения, его потребности в знаниях и просвещении.

Также музей стал проводить первые учебные экскурсии (экспедиции) для учеников. Летом 1908 г., по предложению А.В. Барташева было проведена первая экскурсия для учащихся старших классов Троицкосавского реального училища по р. Чикой. Сотрудники Отделения и музея надеялись на то, что «из молодых экскурсантов со временем могут выйти местные наблюдатели природы и ее явлений, столь необходимые для продолжения и развития дальнейшей деятельности Отделения». В ходе экскурсии ученики собрали естественнонаучную коллекцию, часть которой передали в музей.

Таким образом, можно говорить о том, что в конце XIX – начале XX вв. на территории Западного Забайкалья происходит становление туристско-экскурсионной деятельности. К основоположникам лечебно-оздоровительного и культурно-познавательного туризма следует отнести курорт Горячинск и Кяхтинский краеведческий музей им. В.А. Обручева. Эти учреждения и сегодня пользуются заслуженной популярностью среди гостей и жителей Бурятии и успешно оказывают посетителям туристско-экскурсионные услуги.

Примечания

1. Бадмацыренова М.Б. Туризм — приоритетная отрасль экономики Республики Бурятия». Аналитическое управление аппарата совета федерации // Аналитический вестник. 2018 с. № 2 (691). С. 64-69.

2. Буряева С.В., Мишакова О.Э., Саяпарова Е.В. Музейное дело Бурятии в конце XIXв. – в первом десятилетии ХХIв.: формирование, развитие и современное состояние. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2012. 253 с.

3. Жамбалов З.Б., Жалсанова Б.Ц. Очерки истории курорта Горячинск (1810-1922). Улан-Удэ : НоваПринт, 2010. 112 с.

4. Попова Е. Е., Цыбиктаров А.Д. История Кяхтинского краеведческого музея им. академика В.А. Обручева и его естественнонаучного собрания (1890-1990 гг.). Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2003. 320 с.

5. Сонголов В.И., Сизых Т.П. История, настоящее и будущее курорта «Аршан» // Сибирский медицинский журнал. 2000. №3. С. 79-82.

References

1. Badmatsyrenova M.B. Turizm – prioritetnaja otrasl' ekonomiki Respubliki Burjatija. Analiticheskoe upravlenie apparata soveta federacii [Tourism – priority sector of economy in the Republic of Buryatia. Analytical management of administration of the Federation Council] // Analiticheskij vestnik [Analytical Bulletin]. 2018. № 2 (691). Pp. 64-69. [In Russ.].

2. Buraeva S.V., Mishakova O.E., Sayaparova Ye.V. Muzejnoe delo Burjatii v konce XIX v. – v pervom desjatiletii XXI v.: formirovanie, razvitie i sovremennoe sostojanie [Museum studies of Buryatia at the end of XIX – at the first decade of XXI centuries]. Ulan-Ude: EASIC Press, 2012. 253 p. [In Russ.].

3. Zhambalov Z.B., Zhalsanova B.Ts. Oчерки istorii kurorta Gorjachinsk (1810-1922) [Articles of the history of Goryachinsk resort]. Ulan-Ude: NovaPrint, 2010. 112 p. [In Russ.].

4. Popova E.E., Cybiktarov A.D., Istorija Kjahtinskogo kraevedcheskogo muzeja im. akademika V.A. Obruceva i ego estestvennonauchnogo sobranija (1890-1990 gg.) [History of Kyakhta local nistory museum named after academician Obruchev V.A. and his science collection works (1890-1990)]. Ulan-Ude: ESSIC Press, 2003. 320 p. [In Russ.].

5. Songolov V.I., Sizyh T.P. Istorija, nastojashchee i budushchee kurorta “Arshan” [History, the present and future of “Arshan” resort] // Sibirskij medicinskij zhurnal [Siberian medical journal]. 2000. №3. Pp. 79-82. [In Russ.].

Шуранов А.А.

Shirapov A.A.

**ВЛИЯНИЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
НА ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ:
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ**

**THE INFLUENCE OF THE RUSSIAN-JAPANESE WAR ON
WESTERN TRANSBAIKALIA: THE NATIONAL
HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM**

В статье выявлены и проанализированы оценки влияния русско-японской войны на Западное Забайкалье, доминирующие в отечественной историографии в дореволюционный, советский и современный периоды. Установлено, что главное внимание исследователей сосредоточено на изучении вопросов участия представителей забайкальского казачества в военных действиях; эксплуатации забайкальской железной дороги и развитии отраслей промышленности, обслуживающих ее; анализе геополитических и социальных последствий русско-японской войны.

The article reveals and analyzes the assessments of the influence of the Russian-Japanese war on Western Transbaikalia which dominate in the national historiography in the pre-revolutionary, Soviet and modern periods. It has been revealed that the main attention of the researchers is focused on studying the issues of participating the representatives of Trans-Baikal Cossacks in military actions, making use of the Trans-Baikal Railway and of developing industries that serve it, analyzing geopolitical and social consequences of the Russian-Japanese War.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, русско-японская война, историография, Транссибирская железнодорожная магистраль, российская революция 1905-1907 гг.

Keywords: Western Transbaikalia, the Russian-Japanese War, historiography, Trans-Siberian Railway, the Russian Revolution of 1905-1907.

Тема русско-японской войны (1904-1905 гг.) представляет значительный интерес для исследователей, свидетельством чему являются многочисленные научные труды, посвященные изучению различных аспектов проблемы. Наиболее пристальное внимание исследователей сосредоточено на анализе военных и политических вопросов, выявлении социальных и экономических последствий войны. Отечественные ученые, разрабатывающие данную проблему, преимущественно строят свои исследования на общероссийском материале. В локальном ракурсе русско-японская война и ее воздействие на отдельно взятые регионы не отражены должным образом. Цель данной статьи: выявить и проанализиро-

вать оценки влияния русско-японской войны на Западное Забайкалье в отечественной историографии.

В конце XIX – начале XX вв. Западное Забайкалье представляло собой малонаселенный и промышленно слабо развитый регион. Основой экономики являлись транзитная торговля с Монголией и Китаем, добыча полезных ископаемых и сельское хозяйство. С началом строительства Транссибирской железнодорожной магистрали Западное Забайкалье стало приобретать все большее значение в политической и экономической жизни страны, занимая важное место в планах самодержавия по продвижению Российской империи на восток.

Начавшаяся русско-японская война оказала серьезное влияние на Западное Забайкалье. Близость к театру военных действий превратила его в стратегически важный регион. Непосредственное участие в боях уроженцев края, транзит грузов и войсковых подразделений, форсированное развитие связанных со снабжением войск отраслей промышленности, обеспечение действующей армии продуктами питания, конским поголовьем и людскими ресурсами – все это, в той или иной степени, отразилось на социально-экономической жизни Западного Забайкалья.

В исследовании проблемы влияния русско-японской войны 1904-1905 гг. на забайкальский регион можно выделить три периода: дореволюционный, советский и современный.

Изучение русско-японской войны началось сразу после ее окончания, по горячим следам событий. Внимание исследователей, бывших зачастую участниками военного конфликта, было сфокусировано на боевых действиях, выявлении причин и последствий неудач Российской империи. Особо следует выделить фундаментальный труд М.Е. Бархатова и В.В. Функе «История русско-японской войны» [8], в основе которого лежит широкий круг источников: приказы командования, воспоминания русских и иностранных офицеров и журналистов, следивших за ходом военных действий. В данном исследовании подробнейшим образом проанализированы как события, получившие широкую известность в прессе – Мукденское сражение (20.02.1905 – 10.03.1905 гг.) [8, т. 3, с. 670-798], так и не столь подробно освещенные – деятельность санитарно-медицинской службы [8, т. 4, с. 1226-1264]. Авторы приводят количественные показатели медицинского подразделения российской армии во время боевых действий, которое состояло из 160 лазаретов, располагавших 37 911 больничными койками (из них на Забайкалье приходилось 4170 коек) [8, т. 4, с. 1256].

Дореволюционная историография представлена работами, в которых конкретно рассматривается роль Западного Забайкалья в русско-японской войне. Преимущественно в исследованиях внимание сосредоточено на двух проблемах – участие представителей забайкальского казачества в военных действиях и эксплуатация забайкальской железной дороги. Так, в исследовании В.А. Апушкина «Мищенко. Из воспоминаний о русско-японской войне» анализируются действия отдельной Забайкаль-

ской казачьей бригады, в составе которой был 1-й Верхнеудинский конный полк под командованием генерал-майора П.И. Мищенко (1853-1918 гг.), возглавлявшего бригаду в 1903-1905 гг. Под его предводительством верхнеудинские казаки отличились в рейде от Ялу до Сахотана, выбив под Уулаасы японскую пехоту с занимаемых позиций [2, с. 58], и заслужив почетное первое место на проводимом 9 августа 1904 г. параде под Ляояном [2, с. 171-172].

Заслуживает внимания труд главнокомандующего сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, А.Н. Куропаткина [16]. В работе «Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне» автор анализирует предвоенную ситуацию в Российской империи, исследует причины слабой подготовленности страны к конфликту. Записки содержат большой объем статистической информации, доказывающей военно-экономические преимущества японской армии перед русской [16, с. 188-212]. Одной из решающих причин поражения русской армии автор считает слабую пропускную способность Великого Сибирского пути [16, с. 224], особенно забайкальской его части, которая на начальном этапе войны могла вследствие нехватки подвижного состава пропускать всего три воинских поезда в сутки [16, с. 230]. Автор считал, что только надежное двухколейное железнодорожное сообщение европейской и азиатской частей Российской империи способно обеспечить успех армии [16, с. 246].

Особого внимания заслуживает труд Ф.И. Кнорринга «Попытка определить хозяйственность эксплуатации железной дороги», в котором иллюстрируется влияние войны на железнодорожное строительство и эксплуатацию магистрали [13]. Статистические данные, приведенные в исследовании Ф.И. Кнорринга, демонстрируют роль войны как катализатора развития добывающей промышленности региона, в особенности разработки и добычи столь необходимого в тот период угля. Так, если в 1904 г. разрабатываемые в Забайкалье участки не выдавали сколь-нибудь значимого количества угля, то уже в 1905 г. добыча составила 3637 пудов [13, с. 53]. Русско-японская война стала своего рода толчком для развития угледобывающей отрасли Западного Забайкалья, подтверждением чему служит заказ управления железной дороги на 1908 г. Тарбагатайскому угольному разрезу – 4500 пудов, Танхойскому – 3500 пудов [13, с. 56].

Большой объем цифровых данных, демонстрирующих степень влияния войны на железнодорожное строительство, содержится в работе А.С. Мелентьева «Забайкальская железная дорога во время мира и Русско-Японской войны 1900-1907 гг.» [18]. Так, если еще в 1904 г. протяженность дороги составляла 1488 верст, то после предпринятых усилий к концу 1905 г. – уже 1670 верст [18, с. 49]. Автор утверждает, что хозяйство Забайкальской дороги не было готово к войне по причинам, связанным как с отсутствием четко проработанных планов и графиков по переброске войск и снаряжения, так и с нехваткой должных мощностей, спо-

собных решить стоявшую перед железнодорожниками задачу [18, с. 51], что в итоге пагубно отразилось на исходе войны для Российской империи.

Сведения общесибирского характера содержатся в экономико-географическом исследовании П.М. Головачева «Экономическая география Сибири» [5], где в числе прочих анализируются долговременные сложности в перевозке железнодорожным транспортом промышленных товаров из европейской части страны. Одной из причин автор выделяет загруженность всех мощностей дороги военными грузами для действующей армии. Так, согласно приведенным данным, импорт сельскохозяйственных орудий из европейской части империи в 1903 г. составлял 1 061 639 пудов, а в 1905 г. снизился до 545 295 пудов [5, с. 139].

Таким образом, несмотря на то, что дореволюционные исследования были главным образом посвящены анализу боевых действий и причин поражения России в войне, они положили начало изучению и осмыслению последствий русско-японской войны не только в рамках Российской империи в целом, но и на уровне ее регионов (в том числе Западного Забайкалья), в частности.

События Октябрьской революции 1917 г. и последовавшие за ней кардинальные социально-политические трансформации отразились на изучении проблем русско-японской войны в отечественной науке. Базисом для построения советских исследований по проблеме стала работа В.И. Ленина «Падение Порт-Артура» [17]. В ней были сформулированы основные положения, ставшие догматичными на протяжении всего советского периода. В. И. Ленин акцентировал внимание на предопределенности поражения самодержавного режима вследствие его повсеместной отсталости, авантюристичности планов Российской империи в Китае и Корее, благотворном влиянии поражения в войне для русского народа и ее классовом аспекте [17, с. 151-159]. Эта тенденция получила свое отражение во многих исследованиях, одним из таких является труд В. Я. Аварина «Империализм в Манчжурии» [1], в котором основное внимание уделено экономическому объяснению борьбы великих держав на Дальнем Востоке и попытку Петербурга защитить свои коммерческие интересы в регионе [1, с. 30]. Основными виновниками во втягивании Российской империи в войну автор видит военное руководство, высшее дворянство, военных промышленников, следовавших авантюристичной идее отвлечения масс от выражения недовольства существующим строем [1, с. 35].

Схожие мысли высказываются в совместном исследовании Б.К. Колчигина и Е. Разина «Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904-1905 гг.» [14], где, кроме достаточно подробного описания обороны Порт-Артура, авторы анализируют причины войны: «Захваты царским правительством Ляодунского полуострова с Порт-Артуром, а затем и всей Маньчжурии, осуществлялись в интересах капиталистов и помещиков», «приближенные советовали скорее начать войну с Японией, к которой готовилось царское правительство. «Лучше война, чем революция»,

– советовали придворные царю. Они считали, что война задержит революцию. В феврале 1904 г. началась русско-японская война, хотя к ней царская Россия не была готова» [14, с. 7-8].

В советский период историография пополнилась исследованиями, в которых в ходе анализа революционного движения затрагивалась проблема влияния русско-японской войны на Западное Забайкалье [23; 15; 6]. П.Т. Хаптаев утверждал, что волостная реформа 1901 г., серьезно ограничившая самоуправление бурят, была продиктована, в первую очередь, особенностями географического расположения региона, близостью к Монголии и Китаю, находящимся в орбите внешнеполитических интересов Российской и Японской империй. Именно опасение предстоящей войны с Японией, по мнению автора, заставило руководство страны пойти на форсированное укрепление пограничной полосы. «Царизму было надобно создать здесь такой оплот, который был бы более или менее надежным на случай войны. Введя волостную реформу, отдавая административное управление бурят Забайкальской области в руки десятка крестьянских начальников, царизм полагал создать один из таких оплотов» [23, с. 65]. Ф.А. Кудрявцев акцентировал внимание на том, что «во время русско-японской войны Забайкалье было объявлено на военном положении, и губернатор угрожал бурят-монголам «неисчислимыми страданиями» в случае их сопротивления властям» [15, с. 36]. Н.П. Егунов отмечал, каким тяжелым бременем легла война на экономику Забайкалья: мобилизация на фронт почти всех забайкальских казаков, изъятие конского поголовья, сокращение на 61 тыс. десятин посевов, что составляло примерно 21 % от всей площади пахотных земель, снижение поголовья скота на одну шестую часть, что усугублялось неурожаем 1903-1905 гг., приведших к голоду крестьянское и казачье население региона [6, с. 34].

Представляющая значительный интерес проблема комплектования действующей армии уроженцами Забайкалья исследуется в статье В.И. Баяндина «Воинские призывы в городе и деревне в Сибири в период русско-японской войны» [3]. Автор приводит ценные сведения, подчеркивающие тяжесть русско-японской войны для населения Забайкалья. Так, если в 1903 г. на воинскую службу было призвано 805 забайкальцев, то в 1904 г. их число составило уже 1202 чел. [3, с. 3].

Таким образом, советский период историографии, несмотря на жесткие рамки господствующей идеологии, стал важным этапом в изучении темы, поскольку именно тогда получили старт исследования социально-политических и экономических последствий войны, в том числе ее влияние на жизнь Западного Забайкалья.

Новый этап в исследовании проблемы связан с событиями второй половины 80-х гг. XX в., когда в ходе проводимых в СССР глобальных политико-экономических преобразований, кардинальным образом была изменена ситуация во всех областях жизни страны. Существенное ослабление, а затем и полная отмена идеологической цензуры привели к раскрепощению научного мышления, вследствие чего началось переосмыс-

ление проблем русско-японской войны. Особенностью историографии стал новый взгляд на уже, казалось бы, изученные вопросы. В первую очередь, это история участия Забайкальского казачьего войска в русско-японской войне. Е. А. Высотина в работе «Казачество Бурятии в прошлом и настоящем» приводит данные о том, что результатами войны стали ускорение процесса имущественной и социальной дифференциации в среде казаков и их участие, под воздействием указанных причин, в революционной агитации и волнениях 1905 года [4, с.104-106]. Н.Н. Смирнов в исследовании «Забайкальское казачество» подробно описывает не только действия казаков во время войны [21, с. 46-95], но и приводит другие ценные характеристики забайкальского казачества – о численности, количестве призывников, проценте грамотных [21, с.58].

На современном этапе дальнейшее развитие получило исследование деятельности в военное время забайкальской железной дороги. О.С. Норполова в работе «Забайкальская железная дорога в годы русско-японской войны» одной из основных задач, решаемых прокладкой магистрали, наряду с военно-стратегическими целями продвижения империи на восток, видит форсированное развитие экономики региона с облегчением доступа к его ресурсам [20, с. 79-80]. В исследовании приводятся данные о деятельности во время войны паромной переправы через Байкал, когда вследствие незавершённого строительства Кругобайкальской железной дороги перевозку грузов и войск приходилось совершать посредством паромной переправы. Так, для улучшения работы магистрали в военное время в Забайкалье было перевезено 65 паровозов, 25 пассажирских вагонов и 2300 воинских, приспособленных из товарных вагонов [20, с. 80].

Аналогичную точку зрения высказывает М.А. Харитонов. По мнению исследователя, на Забайкалье легла основная тяжесть войны, особенно ее начального периода, трудности которого объяснялись в числе прочих задержкой передислокации войск в район боевых действий в связи с незавершенным строительством Транссибирской магистрали в районе озера Байкал [9, с. 54; 22, с. 288].

Особый интерес представляют исследования Л.В. Кальминой. По мнению ученого, «перед лицом экстремальных военно-политических обстоятельств Россия всегда искала возможности создания многовариантной системы транспортных выходов. В данном контексте роль этих обстоятельств сыграли русско-японская и первая мировая войны» [12, с. 59]. Именно вследствие неудачной для Российской империи русско-японской войны, продемонстрировавшей слабость экономического развития восточных рубежей империи, непосредственно прилегающих к районам боевых действий, в сознании российского правительства произошел поворот относительно роли и назначения Забайкалья [10, с. 168]. Л.В. Кальмина убедительно доказывает, что «с включением региона во внешнеполитические интересы он, как и вся Сибирь, стал играть все большую роль в государственных программах переселения крестьян, в Забайкалье разрабатывались проекты создания крупных промышленных предприятий,

причем не только добывающей, но и перерабатывающей промышленности, создания надежной транспортной инфраструктуры» [11, с. 132].

В работе Б. В. Михеева «Социально-экономическое развитие Забайкальской области в начале XX века (1900-1918 гг.)» исследуются различные аспекты влияния, оказанного русско-японской войной на Забайкалье, в числе которых снижение посевных площадей (только в Верхнеудинском уезде на 5167 десятин) [19, с. 57], рост цен на продукты питания (на мясо – с трех рублей до семи за пуд) [19, с. 59], сокращение конского поголовья на 40 804 лошади [19, с. 60]. Наряду с этим автор отмечает подъем патриотических чувств у населения. Так, в Верхнеудинске местная еврейская община пожертвовала на нужды семей нижних чинов пятьсот рублей [19, с. 67]. Бурятами Кударо-Бурятской волости было собрано для нужд Красного креста более двухсот рублей [17, с. 69]. В целом, автор дает неоднозначную оценку влиянию русско-японской войны на Западное Забайкалье, подчеркивая как отрицательные моменты, такие как сокращение посевных площадей и поголовья скота, рост цен на товары народного потребления, так и положительные, давшие импульс развитию новых отраслей народного хозяйства, связанных главным образом с обслуживанием нужд Забайкальской железной дороги [19, с. 63].

В исследовании О. П. Еланцевой «Восточный институт в Верхнеудинске: страницы краткого пребывания» [7] анализируется деятельность первого на территории Западного Забайкалья высшего учебного заведения – Восточного института, эвакуированного во время войны из Владивостока в Верхнеудинск. Впрочем, как показывает автор, русско-японская война послужила причиной, как перебазирования института в Верхнеудинск, так и его возвращения. Во время войны регион стал «ближним тылом и прифронтовой полосой со всеми вытекающими последствиями. В Верхнеудинские были развернуты разного рода военные организации и учреждения, в том числе и несколько госпиталей с сотнями пациентов, передислоцированных из Приморской области и Приамурья. Число свободных помещений было ограничено» [7, с. 31]. Вследствие войны сильно подорожали продукты питания и студенты института, ограниченные в финансовом плане, испытывали серьезные трудности, что вкупе с недальновидными действиями руководства в области организации учебного процесса и выплаты стипендий, привело к прекращению учебной деятельности с последующим возвращением 13 октября 1905 г. Восточного института во Владивосток [7, с. 31-34].

Таким образом, современный период историографии проблемы является чрезвычайно плодотворным и разнонаправленным, происходит пересмотр прежних оценок, получают освещение прежде малоизвестные события.

Обобщая результаты проделанной исследователями работы, можно сделать следующие выводы. В работах дореволюционных авторов, несмотря на акцентирование внимания на военных аспектах конфликта, была заложена основа изучения проблемы влияния русско-японской войны

на Западное Забайкалье. Накопленные в тот период данные, особенно в ходе анализа функционирования забайкальской железной дороги в годы войны, составили фундамент историографии проблемы последующего периода. Советские исследования, несмотря на идеологизированный подход, продиктованный реалиями господствовавшего тогда политического режима, стали ключевыми в изучении проблемы. Именно тогда появляются работы, посвященные анализу экономического влияния войны на хозяйство Забайкалья. В трудах региональных исследователей стали подниматься вопросы о воздействии, оказанном войной на жизнь автохтонного населения. Современный период в историографии проблемы стал наиболее плодотворным. Нескованный идеологическими рамками процесс исследования позволяет ученым с разных позиций подходить к изучению новых аспектов социально-политического и экономического влияния войны на регион. Вместе с тем, в историографии отсутствуют работы, в которых проблема исследовалась бы комплексно с учетом влияния геополитических трансформаций начала XX в. во Внутренней Азии (в том числе русско-японской войны) на военно-стратегическое, политическое, социальное, экономическое и культурное значение Западного Забайкалья.

Примечания

1. Аварин В. Я. Империализм в Манчжурии. Этапы империалистической борьбы за Манчжурию. Т. 1. М. ; Л. : ОГИЗ, 1934. 408 с.
2. Апушкин В. А. Мищенко: из воспоминаний о Русско-Японской войне. СПб. : В. Березовский, 1908. 208 с.
3. Баяндин В. И. Воинские призывы в городе и деревне в Сибири в период русско-японской войны // Бахрушинские чтения : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Миненко. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1984. С. 150-159.
4. Высотина Е. В. Казачество Бурятии в прошлом и настоящем. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 228 с.
5. Головачев П. М. Экономическая география Сибири. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. 183 с.
6. Егунов Н. П. Первая русская революция и второй этап национального движения в Бурятии. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во. 1970. 199 с.
7. Еланцева О. П. Восточный институт в Верхнеудинске: страницы краткого пребывания // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2013. № 7. С. 29-35.
8. История русско-японской войны / под ред. М. Е. Бархатова, В. В. Функе. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907-1909. Т. 1-6.
9. История Улан-Удэ. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2012. 160 с.
10. Кальмина Л. В., Плеханова А. М. Забайкалье в государственной геополитической стратегии России в 1900-е–1920-е гг.: смена вектора // Власть. 2014. № 4. С. 167-171.

11. Кальмина Л. В., Плеханова А. М. Забайкальские экономические опыты 1900-х–1920-х гг. как начальный этап модернизационных преобразований // *Власть*. 2013. № 3. С. 130-133.

12. Кальмина Л. В. Войны начала XX века как катализатор экономического развития Забайкалья // *Сибирь и войны XIX-XX веков* : сб. материалов Всерос. науч. конф. Новосибирск : Параллель, 2014. С. 56-64.

13. Кнорринг Ф. И. Попытка определить хозяйственность эксплуатации железной дороги. Иркутск : Типо-литография П. Макушина и В. Посохина, 1910. 212 с.

14. Колчигин Б. К., Разин Е. Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904-1905 гг. М. : Воениздат, 1939. 91 с.

15. Кудрявцев Ф. А. 1905 г. в Бурят-Монголии. Улан-Удэ : Бурят-Монг. гос. изд-во, 1936. 58 с.

16. Куропаткин А.Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне: итоги войны. 2-е изд. Berlin : J. Ladyschnikow, 1911. 557 с.

17. Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Полное собрание сочинений. Т. 9 / В. И. Ленин. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1967. С. 151-159.

18. Мелентьев А. С. Забайкальская железная дорога во время мира и русско-японской войны 1900-1907: коррективы к кн. Ф. И. Кнорринга «Попытка определить хозяйственность эксплуатации железной дороги». Ашхабад : Электропеч. К. М. Федорова, 1911. 226 с.

19. Михеев Б. В. Социально-экономическое развитие Забайкальской области в начале XX века (1900-1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 152 с.

20. Норполова О. С. Забайкальская железная дорога в годы Русско-японской войны // *Забайкалье историческое* : сб. науч. ст. и материалов / отв. ред. Т. Г. Васильева. Чита : ЗабГУ, 2014. С. 78-81.

21. Смирнов Н. Н. Забайкальское казачество. М. : Вече, 2008. 544 с.

22. Улан-Удэ – 350: история и современность : в 2 т. Т. 1. XVII – начало XX в. Иркутск : Оттиск, 2016. 372 с.

23. Хаптаев П. Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции. Улан-Удэ : Гос. Бурят.-Монг. изд-во, 1939. 150 с.

References

1. Avarin V. Ja. Imperialism in Manchzhurija. Etapy imperialisticheskoy bor'by za Manchuriju [Imperialism in Manchuria. Stages of the imperialist struggle for Manchzhuria]. Vol. 1. M. ; L. : OGIZ, 1934. 408 p. [In Russ.].

2. Apushkin V. A. Mishchenko: iz vospominanij o Russko-Japonskoj vojne [Mishchenko: from memories of the Russian-Japanese war]. S.-P. : V. Berezovsky, 1908. 208 p. [In Russ.].

3. Bayandin V. I. Voinskije prizyvy v gorode i derevne v Sibiri v period russko-japonskoj vojny [Military calls in the city and village in Siberia

during the Russian-Japanese war] // Bakhrushinskije chtenija: mezhvuz. sb. nauch. tr. [Proceedings of Bakhrushin readings] / Ed. by N. A. Minenko. Novosibirsk : NSU Press, 1984. Pp. 150-159. [In Russ.].

4. Vysotina E. V. Kazachestvo Burjatii v proshlom i nastojashchem [Cossacks of Buryatia in the past and present]. Ulan-Ude : Buryat state university press, 2007. 228 p. [In Russ.].

5. Golovachev P. M. Ekonomicheskaja geografija Sibiri [Economic geography of Siberia]. M. : Tip. t-va I. D. Sytina, 1914. 183 p. [In Russ.].

6. Egunov N. P. Pervaja russkaja revolucija i vtoroj etap nacional'nogo dvizhenija v Burjatii [The first Russian revolution and the second stage of the national movement in Buryatia]. Ulan-Ude : Buryat Publishing house. 1970. 199 p. [In Russ.].

7. Elantseva O. P. Vostochnyj institut v Verkhneudinske: stranicy kratkogo prebyvanija [Eastern Institute in Verkhneudinsk: pages of the short staying] // Vestnik Burjatskogo gos. un-ta [Bulletin of the Buryat State University]. 2013. № 7. Pp. 29-35. [In Russ.].

8. Istorija russko-japonskoj vojny [History of the Russian-Japanese war] / Ed. by M. E. Barkhatov, V. V. Funke. S.-P. : T-vo R. Golike i A. Vilborg, 1907-1909. Vol. 1-6. [In Russ.].

9. Istorija Ulan-Ude [The History of Ulan-Ude]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. 160 p. [In Russ.].

10. Kalmina L. V., Plekhanova A. M. Zabaikal'e v gosudarstvennoj geopoliticheskoj strategii Rossii v 1900-e–1920-e gg.: smena vektora [Transbaikalia in the state geopolitical strategy of Russia in the 1900s-1920s: vector change] // Vlast' [Power]. 2014. № 4. Pp. 167-171. [In Russ.].

11. Kalmina L. V., Plekhanova A. M. Zabaikal'skije ekonomicheskije opyty 1900-1920-kh gg. kak nachal'nyj etap modernizacionnyh preobrazovanij [Transbaikal economic experiments of the 1900s-1920s as the initial stage of modernization] // Vlast' [Power]. 2013. № 3. Pp. 130-133. [In Russ.].

12. Kalmina L. V. Vojny nachala XX veka kak katalizator ekonomicheskogo razvitija Zabaikalja [Wars of the early twentieth century as a catalyst for economic development of Transbaikalia] // Sibir' i vojny XIX-XX vekov : sb. materialov Vseros. nauch. konf. [Siberia and the wars of XIX-XX centuries : proceedings of All-Russian scientific conf.]. Novosibirsk : Parallel', 2014. Pp. 56-64. [In Russ.].

13. Knorring F. I. Popytka opredelit' hozyajstvennost' ekspluatacii zheleznoj dorogi [An attempt to determine the thriftiness of the railway exploitation]. Irkutsk : Tipo-litography of P. Makushin i V. Posokhin, 1910. 212 p. [In Russ.].

14. Kolchigin B. K., Razin E. Oborona Port-Artura v russko-japonskuju vojnu 1904-1905 gg. [Defense of Port Arthur in the Russian-Japanese war of 1904-1905]. M.: Voenizdat, 1939. 91 p. [In Russ.].

15. Kudryavtsev F. A. 1905 g. v Burjat-Mongolii [The year of 1905 in Buryat-Mongolia]. Ulan-Ude : Buryat-Mong. state publishing house, 1936. 58 p. [In Russ.].

16. Kuropatkin A. N. Zapiski generala Kuropatkina o Russko-japonskoj vojne: itogi vojny [Notes of General Kuropatkin on the Russian-Japanese war: the war results]. 2-nd ed. Berlin : J. Ladyschnikow, 1911. 557 p. [In Russ.].

17. Lenin V. I. Padenije Port-Artura [Fall of Port Arthur] // Polnoje sobranije sochinenij [Complete works]. Vol. 9 / V. I. Lenin. M. : State publishing house of polit. lit., 1967. Pp. 151-159. [In Russ.].

18. Melentjev A. S. Zabaikalskaja zheleznaja doroga vo vremya mira i russko-japonskoj vojny 1900-1907: korrekтивы k kn. F. I. Knorringa «Popytka opredelit' khozyajstvennost' ekspluatacii zheleznoj dorogi» [Transbaikal railway at peacetime and during the Russian-Japanese war 1900-1907: adjustments to the book by Knopping F. I. "An attempt to determine the thriftiness of the railway exploitation"]. Ashkhabad : Elektropech. K. M. Fedorov, 1911. 226 p. [In Russ.].

19. Mikheev B. V. Social'no-ekonomicheskoe razvitije Zabaikal'skoj oblasti v nachale XX veka (1900-1918 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk. [Socio-economic development of the Transbaikal region in the early twentieth century (1900-1918)]: dissertation thesis ... candidate of historical science]. Ulan-Ude, 2012. 152 p. [In Russ.].

20. Norpolova O. S. Zabaikal'skaja zheleznaja doroga v gody Russko-japonskoj vojny [Transbaikal railway during the Russian-Japanese war] // Zabaikalje istoricheskoe: sb. nauch. st. i materialov [Historical Transbaikalia : collection of scientific articles and materials] / Ed. by. T. G. Vasiljeva. Chita : ZabGU, 2014. Pp. 78-81. [In Russ.].

21. Smirnov N. N. Zabaikal'skoje kazachestvo [Transbaikal Cossacks]. M. : Veche, 2008. 544 p. [In Russ.].

22. Ulan-Ude – 350: istorija i sovremennost' [Ulan-Ude – 350: history and modernity]: in 2 vol. Vol. 1. XVII – beginning of the XX century. Irkutsk : Ottisk, 2016. 372 p. [In Russ.].

23. Khaptaev P. T. Nacional'noje dvizhenije v Burjatii v period pervoj russkoj revolucii [National movement in Buryatia during the first Russian revolution]. Ulan-Ude : State Buryat-Mong. publishing house, 1939. 150 p. [In Russ.].

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МАСЛЕНИЧНОЙ МУЖСКОЙ ОБРЯДНОСТИ
РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1930-х гг.**

**TRANSFORMATION OF PANCAKE WEEK MALE RITES OF THE
RUSSIAN RURAL POPULATION OF WESTERN SIBERIA IN THE
1930s**

В данной статье сделана попытка описания трансформационных процессов в мужской праздничной культуре русского сельского населения Западной Сибири на примере праздника Масленицы в годы сплошной коллективизации. Источником для данной работы стали полевые материалы, полученные в ходе экспедиции 2018 г. по селам Кемеровской области. Этнографические материалы позволили выявить, что процесс коллективизации, а также реформы в культуре и религии привели к определенной трансформации масленичных обычаев и обрядов с главным участием мужчин. Это коснулось всех обычаев и обрядов, среди которых были катания на конях, проведение скачек, и всевозможные силовые состязания (борьба, бой на палках, кулачные бои). В структуре каждого из них произошло упрощение, изменение возраста основных участников, исключение некоторых элементов обрядов. В целом, этот процесс определялся движением к однообразию, к появлению надлокального варианта мужской масленичной обрядности.

The article describes transformations in the men's Pancake week festive culture of the Russian rural population of Western Siberia in the years of collectivization. The research is based on the field materials obtained during the expedition to the villages of the Kemerovo region in 2018. Ethnographic materials show that the process of collectivization as well as reforms in culture and religion led to a certain transformation in Pancake week customs and rituals with the main participation of men such as horse riding, horse racing, and all sorts of power contests (wrestling, stick fighting, fisticuffs) resulting in their simplification, change in the age of the main participants, exclusion of certain elements of the rites. In general, this process was characterized by the movement toward monotony, appearance of a supralocal version of male Pancake week ritual.

Ключевые слова: мужская праздничная культура, Масленица, трансформация культуры, мужские обычаи и обряды, Западная Сибирь.

Keywords: male festive culture, Pancake week, transformation of culture, male customs and rituals, Western Siberia.

Социально-экономические и социокультурные преобразования, происходившие в нашей стране в советское время, оказали значительное влияние на состояние мужской праздничной культуры сибирского крестьянства. Однако, как показывает опыт изучения культурных изменений, они не всегда «укладывались» в рамки социальных преобразований. В этой связи актуальной становится проблема трансформаций мужской праздничной культуры русских сибиряков в отдельные периоды истории, так как ее изучение позволит выявить механизм взаимодействия социальных преобразований и изменений в культуре.

Особый научный интерес вызывает изучение процессов трансформации мужской праздничной культуры русских сибиряков в 1930-е гг., поскольку в этот период социальные-экономические и культурные реформы привели к тому, что крестьянство в его социально-экономическом, а также и в культурном понятии практически перестало существовать. Из всех праздников календаря русских сибиряков наиболее репрезентативным с точки зрения трансформации мужской праздничной культуры можно считать Масленицу, в которой были сосредоточены обычаи и обряды, где мужчины играли главную или исключительную роль.

Вопросы трансформации праздничной культуры русских сибиряков на сегодняшний день в определенной степени изучены отечественными исследователями. В частности, в работах таких этнографов, как В.А. Липинская [3], Г. В. Любимова [4], Е. Ф. Фурсова [5; 6], М. В. Васеха [2], И. Ю. Аксенова [1] на примере некоторых сибирских праздников было рассмотрено соотношение традиционных элементов и советских нововведений, изучено современное состояние праздничной культуры и сохранность в ней традиционных обычаев и обрядов. Несмотря на это, трансформация праздничной, и конкретно – трансформация мужской праздничной культуры русских сибиряков до сегодняшнего дня не становились предметом отдельного исследования.

Основным источником в изучении процессов трансформации мужской праздничной культуры русских сибиряков стали материалы полевых исследований автора. В качестве информантов выступили жители деревень Кемеровской области от 1918 до 1933 г.р. Также удалось побеседовать с жителями 1934 – 1945 г.р., которые в интервью приводили рассказы своих родителей.

В период 1930-х гг. в результате социально-экономических и социокультурных процессов, построения в стране советского коллективного хозяйства, создания советской культуры и борьбы с религией и религиозными праздниками, произошла трансформация мужской праздничной культуры русского сельского населения Западной Сибири. Однако, если в таких праздниках как Святки и Пасха, участие мужчин сошло на нет, Масленица по-прежнему была максимально наполнена обычаями и обрядами с главенствующим или исключительным участием мужчин. Как и в предшествующий период, такие масленичные обычаи и обряды были

представлены катанием на лошадях, конными бегами, состязаниями на силу и ловкость.

Как и в XIX в. катание на лошадях оставалось центральным развлечением в период Масленицы. Определенные коррективы привнесло то, что колхозники не имели личных лошадей, поэтому соблюдение этого обычая определялось отношением колхозного руководства к празднику. Если руководители колхозов были настроены враждебно к традициям, то лошадей для развлечений колхозникам не давали, в этом случае катания на лошадях в масленичный период могли вообще не происходить. По воспоминаниям информантов, верность этой традиции сохраняли оставшиеся в селе единоличники. Как правило, именно они максимально украшали конную сбрую, снаряжали украшенные кошева и являлись центральными участниками обычая: *«Масленицу очень широко отмечали. Мой дед очень любил. У него была такая лошадь – Серко. Он как запряжет эту лошадь – и пошел по Гутово по улицам. Его вообще никто не догонял. Он девчат насадит, уже и в возрасте был, насадит девчат, а они все были нарядные, такие все. Красивую кашаву всегда наряжали, делали, и вот девчата уже катались на Масленку, особенно на лошадях...»* (Двороковская (Анищенко) Екатерина Никифоровна, 1926 г.р., д. Гутово Тогучинского района НСО).

По старой традиции, украшением лошадей и сбруи занимались исключительно мужчины. Они готовили лошадей и во время самих катаний сидели за вожжами.

В период 1930-х гг. довольно важной составляющей масленичных обычаев и обрядов, в которых мужчины играли главную роль, являлся обычай устраивать силовые состязания, среди которых выделялись *борьба* в различных ее проявлениях, *палочные бои*, *кулачные бои* и игра *«взятие снежного городка»*.

Если в предшествующий период в сибирских деревнях борьба была повсеместным состязанием на Масленицу, то в 1930-х сложилась следующая ситуация. В одних поселениях борцовская традиция не прерывалась: в таком случае информантами сообщалось не только о том, что борьба бытовала, а также описывались правила борьбы [Гнетова Любовь Васильевна, 1921 г.р., д. Кокуй Топкинского района Кемеровской области]. В борьбе главной задачей было повалить противника на спину, на обе лопатки. *«Борьба само собой, боролись. Столы стоят, борьба идет. Выходит, а там. Радио еще нет, ведущий: вон, тот-то с тем-то сейчас выходят бороться. Это я чуть помню тоже <...> Кто кого повалит на лопатки. Еще поглядят!»* (Тихомиров Василий Александрович, 1925 г.р., д. Глубокое Топкинского района Кемеровской области). В некоторых деревнях борцовская традиция прерывалась. В этом случае информанты говорили о том, что по рассказам родителей раньше боролись, а на их памяти уже нет: *«Я вам расскажу, когда я еще маленький был, у нас была борьба. По рассказам только знаю. У нас там гора была в деревне, туда приезжали борцы, боролся. Ну че, это по рассказу отца. Раньше было, в*

двадцать девяты́е года. Драться не дрались, а бороться боролись...» (Айки́н Анато́лий Ива́нович, 1930 г.р., д. Ботьева Яшкинского района Кемеровской области).

В ряде западносибирских сел, согласно этнографическим сведениям, обычай бороться на Масленицу вообще отсутствовал, что говорит или о полном прерывании этой традиции, либо о том, что конкретно в этих деревнях ее не было в принципе. Одновременно с угасанием обычая в период 1930-х гг. перестает проследиваться половозрастной принцип организации борьбы, когда на борцовский круг выходили поочередно дети, потом подростки, молодые парни и взрослые мужчины.

Среди масленичных состязаний определённое место продолжали занимать *палочные бои*, однако упоминания о них малочисленны, а те, что имеются, дают размытое представление о правилах. Судя по описаниям, орудием для боя являлись колы от забора, а бой велся до тех пор, пока противник не падал с ног: *«Они, это, напьются, бражки, как подскочат, кол схватывают, ломают, колами бились, я тогда маленький, я помню. Дерутся, пока не упадет»* (Торгунаков Алексей Никонович, 1933 г.р., д. Калеул Мариинского района Кемеровской области).

В период 1930-х гг. среди состязаний на Масленицу продолжали свое существование и *кулачные бои*, однако они также пережили определённую трансформацию. Во-первых, при проведении кулачных боёв на период 1930-х гг. практически перестал соблюдаться этнокультурный принцип деления на враждующие партии, сохранился лишь территориальный. Связано это было с тем, что к 1930-м гг. в каждой сибирской деревне жило смешанное в этнокультурном плане население. Хоть «концы» деревни продолжали называться по этнокультурному признаку, но проживали в этих "концах" представители разных этнокультурных групп: *«Были стычки, но мирно проходили. Бархатовские приходили в Кокуй. <...> Или, наоборот, кокуйские ходили в Бархатово. Кокуйские приходили пацаны. Не пацаны, парни.»* (Анкундинов Николай Дмитриевич, 1931 г.р., д. Лукошино Топкинского района Кемеровской области). Традиционно местом проведения кулачных боев на Масленицу являлись либо мост, либо река (Гулик Михаил Тимофеевич, 1940 г.р., д. Алаево Юргинского района Кемеровской области; Ширяев Михаил Михайлович, 1934 г.р., д. Филоново Юргинского района Кемеровской области). Существовавшие до этого разновидности кулачных боев, к 1930-м гг. свелись к мало регламентированным массовым дракам. Однако среди правил продолжал сохраняться принцип «лежачего не бьют».

К 1930-м гг. практически перестало воспроизводиться традиционное для Сибири устройство на Масленицу снежного городка и последующее его разрушение. На материале сел Кемеровской области не проследживается каких-либо упоминаний о подобной традиции, что может говорить о том, что на изучаемой территории эта традиция полностью исчезла к моменту работы этнографической экспедиции или же о том, что на данной территории она в не существовала.

Таким образом, новая государственная политика СССР, направленная на социально-экономические и социокультурные изменения, оказала значительное влияние на календарные, в их числе, масленичные мужские обычаи и обряды в селах Западной Сибири. Несмотря на то, что большая часть этих обычаев и обрядов продолжала существовать, в их структуре произошли изменения, связанные с упрощением, изменением возрастного состава участников, исключением некоторых элементов обрядов. В целом по региону наблюдалось определенное движение к однообразию, к появлению надлокального варианта мужской масленичной обрядности.

Примечания

1. Аксенова И. Ю. Праздник Троицы у старожилов и южнорусских переселенцев Алтая в середине XX – начале XXI века // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 7. С. 288-298.

2. Васеха М. В. Русская крестьянка в семье и общественной жизни 1920-х гг. (по материалам юга Западной Сибири) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 245 с.

3. Липинская В. А. Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения Алтайского края // Русские. Семейный и общественный быт. М., 1989. С. 92–141.

4. Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. 239 с.

5. Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX вв.). Ч. 1. Обычаи и обряды зимнее-весеннего периода. Новосибирск : Агро, 2002. 287 с.

6. Фурсова Е. Ф. Славянские этнические праздники Сибири: от традиции к новации? // Конгресс этнографов и антропологов России. Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2009. С. 554.

References

1. Aksenova I.Yu. Prazdnik Troitsy u starozhilov i juzhnorusskikh pereselentsev Altaja v seredine XX - nachale XXI veka [Trinity holiday among old-timers and settlers from southern Russia in the mid XX-beginning XXI centuries]. V: Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija [In: Scientific report of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2015. Vol. 14. No. 7– Pp. 288-298. (in Russ.)

2. Fursova E.F. Kalendarnye obychai i obrjady vostochnoslavjanskih narodov Novosibirskoj oblasti kak rezul'tat mezhetniceskogo vzaimodeistvija (konets XIX – XX vv.). Ch.1. Obychai i obrjady zimne-vesennego perioda.[Calendar rites and rituals of East Slavic peoples of Novosibirsk Oblast as a result of ethnic interaction (end of XIX-XX centuries). Part 1. Winter and spring rites and rituals]. - Novosibirsk: Agro, 2002. 287 p. (in Russ.)

3. Fursova E.F. Slavjanskie etnicheskie prazdniki Sibiri: ot tradicii k novacii? [Slavic ethnic holidays in Siberia] // Kongress etnografov i antropologov Rossii [Congress of ethnographers and anthropologists of Russia]. - Orenburg: publishing center ORENSAU, 2009. P. 554. (in Russ.)

4. Lipinskaya V.A. Narodnye tradicii v sovremennyh kalendarnyh obrjadah i prazdnikah ruskogo naselenija Altaiskogo kraja [Folk traditions in modern calendar rites and holidays of the Russians in Altai Krai]. V: Russkie. Semeinyj i obshchestvennyj byt [In: Russians. Family and social life]. - Moscow, 1989. Pp. 92–141. (in Russ.)

5. Lyubimova G.V. Vozrastnoj simbolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika ruskogo naselenija Sibiri. XIX - nachalo XX veka [Age symbolism in the calendar holiday of the Russians in Siberia: XIX- beginning XX centuries]. -Novosibirsk, 2004. 239 p. (in Russ.)

6. Vasekha M.V. Russkaya krest'janka v sem'e i obshchestvennoj zhizni 1920-h gg. (po materialam juga Zapadnoj Sibiri)[Russian peasant woman in the family and social life of the 1920s: dissertation for the degree of Cand. Sc. (History)]. - Moscow, 2015. 245 p. (in Russ).

Долгорова Б.А., Бальжитова О.М.
Dolgorova B.A., Balzhitova O.M.

**К ИСТОРИИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ФОНДОВ МУЗЕЯ
ПРИРОДЫ БУРЯТИИ**
**TO THE HISTORY OF FUNDS ACQUISITION OF THE MUSEUM OF
NATURE OF BURYATIA**

В данной статье рассматривается история комплектования фондов Музея природы Бурятии с момента его создания до наших дней. Дается краткое описание основных фондовых коллекций по хронологическому принципу, предпринимается попытка анализа состава и структуры фондов музея природы.

This article describes the history of acquiring the funds of the Museum of Nature of Buryatia from its foundation to the present days. A brief description of the main collections of funds on a chronological basis is given, an attempt is made to analyze the composition and structure of the museum of nature funds.

Ключевые слова: комплектование, музей, фонды, коллекция.

Key words: acquisition, museum, funds, collection.

Словосочетание «комплектование музейных фондов» появилось в отечественном музееведении в конце 1940-х гг. и на протяжении почти трех десятилетий отождествлялось с термином «собирательская работа». Разграничение этих понятий впервые появилось в трудах Н.П. Финягиной и Ю.П. Пищулина, которые определяли комплектование фондов как планомерную и целенаправленную деятельность музея по выявлению предметов музейного значения, их приобретению и систематизации в фондах [3, с. 116].

Комплектование фондов – одно из основополагающих направлений деятельности музея, в процессе которого формируются коллекции – основа музейной работы. От научного, методического и организационного уровня поисково-собирательской работы музея во многом зависит уровень экспозиционно-выставочной, фондовой, научно-просветительной, культурно-образовательной деятельности музея.

В связи с этим необходимо изучить и проанализировать состав фондов музея природы Бурятии для дальнейшего развития фондов как источниковой базы музейной деятельности во всех вышеперечисленных направлениях в современных условиях.

На сегодня фондовые собрания музея природы Бурятии насчитывают 18817 ед.хр., из них к основному фонду относится 8740 ед.хр., к научно-вспомогательному фонду – 10077 ед.хр.

Естественнонаучные фондовые собрания музея делятся на 7 групп хранения: «Зоология», «Ботаника», «Геология», «Палеонтология», «Фото, слайды, негативы», «Карты, схемы, картины, книги», «Приборы и вещи».

Самая многочисленная группа хранения «Зоология» (5818 ед.хр.), на втором месте - «Ботаника» (5694 ед.хр.), затем следует группа хранения «Фото, слайды, негативы» (4047 ед.хр.), далее «Геология» (1309 ед.хр.) «Палеонтология» насчитывает 1301 ед.хр.

Основу фондовых коллекций музея природы составили экспонаты отдела природа Краеведческого музея, основанного в 1923 году. Они в основном представлены натурными предметами.

Большой вклад в создании первой орнитологической коллекции внесли Э. П. Пильман и его сыновья, таксидермические работы которых стали ценнейшими образцами экспозиционного и научного материала музея. Интересны в научном плане сборы тушек грызунов и птиц известных краеведов: М. Г. Бакутина (1930-1947 гг.) (окр. Улан-Удэ, р. Селенга, р. Холой, оз. Исинга, оз. Арангатуй, оз. Байкал), И.С.Котова (1941 – 1951 гг. – млекопит.) (1933 - 1975 гг. – птицы) (оз. Байкал, р.Селенга), а также таксидермистов Э. П. Пильмана и Э. Э. Пильмана (1936 - 1941) (р. Селенга, р. Верхняя Ангара, оз. Байкал, окр. Улан-Удэ, Тункинский р-н), сборы Н.Г.Скрябина (1958 г.) (р. Торма Северобайкальский р-н Бурятии), ученых: З. Ф. Сватоша (1925 г.) (Баргузинский р-н Бурятии) во время Хамар-Дабанской экспедиции, И.В. Измайлова (1961-1963 гг.) (Баунтовский, Кабанский, Северобайкальский р-ны Бурятии).

подавляющая часть тушек птиц и млекопитающих собрана на территории Прибайкалья и Забайкалья, в долинах рек Селенги, Уды, на хребтах Хамар-Дабан, Улан-Бургасы и в Читинской области.

При создании в 1983 г. принципиально новой экспозиции музея природы все фондовые коллекции значительно пополнились качественными, научно описанными сборами ученых, сотрудников научных академических, учебных учреждений г. Улан-Удэ, г.Иркутск, с которыми музей сотрудничал посредством заключений договоров.

При этом зоологические коллекции пополнились сборами Г.В. Кельберга 1973-1975 гг. (тушки птиц), Р. Т. Матуровой 1977 г. (тушки грызунов).

В 1977 г. коллекция млекопитающих пополнилась чучелом северного оленя, изготовленного скульптурным методом квалифицированным таксидермистом В. С. Кожевниковым, приглашенным из Ульяновского краеведческого музея.

В 1984 г. в фонды поступил уникальный экспонат дикой лошади Пржевальского. Чучело было выполнено таксидермистами Биологического музея им. К. А. Тимирязева в Москве и предназначено для проектируемого музея географических открытий, посвященного путешественникам-исследователям Центральной Азии, но так и не воплотившегося в жизнь.

Коллекция млекопитающих была пополнена в основном посредством закупа чучел рыси, манула, волка, лисицы, соболя, горностая, ласки, колонка, барсука и других из Госпромхоза «Улан-Удэнский».

Особую группу представляет небольшая коллекция чучел тропических птиц (райские птицы, тонагра, тукан, колибри – 14 экз.), переданная Государственным Дарвиновским музеем в качестве обменного фонда в 1938 г.

Отдельно следует отметить чучела, пополнившие орнитологическую коллекцию в результате совместных экспедиций с Австрийским музеем г. Линца, отличающиеся высокой техникой исполнения, в количестве 70 экз. (из них 46 чучел птиц, 24 тушки птиц).

Значительно, почти на 80 %, обогатилась ботаническая коллекция по природно-географическим районам Бурятии: Селенгинскому среднегорью, Становому нагорью, Восточному Саяну. В основном коллекция была собрана по договору с научными учреждениями – Бурятским филиалом (БФ) СО АН СССР, Бурятским педагогическим институтом им. Д.Банзарова, Сибирским отделением Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук имени Ленина (СО ВАСХНИЛ) г. Улан-Удэ и Институтом географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР.

Ботаническая коллекция на 70% отражает флору всех основных ландшафтов Бурятии: степей, лесов, высокогорий.

Основная часть коллекции насекомых была сформирована в 1980-1990 гг. исключительно силами сотрудника музея энтомолога, позже директора музея Е. Ц. Имыхеловой. Коллекция представлена в основном жесткокрылыми (жуками) и чешуекрылыми (бабочками). В 2009 г. у сотрудника БНЦ СО РАН С.Г. Рудых музеем приобретена разнообразная в видовом отношении коллекция чешуекрылых и жесткокрылых в количестве 600 ед.хр.

В 1991 г. палеонтологическая коллекция пополнилась сборами Н. П. Калмыкова, которые представляли собой научный материал по ископаемой фауне третичного, четвертичного периодов: остатки гиппариона, санмэньской лошади, саблезубого тигра, орхоноцероса и других животных; фрагменты скелетов мамонта, шерстистого носорога, бизона. В коллекции имеются осколок бедренной кости, дистальный хвостовой позвонок динозавров, собранные в песчаных отложениях речного происхождения, в промоине Гусиноозерской котловины младшим научным сотрудником лаборатории экологии Института общей и экспериментальной биологии БНЦ СО РАН А. И. Старковым. В последние годы коллекция пополнилась разрозненными частями скелетов различных динозавров, найденных в пустыне Гоби. Данный материал был передан в дар Бурятской таможней, обнаруженный при его незаконной перевозке через границу РФ иностранными гражданами.

Основная часть геологической коллекции сформировалась в период организации и создания музея природы Бурятии с 1976 по 1980 гг. На основании контракта с Геологическим институтом БФ СО АН СССР бы-

ли приобретены 600 ед.хр. основных горных пород и руд по Бурятии. В 1983-1984 гг. фонды музея пополнились прекрасными образцами цветных поделочных и полудрагоценных камней (более 50 ед.хр.): нефриты разных оттенков, лазурит, чароит, родонит, яшма, халцедон, сердолик и изделия из них. Коллекция приобреталась по заявке музея в камнерезной мастерской г.Улан-Удэ.

В эти же годы в качестве дара поступили от геологических партий Северобайкальского, Кижингинского районов Бурятии уникальные образцы отпечатков древнейших животных строматолитов, личинки поденок, пелициподы, археоциаты, трилобиты. В 1981 г. палеонтолог, д.г.-м.н. Томского университета А. Р. Ананин передал в дар музею 8 ед.хр. отпечатков древнейших растений – водорослей, псилофитов, плауновидных растений.

В 1984 г. сотрудник Института земной коры СО АН ССР (г. Иркутск) С. Попова подарила музею 5 образцов ископаемых моллюсков олигоцен-миоценовых осадков южного Байкала, найденных на р. Половинке.

В геологическую коллекцию входят монолиты почв, основные типы почв, собранных в Баунтовском, Северобайкальском, Селенгинском районах, а также в Баргузинском заповеднике.

Группа хранения «Фото, слайды, негативы» сформирована в 1980 - 1990 гг. и отражает естественные и антропогенные ландшафты, животный и растительный мир, промышленность и сельское хозяйство Бурятии, ландшафты оз. Байкал, природу заповедников и заказников. Большую ценность представляют негативы и слайды, которые могут служить для создания новых экспозиций и для издания буклетов, каталогов. Авторы коллекции – Г. Я. Егерь, К. М. Михалкин, В. Н. Кучеров, А. А. Васильченко, В.В. Егоров и др.

Группа хранения «Карты, схемы, картины, книги» включает карты по геологии, полезным ископаемым, лесам, климату, ландшафтно-экологические профили, книги, картины, представляющие пейзажи Бурятии, Байкала, документы.

В группу хранения «Приборы и вещи» входят различные приборы, а также макеты, модели; художественные изделия из дерева, камней, гипса; геологическое оборудование, снаряжения; буклеты, плакаты, продукты питания космонавтов, переданные представителями «Центра подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина» г. Москва; а также изделия-украшения из поделочных камней и серебра.

Комплектование фондов музея природы было начато по тематическому (ландшафтному) направлению, что было обусловлено созданием экспозиции с экологическими особенностями [2, с. 65]. Таким образом, план комплектования был четко привязан к научной концепции экспозиции музея природы, отличавшейся своей главной целью – экологическим просвещением широких слоев населения. Концепция комплектования бы-

ла выработана с помощью сотрудничества широкого круга научного общества с сотрудниками музея.

Формы комплектования были представлены совместными полевыми экспедициями ученых и научных сотрудников музея в природные регионы Бурятии: Селенгинское среднегорье, Становое нагорье, Витимское плоскогорье, Восточный Саян, Прибайкалье.

При этом использовались два вида обследования: кустовой и маршрутный. В начале перемещение происходило по определенному линейному маршруту, где обследовался каждый природный регион. Затем выбирался район, наиболее характеризующий природный регион, где и происходила основная работа по выявлению и отбору предметов музейного значения.

Работа, проводимая при создании музея природы Бурятии, когда был привлечен широкий круг ученых, может привести как к реальному следствию - усилению значения музея в системе научных учреждений, превращению его в своеобразный центр комплексных исследований по изучению условий среды, прогнозированию развития отношений в системе природа – человек – общество – природа [1, с. 10]. Этот опыт необходимо использовать и в наше время.

Комплектование фондов музея природы Бурятии необходимо продолжить комплексно, используя, проверенное годами, тематическое ландшафтное направление и развивая систематическое, при этом главной целью должно оставаться документирование биоразнообразия Байкальского региона.

Так, например, необходимо целенаправленно комплектовать коллекции ракообразных и рыб Байкала, а также ботаническую коллекцию по байкальской тематике. Необходимо продолжить комплектование палеонтологической коллекции, так как территория Бурятия представляет уникальный пласт находок ископаемой фауны млекопитающих четвертичного, третичного периодов. Но в последнее время ввиду недостаточного государственного финансирования невозможна организация экспедиций и других форм полевых сборов как наиболее эффективных способов по сбору большого количества качественного материала по комплектованию фондов.

Опираясь на вышесказанное, можно сказать, что комплектование фондов относится к числу важнейших направлений деятельности музея как социального института, непосредственными функциями которого является: выявление, хранение, изучение и представление памятников природы и истории. Дальнейшее комплектование фондов позволит музею повысить статус научно-исследовательского учреждения, организовать ряд интересных, тематических выставок, актуальных на фоне ухудшения экологической обстановки, в том числе и вокруг Байкала, и ориентированных на пропаганду бережного отношения к природе.

Примечания

1. Тематико-экспозиционные планы музея природы Бурятии / Пискунов А. С., Иксанова И. В., Хандуева В. Б., Имышелова Е. Ц., Исакова Т. С., Пыжьянова О. А. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2001. 106 с.
2. Труды музея природы Бурятии. Вып. 1. Улан-Удэ : БГУ, 1996. 115 с.
3. Хербст В. А., Левыкина К. Г. Музееведение. Музеи исторического профиля. М., 1988. 431 с.

References

1. Tematiko-ekspozicionnije plany muzeja prirody Buryatii [Thematic-expositional plans of the museum of Buryatia / Piskunov A.S., Iksanova I.V., Khanduyeva V.B., Imikhelova Ye. Ts., Isakova T.S., Pyzhyanova O.A. Ulan-Ude: Izd-vo BГУ, 2001. 106 p. [In Russ.]
2. Trudy muzeja prirody Buryatii [Works of the museum of nature of Buryatia]: Ed. 1. Ulan-Ude: BГУ, 1996. 115 p. [In Russ.]
3. Kherbst V.A., Levykina K.G. Muzejevedenije. Muzeji istoricheskogo profilja [Museology. Museums of historical profile. M., 1988. 431 p. [In Russ.]

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.31443/2541-8874-2018-4-8-76-83

УДК 24:2-3+141.339

Пишеничникова Р.И.

Pschenichnikova R.I.

НОУМЕН ИТИГЭЛОВА И КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

NOUMENON OF ITIGELOV AND CULTURE: A LOOK INTO THE FUTURE

В статье представлена информация о Духовно-интеллектуальном информационном воздействии Нетленного Тела Великого ламы Итигэлова, который своим Духовным подвигом «подтверждает» глобальные научные идеи как из древних эзотерических знаний, так и современных научных открытий.

Значимость ноумена Итигэлова выражается в реальной демонстрации взаимосвязи и взаимодействия Духа и Материи, Человека, Земли и Вселенной, в подсказке будущего пути развития Человечества.

The article presents the information about Spiritual and intellectual information influence of the Imperishable Body of Great lama Itigelov who, with his Spiritual feat, "confirms" global scientific ideas from ancient esoteric knowledge as well as modern scientific discoveries.

The importance of Itigelov's noumenon is expressed in real demonstration of interrelation and interaction of Spirit and Material, Man, the Earth and the Universe, in forecasting the future way in the development of Humanity.

Ключевые слова: феномен и ноумен Итигэлова, культура будущего, объективные и субъективные знания, футурошок.

Keywords: Itigelov's phenomenon and noumenon, culture of the future, objective and subjective knowledge, futuroshock.

«Истина заключается в том, что земля – это сцена драмы, из которой мы видим только отдельные бессвязные части и большая часть действующих лиц которой для нас невидима»

М. Коллинз

Встреча с Великой Тайной, Великим Чудом – ламой Итигэловым, его Великой Духовной Энергией и Знанием побудили вновь обратиться к очень сложной философии, к проблемам Смысла жизни Человека, связи

его со Вселенной, в целом к вопросам Человековедения [1].

Сначала остановлюсь на тех знаниях, которые были получены в ходе прямого контакта с ним. Дважды, во время контакта, лама Итигэлов открыл свои зеленые, веселые, озорные глаза и произошел обмен информацией, в которой он спросил, «борюсь» ли я за культуру и искусство, и «подтвердил», что это необходимо делать.

Затем, при другой встрече Итигэлов показал визуально три своих лица одновременно – справа, слева и по центру. Потом был музыкальный знак от него – потрясающе красивая, космическая мелодия, которая исходила от ламы Итигэлова.

Чтобы понять смысл знаков Великого Учителя необходимо разобратся в ряде проблем, потому что осознание знаков произошло через осознание проблем. Первая проблема – это идея существования скрытого, непроявленного или ноуменального знания в культуре. Она пронизывает всю историю человеческой мысли с самых отдаленных эпох. Содержание всех религий, мифов, древних памятников культуры и искусства в значительной мере состоит из символично-образных форм, представляющих собой попытки передать эту идею. Важно отметить, что язык образов и символов имеет самое древнее происхождение и, несмотря на многие усилия его исследовать, по-прежнему остается загадкой для человечества. Необъяснимыми и непонятными до конца являются древнейшие памятники культуры, истории, архитектуры, искусства, различные артефакты. Не случайно во всех сказках и мифах мир обязательно делится на видимый и невидимый, т.е. на феноменальный и ноуменальный.

Сегодня, когда наблюдается глубокая трансформация всех социальных процессов и самого человека, идея ноуменального знания и осмысления символов выходит на первый план и приобретает в глазах человечества особую значимость и статус. Эта идея связана, в большей мере, с культурой и искусством, проблемами творчества в жизни человека и развитием его сознания. Поэтому развивающаяся наука о культуре не может обойти своим вниманием данную проблему. Идея ноумена и ноуменального знания – ключ к осмыслению ноумена Итигэлова.

Кроме того, проблема будущего связывается современными учеными со все ускоряющимися переменами в жизни общества и человека, которые формируют огромное число вопросов, конфликтов, неуверенности и разочарований.

Известный американский футуролог, лауреат Нобелевской премии Алвин Тоффлер утверждает в своей всемирно известной книге «Футуршок», что без «соглашения с будущим» невозможно справиться с огромными скоростями перемен в обществе и разработать мировую теорию адаптации человечества. Автор также отмечает необходимость исследовать суть перемен и учитывать их скорость. В книге А. Тоффлера представлена не только новая теория адаптации, но и новые подходы в изучении Прошлого. Автор подчеркивает важность создания инновационных технологий работы с прошлым с целью осознания настоящего и будущего.

го. Поскольку футурошок, как считает А. Тоффлер – это временной феномен, возникающий из наложения новой культуры на старую, что это культурный и информационный шок, постольку становится очевидной потребность в их изучении [2].

Как показывает анализ многочисленных исследований, прогнозирование сценариев развития человечества, обусловлено принципом взаимодействия Природы, Сознания и Творчества (психики). При этом, как отмечают авторы, необходим постоянный рост новизны и многообразия, развитие различных технологий, выработка различных культурных стилей, развитие адаптационной психологии и человеческой коммуникации, создание механизмов социальной интеграции и человеческой приспособляемости. Особое место в этих сценариях развития отводится системам ценностей и способностям ценностного предсказания. Все это – во имя развития космического сознания у людей, способных творить и созидать новые реальности.

Важную роль в осмыслении нашей проблемы занимают труды известного философа и эзотерика П.Д. Успенского, сподвижника легендарного Георгия Гурджиева. Дело в том, что автор значительную часть своих исследований посвящает именно проблемам ноумена и феномена. Так, в своей книге «Tertium organum: Ключ к загадкам мира» он подчеркивает: «... важно помнить, что ноумен и феномен не есть различные вещи, а только различные стороны одного и того же». И далее «Причем феномен есть конечное выражение бесконечного ноумена». П.Д. Успенский в целом ряде своих уникальных книг постоянно подчеркивает, что Ноумен человека – это сознание и оно не материально. Но именно в сознании лежит разгадка непонятных со стороны функций и значений человека. Автор также акцентирует внимание на ноуменальном мире как мире причин, а для нас это мир метафизических фактов [3].

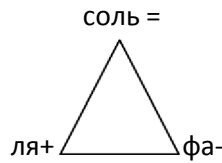
Следует отметить, что П. Д. Успенский в своих гениальных трудах обозначил отдельные характеристики основных Законов Вселенной.

Итак, «Закон трех» позволяет понять сущность и связи явлений: физических, биологических и психологических. Закон выражается в форме треугольника, где вершиной являются духовные высшие явления. Таким образом, происходит понимание, что видимое (физические и биологические явления) производится невидимым (психологические явления). А не поняв невидимое, нельзя понять видимое.

«Закон семи» (закон музыкальных октав) раскрывает сущность цикличности, интервалов и колебаний, роль «толчков», протекающих внутри человека и во вселенной. Автор подчеркивает, что изучая космос, мы изучаем человека и, изучая человека, мы изучаем Вселенную, историю, которой мы практически не знаем.

Для того чтобы осмыслить ноумен Великого Учителя Итигэлова, надо понять, почему он дал знаки закона трех – три лица и закона семи или закона октав – мелодия. Дело в том, что П. Д. Успенский пишет в своих трудах об универсальном символе, объединяющем «Закон трех» и

«Закон семи» и называется этот символ «энеаграмма». Это есть фундаментальный иероглиф универсального языка, имеющего столько же значений, сколько существует уровней людей и уровней Вселенной. И этот символ [3]:

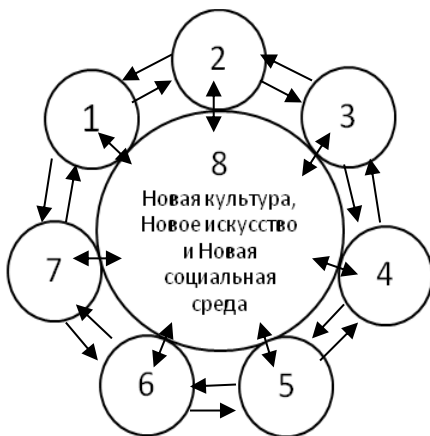
Из древних философских знаний известно, что исходная точка начала и конца всего сущего ТРОИЦА – есть творческое основание любой формы. А Человек – это Духовный странник, чья основная цель – проникновение в единство Единого Бога. Это самая древняя посвященческая традиция, а достижение переживания Единого – центральная проблема традиции.

Не случайно с этим связана древнейшая мифология. Сущность этой связи заключается в том, что миф драматизирует космические законы, принципы, процессы, отношения и функции, которые определены и описаны с помощью чисел и взаимодействий между ними, т.е. с древнейшей наукой «Сакральная геометрия» [4].

Таким образом, Великий Итигэлов подсказывает нам новое направление в развитии культуры, искусства и науки – создание нового универсального языка, основанного на универсальном иероглифе «энеаграмма» и развитие математики культуры.

Не случайно именно в период со времени извлечения святейшего тела Итигэлова, контактов с ним, сформировалась модель Новой Культуры и Нового Искусства и Новой социальной среды «Цветок жизни» (автор Пшеничникова Р.И.) [5].

Модель «Цветок жизни»

Константные настройки:

1. Постоянный рост Духовной составляющей
2. Развитие науки о культуре, постоянный рост научной составляющей
3. Развитие математики культуры
4. Развитие культуры и искусства как технологий психофизического оздоровления людей - артерия
5. Культура и искусство – мост между Природой и Человеком. Постоянный рост их сотрудничества.
6. Сохранение многообразия культур как основы развития и конкуренции
7. Развитие экономики Духовного производства
8. Развитие Новой культуры, Нового искусства и новой социальной среды

Огромный интерес представляет идея «Луча творения», который исходит из большой космической октавы. Лучше всего эту идею представляет молитва, которая пришла из древнего знания – «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный». П.Д. Успенский расшифровывает эту молитву так: «Святой Боже» значит Абсолютное, или Все; «Святой Крепкий» также означает Абсолютное, или Ничто; «Святой Бессмертный» означает то, что находится между ними. Все три, взятые вместе, составляют одно: это нераздельная и неслиянная Троица [3].

Особое значение, связанное с «Лучом творения», имеет культура, искусство, любовь, вообще чувства и психика. Многие известные ученые (А. Эйнштейн, Н. Тесла, П. Успенский и др.) отмечали в своих исследованиях о том, что «ядерная, гравитационная и психическая энергии – одного поля ягоды, одного источника проистекания». А мир реальный (феноменальный) и нереальный (ноуменальный) связаны информационным пространством. Этот вывод напрямую подтверждается присутствием на Земле ламы Итигэлова. Знаки, которые он демонстрирует нам постоянно, свидетельствуют о наличии противоположностей в любом явлении, в том числе в культуре и искусстве. Подтверждение тому находим все в тех же трудах П. Д. Успенского, где он пишет о двух видах культуры и искусства, отличных друг от друга: объективном и субъективном [3].

Причем, в объективном искусстве, как отмечает П. Д. Успенский, художник действительно творец, и действие такого произведения искусства вызывает у людей одни и те же идеи и чувства. В творениях объективного искусства нет ничего случайного. В то время как в субъективном искусстве все случайно. Отсюда понятен вывод о значимости в сотворении новых реальностей классического, народного искусства, в которых зашифрованы важные для человечества духовные составляющие. Можно сделать вывод о прямой зависимости объема знаний с духовным развитием человека. Доказательством тому является духовный подвиг ламы Итигэлова, объем знаний которого беспределен. Его два знака о культуре и искусстве расшифровались следующим образом. Познание безгранично и в нем проявляется единство двух противоположностей – духовного и материального. Людям необходимы новые знания и новая наука, развитие нового «космического» сознания. Все это возможно осуществить через культуру и искусство, в которых зафиксированы следы мистической и эзотерической (духовной) преемственности разных цивилизаций. И еще, важны знания о цели получения знаний, поскольку они связаны с осознанием смыслов, которые определяют структуру материи, а информационное поле является носителем смыслов. Кроме того, именно культура и искусство позволяют получать знания через чувства, и потому эволюция человеческого духа и сознания будет сопровождаться эволюцией языка, связанного с развитием чувств. В частности, музыка имеет свои корни в моральной природе, а это есть уже начало нового языка.

В связи с этим хочется привести пример, связанный с жизнью племени Коги, живущих в Колумбии. Это люди доколумбовой эпохи и они

общаются языком образов и символов. Произносится музыкальная нота, и в голове у партнера – целая картинка. Это ноуменальные знания.

Обозначенные проблемы, связанные с ноуменом Итигэлова, находят подтверждение в современных исследованиях. Особо следует отметить научный труд доктора Джо Диспенза «Сила подсознания или как изменить жизнь за 4 недели». В нем автор одним из первых ученых дает не только характеристику квантового человека, но и единственное в своем роде, руководство по божественному сотворению такого человека. Применяя науку о мозге на практике, он объясняет, как совободиться из плена эмоций, наполнить жизнь здоровьем, счастьем и изобилием [6].

Фундаментальное значение для осмысления сущности Человека, его взаимодействия с Природой и Вселенной имеет труд М. Б. Менского «Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах» [7].

Важно отметить, что в работах современных авторов красной нитью проходит идея их объединяющая, а именно: сущность нашего Мира может быть объяснена только на основе Объединения объективной (естественнонаучной) и субъективной (Духовной) сфер знания.

Доказательство тому ноумен Итигэлова, который реально демонстрирует взаимодействие Духа и Материи на Земле и во Вселенной. Особо следует отметить в этом плане труды Великого космиста, известного российского ученого В.П. Казначеева, труды, которые заложили фундамент новой науки «Человековедения». Продолжая разрабатывать научные идеи Великого В. И. Вернадского, автор много внимания уделяет малоизученным проблемам взаимодействия пространства энергии – времени Козырева Н. А. и пространства времени Эйнштейна, с целью изучения возможных периодов эволюции живого вещества и интеллекта на планете Земля. Казначеев формирует новое научное направление об «автотрофности человечества и о потоках энергии жизнеобеспечения будущего людей». Дело в том, что история вновь ставит проблемы: будет ли человечество в XXI и XXII вв. обеспечено теми источниками, о которых говорил В.И. Вернадский еще век тому назад. Автор отмечает, что современная грантовая политика в науке и культуре тормозит их развитие. Сегодня центральной задачей становится проблема сохранения Планеты, сохранения и выживания биосферы и человечества. Это есть новое движение творчества по мнению автора [8].

Поэтому впереди огромная работа по развитию науки о культуре, математике культуры, экономике духовного производства. Как свидетельствуют знаки Великого Космического Учителя ламы Итигэлова – это есть путь в будущее человечества.

И потому на планете Земля многие люди начинают осознавать значимость Духовного пути Планетарного Творчества! Не случайно в 1983 г. была создана Всемирная организация представителей искусства с призывом объединения во имя Мира через культуру.

В результате была сформирована «Планетарная Сеть Искусств», которая сегодня успешно развивается.

Примечания

1. Васильева Я. Д. Пандито Хамбо Лама Итигэлов. Смерти нет. 2-е изд. Улан-Удэ : Нова Принт, 2014. 264 с.
2. Тоффлер А. Футурошок / оформление обложки С. Шикина. СПб. : Лань, 1997. 464 с.
3. Успенский П. Д. Tertiumorganum : Ключ к загадкам мира. М. : Фаир-пресс, 2000. 432 с.; Успенский П.Д. Новая модель Вселенной / пер. с англ. Н. В. фон Бока. М. : Фаир-пресс, 2007. 560 с.; Успенский П. Д. В поисках чудесного / пер. с англ. Н. В. фон Бока. М. : Фаир, 2008. 528 с.
4. Неаполитанский С. М., Матвеев С. А. Сакральная геометрия. 5-е изд. М. : Свет, 2017. 624 с.
5. Пшеничникова Р. И. Культура и проблемы гуманитарного образования // Федеральный справочник. Образование в России. М., 2014. Вып. 10. С. 171-172.
6. Диспенза Д. Сила подсознания, или Как изменить жизнь за 4 недели / [пер. с англ. А. Петренко]. М. : Э, 2018. 480 с.
7. Менский М. Б. Сознание и квантовая механика : Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности) / авториз. пер. с англ. Ваксмана В. М. Фрязино : Век 2, 2011. 320 с. : ил.
8. Казначеев В. П. Здоровье нации, культура, футурология XXI века : сб. ст. и докл. (2007-2012 гг.) / под общ. ред. А. В. Трофимова : сост. Ромм В. В., Чиркова С. В. Новосибирск : ЗСО МСА, 2012. 388 с.

References

1. Vasilyeva Ya. D. Pandito Khambo Lama Itigelov. Smerti net [Pandito Khambo Lama Itigelov. There is no death]. 2nd ed. Ulan-Ude: Nova Print, 2014. 264 p. [In Russ.].
2. Toffler A. Futuroshok [Futuroshock] / cover design by S. Shikin. St.P.: Lan, 1997. 464 p. [In Russ.].
3. Uspensky P.D. Tertiumorganum : Key to world secrets. M.: Phairpress, 2000. 432 p.; Uspensky P.D. Novaja model' Vselennoj [New model of the Universe] / transl. by N.V. von Bock. M.: Phair-press, 2007. 560 p.; Uspensky P.D. V poiskah chudesnogo [In search of wonderful] / transl. by N.V. von Bock. M.: Phair-press, 2008. 528 p. [In Russ.].
4. Neapolitansky S.M., Matveev S.A. Sakralnaja geometrija [Sacral geometry]. 5th ed. M.: Svet, 2017. 624 p. [In Russ.].
5. Pschenichnikova R.I. Kultura i problemy gumanitarnogo obrazovanija [Culture and problems of humanitarian education] // Federal reference book. Education in Russia]. M. 2014. Ed. 10. S. 171-172. [In Russ.].
6. Dispenza D. Sila podsoznaniija, ili kak izmenit' zhizn' za 4 nedeli [Power of subconsciousness, or how to change life during 4 weeks] / transl.from English by A. Petrenko]. M. : Э, 2018. 480 p. [In Russ.].
7. Mensky M.B. Soznanije and kvantovaja mehanika: zhizn' v paralelnih mirah (Chudesa soznaniija – iz kvantovoj realnosti) [Consciousness and quantum mechanics: life in parallel worlds (Wonders of consciousness –

from quantum reality]] / authorized transl. from English by Vaksman V. M.: Vek 2, 2011. 320 p. [In Russ.].

8. Kaznacheev V.P. Zdorovje nacji, kultura, futurologija XXI veka [Health of nation, culture, futurology of the XXIst century] : Collection of articles and reports. (2007-2012) / ed. by A. V Trofimov: comp. by Romm V.V., Chirkov S.V. Novosibirsk, 2012. 388 p.[In Russ.].

Гуржапова Т. Д.

Gurzharova T.D.

**ТРАНСЛЯЦИЯ И СОХРАНЕНИЕ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ТРАДИЦИЙ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ ПРИРОДЫ БУРЯТИИ**

**TRANSLATION AND PRESERVATION OF ETHNO-
ECOLOGICAL TRADITIONS AS A FACTOR OF DEVELOPING
ENVIRONMENTAL EDUCATION IN THE CULTURAL AND
EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE MUSEUM OF NATURE OF
BURYATIA.**

В данной статье рассматривается роль естественно-научного музея в экологическом воспитании населения на примере опыта работы музея природы Бурятии в сфере этноэкологического просвещения как одного из важнейших факторов формирования экологического сознания подрастающего поколения.

This article considers the role of the natural science museum in the environmental education of the population on the example of the experience of the Museum of Nature of Buryatia in the field of ethno-ecological education as one of the important factors in forming ecological consciousness of the younger generation.

Ключевые слова: музей, экология, этноэкологические традиции.

Key words: museum, ecology, ethno-ecological traditions.

Одним из приоритетных направлений образовательной политики на современном этапе является забота о сохранении национальных языков, приобщении человека к природному и культурному наследию своего народа. В связи с этим большое внимание уделяется формированию экологической культуры в системе природоохранной и этноэкологической деятельности. В этом важную роль сегодня играет современный музей, принявший на себя, наряду с другими, и образовательные функции. Главная задача музеев естественного профиля – научное раскрытие и объяснение сути взаимоотношений человека и природы. Это прослеживается во всех направлениях деятельности музея природы Бурятии. Опыт сотрудничества музея со школой показал широкие возможности использования музейных средств и технологий в образовательной деятельности. Особенность музейной информации, через которую музей вовлекается в процесс экологического образования, выражается, главным образом, теми или иными свойствами музейных экспонатов и своеобразием музейной среды. Таким образом, предметно-пространственная среда музея помога-

ет сохранять и передавать накопленное человеком за многие столетия духовное культурное наследие.

Система экологических ценностей, включающая в себя гуманное и глубоко нравственное отношение к природе свойственна всем народам Байкальского региона. Она зародилась в глубокой древности и выражалась в почитании и уважении к природе и ко всему живому. Чтобы сохранить и приумножить наши богатства, мы должны знать и использовать природоохранные традиции народа, опыт философского отношения к окружающему миру. Под экологической традицией мы подразумеваем определенный исторически сложившийся тип отношения человека к природной среде, формируемый данной культурой, функционирующей в качестве норм, идеалов, стереотипов мышления и поведения, ценностно-ориентационных структур, передаваемых из поколения в поколение [1, с. 8].

Природоохранные традиции коренных народов, проживающих на берегу озера Байкал, появились и развивались под влиянием своеобразной природы региона. Экстремальные, резкоконтинентальные климатические условия Центральной Азии и Южной Сибири обусловили хрупкий, ранимый экологический баланс между человеком, обществом и природой. Поэтому человек вынужден был изначально искать более сбалансированный равновесный подход к природе, по сравнению с другими регионами, где господствовал оседлый образ жизни. Здесь формировался подход не на покорение природы, а на гармоничное взаимодействие с ней как с равноправным партнером. Таким образом, географическая среда, являющаяся условием существования этноса и во многом определяющая характер хозяйственной деятельности, отразилась в этноэкологическом сознании народа [1, с. 9]. Природоохранные традиции бурят начали свое формирование с первобытного тотемизма в каменном веке, дальнейшее развитие получили в эпоху расцвета шаманизма и буддизма. Традиции наших предков – это уникальный накопленный опыт гармоничного взаимодействия человека с природной средой, который нужно поддерживать, распространять, применять их как ориентиры в повседневном отношении к природе. И сегодня для решения экологических вопросов мы предлагаем возвратиться к корням, возрождая и сохраняя национальную культуру, воспитывать культуру экологическую [2, с. 65-71].

Так, поиск новых форм работы в области этноэкологического воспитания и образования привел к созданию в музее природы передвижной выставки «Открывая дверь юрты», представляющей экспозицию внутри бурятской юрты. Целью выставки является раскрыть истоки взаимоотношений коренных народов - бурятов с окружающей природной средой музейными средствами. Выставка «Открывая дверь юрты» отражает особенности менталитета бурятского этноса, устоями жизни которого было минимальное причинение вреда живому. Одухотворяя природу, поклоняясь тому или иному зверю или птице горам и лесам, водной стихии, человек считал себя и своих предков кровно связанным с ними. Поэтому от-

ношение к природе, к человеку строилось на нравственной ответственности перед собой и миром, испокон веков базировалось на определенном мировоззрении - и это проявлялось даже в самых обыденных действиях. Выставка представлена в виде бурятской юрты, символизирующей духовное слияние человека с Космосом. Именно эта связь, определяя место человека на Земле, помогала ему жить с уверенностью в своем будущем, а окружающая природная среда вдохновляла его на формирование гармоничных отношений с нею. Юрта представляет собой уникальное экологическое сооружение, удивительным образом приспособленное к природным условиям Сибири. Натурные экспонаты из богатой зоологической коллекции музея, шкуры зверей, тотемы бурятских племен и родов (волк, орел, лебедь, налим), посуда, утварь, национальные костюмы дополняют рассказ экскурсовода о том, как жили наши предки в гармонии с природой.

Кроме того, экспозиция в юрте позволяет осуществлять интерактивные программы: дети могут брать экспонаты в руки, изучать их, рисовать, лепить, учиться выделывать мех, овечью шерсть, то есть создается ситуация самостоятельного приобретения знаний. При этом учитываются психологические особенности детей: повышенная эмоциональность, подвижность, неустойчивость внимания. Экскурсии для самых маленьких проходят с использованием игровых элементов, загадки, сказки и легенды органично вплетены в рассказ о красоте родного края, быте и укладе далеких предков. В уютной обстановке юрты дети, знакомясь с экспонатами выставки, заглядывают в прошлое, так им даются первые экологические понятия. Данная выставка позволяет наиболее полно раскрывать тему «Этноэкологические традиции коренного бурятского народа» и способствует повышению эффективности экологического воспитания детей и молодежи.

Также тесно связаны с природоохранными традициями наших предков следующие довольно востребованные в образовательных учреждениях передвижные выставки музея «По страницам Красной книги» и «Особо охраняемые природные территории». Говоря о современной охране редких животных и растений, мы опять же возвращаемся к истокам.

Своеобразный нравственно-экологический кодекс в виде строгих запретов (табу) по отношению к природе существовал задолго до появления современных природоохранных юридических актов. Наряду с запретами на охоту существовали запреты на территорию. Выделение запретных мест, так называемых куруков, было давней центрально-азиатской традицией. В этих местах нельзя было жить, пасти скот, сеять и охотиться [3, с. 62-63]. Трудно отрицать в куруке прообраз современных заповедников, заказников, национальных парков. Многовековой опыт коренных народов Бурятии, их нравственная культура, природоохранные традиции способствовали возникновению на территории нашей республики Баргузинского заповедника, первого заповедника в России, а затем всей системы ООПТ страны.

Почитанием и различными ритуальными обрядами характеризуется особое отношение бурят к природным стихиям Воде, Земле, Воздуху, Огню. Так реки, озера, минеральные источники всегда занимали немаловажное место в верованиях и культах бурят. Буряты – потомки лесных монголов сформировались как народ на берегах Байкала, поэтому можно говорить, что Байкал – колыбель бурят-монгольского этноса, к которому относились особенно трепетно и трогательно. Люди обожествляли его, считали священным и великим морем Эхэ-далай. До наших дней сохранились множество преданий о силе и чистоте Байкала. [4, с. 88].

Байкальская тематика занимает особое место в деятельности музея, нами созданы и активно используются в культурно-образовательной деятельности такие выставки, как «Байкал – жемчужина планеты», «Рассказ нерпенка Кумы» и др., а также квест-игра «Сокровище Байкала», где раскрывается ценность чистой байкальской воды. Еще один проект музея, имеющий этноэкологическую направленность – это туристический маршрут «По святым источникам Иволги». Данная выездная автобусная экскурсия знакомит с лечебными свойствами и историей открытия минеральных источников Иволгинского района, а также показывает сохранившиеся до наших дней традиции почтительного отношения людей к аршанам – бесценным дарам природы.

Таким образом, нематериальные аспекты культуры (традиций, верования, обряды, привычки, стереотипы, нормы поведения и т.д.) несут в себе важную культурно-экологическую информацию. И как показывает опыт, обращение к ним существенно повышает воспитательный потенциал экологического образования и является важным фактором успешности процесса формирования экологического сознания подрастающего поколения.

Затронутая нами тема экологического наследия коренных народов Байкальского региона найдет свое отражение в новой экспозиции музея природы, открытие которой планируется в ближайшее время в здании художественного музея им. Ц.С. Сампилова.

Примечания

1. Абаев Н. В. Буряты. Народы и культуры. М. : Наука, 2004.
2. Качество воды и традиционное природопользование на приозерных территориях // Материалы VI междунар. конф. «Живые озера», 30 июля – 3 авг. 2001 г. Улан-Удэ, 2001.
3. Мир Байкала. 2008. № 3(19).
4. Проблемы сохранения, изучения и использования культурного наследия в современном музее // Музеем истории Бурятии им. М. Н. Хангалова 90 лет : сб. ст. Улан-Удэ : БГСХА, 2013. 260 с.

References

1. Abaev N. V. Buryaty. Narody i kul'tury [Buryats. Peoples and cultures]. M.: Nauka, 2004. [In Russ.]

2. Kachestvo vody i tradicionnoje prirodopol'zovanije na priozernyh territorijah // Materialy VI mezhdunar. konf. «Zhivyje ozero» [Water quality and traditional nature management in lakeside areas [Proceedings of the VI international conf. "Living lakes"]. 30 July - 3 August, 2001. Ulan-Ude, 2001. [In Russ.]

3. Mir Bajkala [The world of the Baikal]. №3 (19). Ulan-Ude, 2008. [In Russ.]

4. Problemy sohraneniya, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya v sovremennom muzee [Problems of preserving, studying and using cultural heritage in the modern world] // Muzeju istorii Burjatii im. M.N. Khangalova 90 let. Sb. st. [The 90th anniversary of the Buryat history museum named after M. N. Khangalov. Collection of articles]. Ulan-Ude: Press of BSAA named after V.R. Filippov, 2013. 260 p. [In Russ.]

Райцанова Э.Н.

Raitsanova E.N.

**ЯПОНСКИЙ МЕЧ ИЗ СОБРАНИЯ
КЯХТИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ
АКАДЕМИКА В.А. ОБРУЧЕВА**

**JAPANESE SWORD FROM THE COLLECTION OF THE LOCAL
HISTORY MUSEUM OF KYAKHTA
NAMED AFTER THE ACADEMICIAN V.A. OBRUCHEV**

Статья посвящена исследованию и реставрации экспоната из собрания Кяхтинского краеведческого музея имени академика В.А. Обручева — японского меча из коллекции холодного оружия. Произведена атрибуция музейного предмета.

The article is devoted to the study and restoration of the exhibit from the collection of the Local History Museum of Kyakhta named after the academician V.A. Obruchev - Japanese sword from the collection of cold weapons. The attribution of the museum item was made.

Ключевые слова: атрибуция, реставрация, японский меч, клинок.

Keywords: attribution, restoration, Japanese sword, blade.

В Кяхтинском краеведческом музее имени академика В. А. Обручева на сегодня насчитывается более ста двадцати тысяч предметов, относящихся к разным эпохам и представляющих большую историческую и культурную ценность.

Среди музейных предметов коллекции холодного оружия имеются экземпляры, которые с полным основанием могут считаться особо ценными с исторической и культурной точки зрения. К таким предметам относится японский меч. Как отмечает Н. В. Белова, «предметы оружейного искусства Японии широко известны в мире благодаря не только красоте и качествуковки, но и сочетанию практических качеств с художественным оформлением предмета. Искусство изготовления мечей, как и прочие виды прикладного искусства Японии, обладает виртуозностью выполнения, тонким, глубоким чувством материала, изяществом стиля, почтением к традициям в сочетании с изобретательностью мастеров» [2, с.172].

За 128 лет существования музея остро стояли вопросы атрибуции и реставрации экспонатов. Атрибуция – важнейший период изучения музейного предмета, занимающий ведущее место в научно-исследовательской работе музея. Одно из наиболее результативных изысканий зачастую происходит в процессе реставрации.

В качестве практического примера атрибуции в данной статье будет представлен результат исследования японского меча. В первую очередь, отмечает Кондратенко М. Е., «это связано с особенностями конструкции и материалов данного вида декоративно-прикладного искусства. Зачастую не все нюансы видны при обычном визуальном изучении. Лишь при разборе конструкции предмета часто выявляются ранее недоступные глазу клейма и оттиски на металлических накладках, которые могут подсказать авторство или принадлежность к определенной мастерской. Часто раскрытые авторские клейма на предмете в процессе реставрационных работ способствуют раскрытию значимости предмета и на практике интегрирует процессы изучения музейного экспоната всего лишь в один этап, несмотря на их четкую теоретическую дифференциацию» [5, с.16].

Согласно записи книги поступлений Кяхтинского музея, японский меч поступил 10 мая 1899 г от И. К. Громова, служащего Торгового дома «Коковин-Басов», и был занесен как «японская инкрустированная в костяной оправе сабля». Рукоять и ножны меча украшены накладками резной кости с изображением сюжетных сцен по всей длине ножен по кругу и кольцевыми серебряными накладками [3, с.125].

Рис.1. Японский меч до реставрации.

В 2017 г., благодаря целевой программе Министерства культуры Республики Бурятия, были проведены реставрационные работы «японской сабли» в Федеральном государственном бюджетном учреждении культуры «Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И. Э. Грабаря». Реставрационные работы проводились в секторе реставрации металла (руководитель А. И. Сивов) и в отделе реставрации резной кости (реставратор Л. В. Гетьман).

Для сохранения физической целостности и подлинности музейных предметов как исторических документов огромное значение имеет полное исследование восстанавливаемых объектов. Это выявление культурно-исторической значимости, изначальной структуры и материала, степень разрушения, изменения и утраты. Таким образом, предреставрационное изучение позволит найти наиболее безвредные неразрушающие

консервационно-реставрационные мероприятия, которые оставляют возможность применить в последующем другие методы получения достоверных сведений. По состоянию сохранности экспоната первоначально был произведен демонтаж составных частей меча.

Рис. 2. Металлические фрагменты деревянной внутренней части.

Металлические элементы (семь фрагментов) переданы в отдел реставрации металла [6, с.2]. Костяные фрагменты (семь фрагментов) и деревянная внутренняя часть (три фрагмента) переданы в отдел реставрации резной кости.

Рис. 3. Костяные фрагменты и деревянной внутренней части.

В процессе реставрации меча было выяснено, что для рельефных деталей была использована простая скелетная кость домашних животных (либо лошади, либо верблюда, что характерно для восточных предметов) – цевка, для цубы (гарда) – внутренняя часть – костяная пластина (цевка) подклеена к деревянной подложке, ободок выполнен из кости – клык

моржа (?). Материал точно определить не удалось, так как на костяном фрагменте нет отличительных признаков той или иной кости [7, с.3]. Костяные фрагменты декорированы не только резьбой, но и гравировкой и тонировкой [7, с.5].

Сотрудниками реставрационного центра была проведена работа по поиску аналогов. В ходе работы была изучена соответствующая литература, осмотрены и сфотографированы подобные предметы в музеях: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Санкт Петербург), Центральный пограничный музей ФСБ России, Государственный музей Востока. Прямых аналогов японскому мечу из Кяхтинского музея не выявлено [7, с.4].

Открытия, связанные с определением мастера, и, как следствие, уточнение истории предмета, были сделаны после реставрационных работ.

Рис. 4. В процессе реставрации.

Аттестованным экспертом Министерства культуры Российской Федерации, кандидатом технических наук, доцентом кафедры аэродинамики и баллистики МГТУ имени Н. Э. Баумана, ведущим научным сотрудником ЦНИИАГ А.Н. Клишиным было сделано следующее экспертное заключение:

«Точное наименование предмета – Вакидзаси. Место изготовления – Япония. Материал – сталь, медный сплав, белый металл, кость, дерево. Техника – ковка, литьё, слесарные операции, резьба, столярные операции. Длина клинка – 614 мм; длина лезвийной части – 475 мм; ширина клинка – 29,5 мм; длина оправы меча (косираэ) – 888 мм; длина ножен (сая) – 631 мм. Клинок произведён в период Эдо (1603 – 1868 гг.), косираэ – в 1-й трети XX века.

Вакидзаси с незначительно искривлённым клинком в косираэ. Клинок стальной, однолезвийный. Хвостовик с одним круглым отверстием, предназначенным для мэкуги – штифта, фиксирующего рукоять; присутствующая рукоять не использует такого способа фиксации (при сборке

вакидзаси в первой трети XX века использован клинок более раннего производства).

На хвостовике клинка нанесена иероглифическая надпись, указывающая на его производителя – [«Хидзэн (но) коку Тадаёси» («Тадаёси из провинции Хидзэн»)]. Тадаёси – представитель одной из самых известных кузнечных школ, наиболее ярко заявившей о себе в период Эдо. Примечательно, что в описываемый исторический период существовало значительное количество подделок под изделия Тадаёси (в том числе с имитацией обозначения мастера); для точного определения фактического производителя и более узкой локализации периода производства клинка в заключении экспертом рекомендовано произвести анализ структуры металла.

В верхней части клинка установлена медно-сплавная муфта – хабаки» [4, с.1].

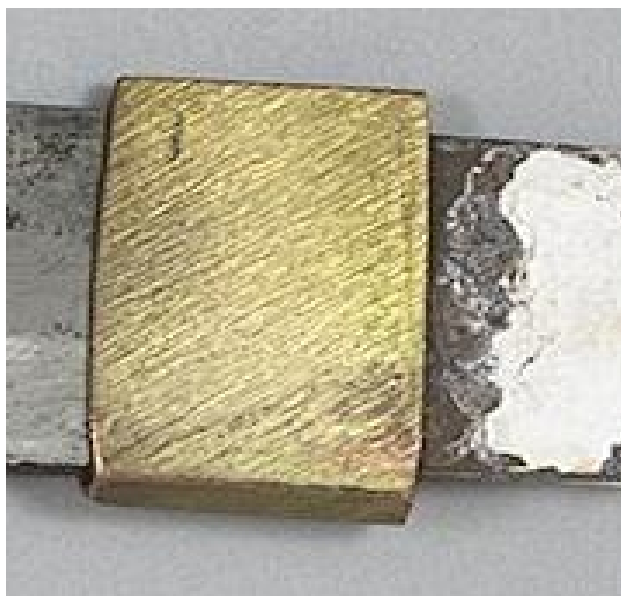

Рис.5. Медно-сплавная муфта – хабаки.

Рукоять (цука) деревянная, покрыта костяными фрагментами (пластинами) в нижней части, в верхней части – твёрдым веществом белого цвета, имитирующим кость. Структурно рукоять в центральной части разделена обоймицей из белого металла с рельефным изображением человеческих фигур, имитирующим сцены традиционного японского быта; присутствуют элементы геометрического и растительного орнаментов.

Под рукоятью расположена овальная гарда – цуба. Гарда охвачена пояском из белого металла, украшенным геометрическим орнаментом [4, с.2].

Рис.6. Гарда – цуба меча.

Ножны (сая) имеют деревянную основу, покрыты костяными фрагментами (пластинами). Прибор ножен состоит из устья, 4-х обоймиц (три верхних обоймицы соединены планкой, на которой установлены проушины с подвижно закреплёнными кольцами) и наконечника, исполненных из белого металла [4, с.3]. Заслуживает особого внимания металлические, узкие полоски на ножнах больших мечей, стянутые кольцами сэмэ – нижняя сибабика (газон поддержка) и верхняя амаои (покрытия от дождя). Эти полоски прикрывают стыки половинок ножен, защищая их от разрушения [1, с.215]. Окончание выше упомянутой планки оформлены в виде голов мифического существа (дракона).

Рис.7. Металлическая планка в виде голов мифического существа (дракона).

Ножны вместе с рукоятью бывают повседневные, парадные, подарочные (например, из кости, бивня и рога) [1, с.209]. Особенности декоративного оформления предмета не позволяют отнести косираэ к изготавливаемым в период Мэйдзи (1868-1912 гг.), соответствующему XIX в.. Оформление исполнено качественно, но уже имеет признаки сувенирной продукции первой трети XX в. Данный исследованный предмет имеет декоративное назначение [4, с.4].

Название меча «вакидзаси» - «воткнутый сбоку». Так именуют относительно короткий или малый меч, носившийся в паре в основном с длинным мечом, именуемым «катана». Подобный комплект составлял прежде прерогативу исключительно самурайского сословия, а всем прочим различным городским жителям, крестьянам и т.д. иметь длинный меч воспрещалось» [8, с.130]. Такая пара называлась «дайсё» («большой малый») или «длинный короткий»). «В качестве форменного стиля самураев был принят комплект дайсё из двух мечей – большого катана и малого вакидзаси. С упразднением дайсё в качестве стиля для самураев (тай-того-мон – «право на ношение меча») поднялся спрос на короткие мечи вакидзаси, а производство танто почти завершилось, тем более что известные танто прежних эпох, если они были достаточно длинные, оправлялись как вакидзаси. В случае, если их длина была недостаточна, их носили дома, кроме того, танто в парадном костюме выделяло даймё и самураев высших рангов» [1, с. 169].

Характерен следующий момент – часто катана и вакидзаси производился одним умельцем, и стиль оформления был единым [8, с. 130].

Чаще всего малый меч от большого ничем не отличается, кроме размеров, тогда как разновидностей ножа встречается огромное количество. Единообразие предполагает унификацию внешнего облика, поэтому ножны, цуба и другие детали различались друг от друга лишь размером, но не дизайном. Более того, позволить себе хорошую пару могли люди обеспеченные, так как ее приходилось заказывать специально. Абсолютное большинство из дошедших до нас комплектов представляют собой замечательные образцы кузнечного и декоративно-прикладного искусства [8, с. 35].

Вакидзаси справедливо называется «мечом», так как базовый образец в точности повторяет слегка урезанную катану.

Таким образом, изучение японского меча, процесс реставрации и раскрытые после нее факты позволили ввести новую информацию в сферу его исследования. Кроме того, установлено авторство, уточнено время создания и восстановлен экспозиционный вид.

Примечания

1. Баженов А.Г. История японского меча. СПб. :Атлант :Балтика, 2001. 264 с.

2. Белова Н.В. Особенности развития художественного оформления оправы японских мечей с периода Камакура (1185-1333) до периода Эдо (1603-1868)// Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2011. № 3(20). С. 172-176.

3. Главная инвентарная книга №1 Основного фонда Кяхтинского краеведческого музея им. В. А. Обручева. 1890–1939 гг. Кяхта, 2018. 521 с.

4. Клишин А. Н. Экспертное заключение № 56–18/ЦФО от 04.06.2018 г. М. 5 с.

5. Кондратенко М. Е. К проблеме атрибуции музейного предмета в ходе реставрационных работ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 3. С. 15-20.

6. Реставрационный паспорт художественного произведения № 39/2017-МТ. М. : ФГБУК "ВХНРЦ". 6 с.

7. Реставрационный паспорт художественного произведения №40/2017-К. М. : ФГБУК "ВХНРЦ". 9 с.

8. Хорев В.Н. Японский меч десять веков совершенства. Ростов н/Д : Феникс, 2003. 205 с.

References

1. Bazhenov A. G. Istorija japonskogo mecha [History of the Japanese sword]. М. : Atlant, Baltika. 2003. 440 p. [In Russ.].

2. Belova N. V. Osobennosti razvitiya hudozhestvennogo oformlenija opravy japonskih mechej s perioda Kamakura (1185-1333) do perioda Edo (1603-1868) [Features of decoration rims development of Japanese swords from the Kamakura period (1185-1333) to the Edo period (1603-1868) // Obshchestvo. Sreda. Razvitiye. [Society. Environment. Development] (Terra Humana). 2011. № 3(20). Pp. 172-176. [In Russ.].

3. Glavnaja inventarnaja kniga №1 Osnovnogo fonda Kjahtinskogo kraevedcheskogo muzeja im. V.A. Obrucheva. 1890–1939. [Home inventory book №1 of the Main Fund of the Local History Museum of Kyakhta named after V.A. Obruchev. 1890–1939. Kyakhta. 521 p. [In Russ.].

4. Klishin A. N. Ekspertnoje zaklyuchenije № 56–18 [Expert opinion No. 56–18] / SFO ot 04 June 2018 [Central Federal District of 04 June 2018]. М. : 5 p. [In Russ.].

5. Kondratenko M. Ye. K probleme atribucii muzejnogo predmeta v hode restavracionnyh rabot [To the problem of attribution of the museum object during the restoration work]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Filosofija. Kulturologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnije otnoshchenija [Bulletin of Saint-Petersburg university. Ser. 6. Philosophy. Culturology. Politology. Law. International relations. 2012. Pp. 15-20. [In Russ.].

6. Restavracionnij passport hudozhestvennogo proizvedenija № 39/2017-МТ [Restoration passport of artwork №39 / 2017-MT]. М. : FSBIC "All-Rus. ASRC". 6 p. [In Russ.].

7. Restavracionnij passport hudozhestvennogo proizvedenija № 40/2017-К [Restoration passport of artwork № 40 / 2017-K]. М.: FSBIC "All-Rus. ASRC". 9 p. [In Russ.].

8. Khorev V. N. Japonskij mech desyat' vekov sovershchenstva [Japanese sword ten years of perfection]. Rostov-on-Don: Phoenix, 2013. 205 p. [In Russ.].

Саксудаева И.С.

Saksudaeva I.S.

**МУЗЕЙ КАК СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ МУЗЕЯ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЙ
ДРУЖБЫ)**

**MUSEUM AS A MODERN SOCIAL INSTITUTE
(ON THE BASIS OF THE RUSSIAN-MONGOLIAN FRIENDSHIP
MUSEUM ACTIVITIES)**

Статья посвящена исследованию музея в контексте настоящих и грядущих преобразований, в которой проанализированы причины и условия возникновения музейной деятельности, а также раскрыты ее изменения со времени ее становления и до настоящего периода. Рассматривается деятельность музея как социального института, непосредственно взаимодействующего с обществом; раскрыто понятие «музей», термин «социально-культурная деятельность». Особое внимание уделено проблемам и путям их решения. Приведен пример работы музея российско-монгольской дружбы, представлены апробированные программы для детей разного возраста. Сделан вывод о том, что музей является неотъемлемой частью культурного пространства.

The article studies museums in the context of their present and coming transformations. It analyzes reasons and terms of their origin as well as evolutionary changes in museum activities. The concept "museum", the term "socio-cultural activity" and museums as social institutes directly co-operating with society are considered. Special attention is paid to the problems and their solution.

The author touches upon the activities of the Russian-Mongolian Friendship Museum. Programs for children of different ages are presented. It is concluded that museums are an inseparable part of cultural space.

Ключевые слова: музей, социально-культурная деятельность, интерактивная программа, экскурсионное обслуживание.

Keywords: museum, socio-cultural activity, interactive program, excursion.

Развитие человеческого общества сопровождается постоянным возрастанием значения науки во всех сферах жизни [5, с. 556]. Сегодня быстро трансформируются социально-экономические условия, развиваются средства информации и наблюдается рост всестороннего развития человека.

Современная система образования нацелена на воспитание и формирование всесторонне грамотных людей, высококвалифицированных работников в различных сферах деятельности. Процесс формирования личности находится в постоянном поиске новых ориентиров. Сегодня молодое поколение практически оторвано от отечественной культуры и национальных традиций. Поэтому главной задачей российской системы образования является общекультурное развитие обучающегося [9, с. 441]. Это утверждение закреплено Законом РФ «Об образовании», в тексте которого записано: «Общеобразовательные программы направлены на решение задач формирования общей культуры личности, адаптация личности к жизни в обществе, на создание основы для осознанного выбора и освоения профессиональных образовательных программ...» [8]. Эта задача в профессиональном образовании дополняется становлением культуры межличностных отношений. Из этих приоритетов складывается направленность социокультурной деятельности не только в учреждениях образования, но и в музеях.

Понятие «музей» появилось более двух с половиной тысяч лет назад. В Древней Греции под «мусейоном» понимали святилище муз. Это понятие вышло из обихода в эпоху Средневековья. В эпоху Возрождения музеем стали называть изначально коллекции памятников античности и произведений искусства, затем все то, что воспринималось «редким» и «диковинным». Во второй половине XVI в. термин «музей» чаще начинает употребляться по отношению к помещению, где хранятся и экспонируются собрания предметов. В эпоху Просвещения из собраний, доступных немногим желающим, музей превращается в учреждение открытое для широкой публики. Постепенно стала подчеркиваться ориентированность на все слои населения [4, с. 16-17]. В XVIII в. музей становится общественным институтом уже с четко очерченными просветительскими задачами [1, с. 248].

К началу XX в. произошли существенные изменения в представлении и назначении музея. Музей становится своеобразным посредником между обществом и культурой, хранителем культурного наследия и социальной памяти. Музей прививает и соединяет социокультурные поколения людей. Главной целью его работы становится образовательная деятельность. Совсем недавно многие специалисты, размышляя о музее будущего, видели его активно взаимодействующим с различными общественными институтами – учреждениями образования, науки и культуры. Особенная связь должна была быть, в первую очередь, с дошкольными и школьными учреждениями, а так же со всей системой высшего образования.

В прошлом «музейного воспитания» подрастающего поколения было много формализма. Это приводило к отрицательному результату: вместо развития музейной культуры гасили интерес к ней, в результате получили представление о музее как о скучном месте с бесполезными ве-

щами. Многие зарубежные музеологи задумывались над тем, как музеи смогут интегрировать в социальный мир, именно оттуда они получают средства на свое существование. По их мнению, выживание этого общественного института зависит от того, насколько хорошо музеи смогут выполнять возложенные на них обязанности, в большей степени приспособившись к постоянно меняющемуся социальному контексту [7, с. 61]. Анализируя деятельность музеев в рамках новой концепции, европейские музеологи, обратили свое внимание на проблему обучения посетителя музея, а также на ее слабую исследовательность. С каждым годом появляются все новые музеи; деятельность музеев направлена, в первую очередь, на посетителя и его взаимодействие с предметами. Недавно созданные музеи могут использовать различные интерактивные технологии и неожиданные новаторские подходы при организации экспозиций. В таких музеях дают возможность широким слоям общества свободно посещать музей и «творить» свою историю [6, с. 45].

В историческом знании начались большие перемены, в связи с этим у музейных работников появился богатый арсенал различных средств, для создания научной модели «времени» и «мира», которая отражает объективную реальность. Сегодня задачей музеологов становится превращение музеев в центры интерпретации культурного наследия, и быть всегда частью сегодняшней культуры, в том числе в социальном плане. Музей должен стать важным социальным институтом.

Термин «социально-культурная деятельность» в отечественном музееведении используется с начала 1990-х гг. Ранее употреблялись такие понятия, как политико-просветительная работа, культурно-образовательная и т.д. Ю.Г. Дерябина характеризует социально-культурную деятельность музеев как многофункциональную сферу деятельности, которая является средством воздействия на духовно-нравственное становление личности, формирование мотивов, ценностей, установок, способствует созданию условий для самореализации и социализации личности [2, с. 26]. Сущностью социально-культурной деятельности музеев является совокупность целенаправленных, планомерных педагогических воздействий на поведение и сознание человека через включение в социально-значимые формы музейной деятельности. Результатом такой работы становится самореализация личности и профессиональная адаптация. Исходя из всего изложенного выше, можно прийти к выводу, что музей является важным социальным институтом.

Сегодня музей стратегически направлен на конкретного посетителя, а музейная деятельность все больше стремится к социально-культурному развитию общества, совмещая идеи образования и развлечения. В качестве примера можно рассмотреть деятельность музея российско-монгольской дружбы – филиала Кяхтинского краеведческого музея в социальной сфере. Музей был открыт в 1971 г. Он располагается в небольшом деревянном здании. В прошлом этот дом принадлежал провизору

аптеки О.Х. Рудзит. Здание является памятником истории республиканского значения. В 20-е гг. XX в. здесь было расположено Консульство РСФСР в Дальневосточной республике во главе с О. И. Макстенеком. В Консульстве Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан встречались с представителями Коминтерна РСФСР и ДВР. 3 марта 1921 г. в этом здании проходил I съезд Монгольской Народной Революционной партии.

С учетом постоянно меняющихся интересов со стороны населения к музейной деятельности, разрабатываются новые формы коммуникации. В музее российско-монгольской дружбы в течение года ведется активная работа со всеми слоями населения г. Кяхта, Кяхтинского района, Республики Бурятии в целом, а также проводится работа со школьниками Селенгинского аймака Монголии. В музее разработано несколько долгосрочных программ, нацеленных на всестороннее развитие посетителя. Сегодня музеем предоставляется не только экскурсионное обслуживание, но и проводятся «музейные уроки», которые дополняют полученные знания в школе. Спектр исследуемых тем достаточно широкий, проводятся занятия по археологии, палеонтологии, антропологии, энтомологии, зоологии, по истории России, Монголии и Китая.

Большим успехом пользуется интерактивная программа «В гости всех зовем в музей!». Проект способствует формированию и воспитанию у детей первичных навыков и знаний о правилах поведения в музее, о проблемах сохранения экспонатов и сбора исторической информации, учит маленьких посетителей бережному и внимательному отношению к окружающим предметам, событиям, людям. Для качественного проведения мероприятия обязательно готовится мини-выставка на определенную тему, игровая часть, конкурс рисунков или поделок, мастер-классы.

В течение года музеем проводится ряд программ: «Сагаалган – традиции и обычаи», «Птицы Забайкалья», «Увлекательное путешествие в мир палеонтологии», «Иван Иванович Самовар». Предлагаемые формы работы заставляют детей осмысливать, анализировать и эмоционально переживать краеведческую информацию, что помогает лучше ее запомнить. Отзывы о проекте положительные, ведется постоянная доработка материала, учитываются различные пожелания со стороны преподавателей, детей и их родителей. Проведено несколько занятий совместно с Центром дополнительного образования, подобное сотрудничество дает очень хороший результат, занятия становятся более разнообразными.

В рамках проекта в Международный День защиты детей были приглашены дети с ограниченными возможностями. Мероприятие организовывалось совместно с отделом социальной защиты населения Кяхтинского района. В итоге из «музейного» урока получился большой праздник; детям очень понравились занятия тестопластикой, экскурсия по музею в форме игры, викторина и конкурсы. Со стороны родителей были получены только положительные отзывы, в результате было принято решение о проведении программы ежегодно.

Деятельность музея как социально-культурного института не ограничивается происходящим только в его стенах. Сейчас в стране активно развиваются все формы туризма, это одна из высокодоходных отраслей в современной экономике. Долгое время в России туризм воспринимался в большей степени как выездной, однако сейчас активно развивается внутренний туризм, который сегодня имеет приоритетное направление развития. Сотрудниками музея разработаны туры выходного дня «Нескучные выходные». Приобщение к занятиям туризмом начинается в основном с общеобразовательной школы. Привлечение учащихся тесно связано с овладением знаниями в разных направлениях: краеведение, история, природоведение и т.д. Общеизвестно, что детский туризм несет в себе огромный социально-культурный потенциал. Туристические путешествия дают уникальную возможность подробнее узнать, а также наглядно познакомиться с историческим и культурным наследием своего региона и своей страны. Сотрудники музея организуют экскурсионные туры с посещением театров, музеев и участием в развлекательной программе. Пытаются помочь каждому ребенку оглянуться вокруг и увидеть положительные моменты в жизни нашего региона, города и села. Нередко многим кажется, что где-то лучше, чем здесь, где-то интереснее, чем у нас. Наша задача показать, что в любом месте, в любой ситуации всегда есть что-то, чем можно восхищаться. Надо только научиться видеть!

На примере работы музея российско-монгольской дружбы мы видим, что музеи могут выступать в роли посредника, создающего культурную среду в обществе, сохраняя при этом свою специфику. Музей сегодня становится учреждением двойного назначения. Деятельность музеев направлена на самоидентификацию личности в социальном пространстве.

В России сейчас переломный момент развития музейной деятельности; невзирая на непростые финансовые условия, музей осуществляет свои функции, удовлетворяя социальные потребности, как в воспитании, так и в становлении личности. Таким образом, приходим к выводу, что музеи являются неотъемлемой частью культурного пространства, приоритетной задачей которых становится передача накопленных знаний будущим поколениям, с помощью коммуникации и личностного взаимодействия музейных посетителей [3, с. 476-480].

Примечания

1. Грицкевич В.П. История музейного дела до конца XVIII века / В.П. Грицкевич. – СПб.: СПбГУКИ, 2004. – 408 с.
2. Дерябина Ю.Г. Социально-культурная деятельность музея как фактор формирования духовно-нравственных качеств молодежи. Автореферат дисс. ... канд. пед. наук. – Тамбов, 2008. – 26 с.

3. Кулиева М.М. Музей как особый социально-культурный институт// Научно-методический электронный журнал «Концепт».-2016.-Т.2.-С.476-480.- URL:<http://e-koncept.ru/2016/46114.htm>

4. Левыкин К.Г. Музееведение. Музей исторического профиля. – М., 1988. – С. 16-17.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.47. С. 556.

6.Музей в современном мире: традиционализм и новаторство/Труды ГИМ. Вып.104-М.,1999. С.45.

7. Золберг В. Какова цена успеха?//Museum. 1995. №186. С.61.

8. Федеральный Закон «Об образовании» от 01.12.2007 №309-ФЗ. (в ред. Федерального закона от 01.12.2007 N 309-ФЗ). Глава II, статья.9.

9. Чумакова Н. Ю. Музейная деятельность как средство духовно-нравственного воспитания младших школьников // Молодой ученый. — 2013. — №7. — С. 441-443. — URL <https://moluch.ru/archive/54/7391/> (дата обращения: 27.09.2018).

References

1. Gritskevich V.P. Istorija muzejnogo dela do kontsa XVIII veka [History of Museum Science until the end of the XVIII century] / V.P. Gritskevich. - SPb .: SPbGUKI, 2004. - 408 p. [In Russ.].

2. Deryabina Yu.G. Social'no-kul'turnaja dejatel'nost' muzeja kak factor formirovanija duhovno-nravstvennyh kachestv molodyozhi: avtoref. dis. ...kand. ped. nauk [Socio-cultural activities of the museum as a factor in the formation of spiritual and moral qualities of young people: dissertation thesis... candidate of pedagogical science]. - Tambov, 2008. - 26 p. [In Russ.].

3. Kulieva M.M. Muzej kak osobyj social'no-kul'turnyj institute [Museum as a special socio-cultural institute] // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept" [Scientific-methodical electronic magazine "Concept"]. - 2016.-Vol.2. -Pp.476-480. - URL: <http://e-koncept.ru/2016/46114.htm> [In Russ.].

4. Levykin K.G. Muzevedenie. Muzej istoricheskogo profilja [Museology. The Museum of historical profile]. - M., 1988. - Pp. 16-17. [In Russ.].

5. Marx K., Engels F. Soch. 2-e izd. T.47. S. 556 [2nd ed. Vol.47. P. 556]. [In Russ.].

6. Muzej v sovremennom mire: traditsionalizm i novatorstvo / Trudy GIM [Museum in the modern world: traditionalism and innovation / Works of GIM].Vyp.104-M., 1999. S. 45. [In Russ.].

7. Zolberg V. Kakova cena uspeha?[What is the price of success?] // Museum. 1995. №186. P. 61.

8. Federal'nyj zakon "Ob Obrazovanii" ot 01.12.2007 №309-FZ (v red. Federal'nogo zakona ot 01.12.2007 №309-FZ). Glava II, statja 9. [RF Law "On Education" dated 01.12.2007. №309-ФЗ. Chapter II, Article 9]. [In Russ.].

9. Chumakova N. Yu. Muzejnaja dejatel'nost' kak sredstvo duhovno-nravstvennogo vospitaniya mladshih shkol'nikov [Museum activity as a means of spiritual and moral education of junior school children] // Molodoj uchyonyj [Young Scientist]. - 2013. - №7. - p. 441-443. – URL: <https://moluch.ru/archive/54/7391/> (27.09.2018). [In Russ.].

Ступин С.Г.

Stupin S.G.

МУЗЕЙ В.Г. РАСПУТИНА В ИРКУТСКЕ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ

THE MUSEUM OF V. G. RASPUTIN IN IRKUTSK: THE EXPERIENCE OF ESTABLISHING

В статье в хронологическом порядке описываются этапы создания музея Валентина Григорьевича Распутина. Отдельно автором рассматриваются особенности создания музеев подобного типа на территории России.

The article describes the stages of establishing the Museum of V.G. Rasputin in the chronological order. The author also considers general peculiarities of establishing museums of such a type in Russia.

Ключевые слова: Музей В.Г. Распутина, концепция, музейные экспонаты, экспозиция.

Keywords: Museum of V.G. Pasputin, conception, museum exhibits, exposition.

Вопрос об увековечивании памяти Валентина Григорьевича Распутина на родине возник сразу же после ухода писателя в марте 2015 г. Во мнении, что нужен музей, сходились и общественность, и власти. Не возражали против такого решения и родные. Необходимо было определиться с местом и концепцией будущего музея.

Одни участники дискуссии о локации музея считали, что нужно большое здание, где в перспективе разместились бы фондохранилище, зал для встреч и т.д. Другие, лучшим вариантом для музея, считали деревянный дом, по стилистике сходный с жилищами односельчан Распутина. В результате для музея выбрали деревянное здание в центре Иркутска, на улице Свердлова, 20. Здание представляет собой традиционный для города деревянный одноэтажный особняк, построенный в конце XIX в. Общая площадь помещений – 175,4 кв. м, из них выставочных – 120,1 кв. м. [1]. Теперь можно утверждать, что это был верный выбор, одобренный позже всеми заинтересованными сторонами.

Концепцию будущего музея на первом этапе готовила рабочая группа, в которую вошли сотрудники Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов, Иркутского областного краеведческого музея (далее ИОКМ), Иркутской областной государственной научной универсальной библиотеки имени И. И. Молчанова-Сибирского. В основу концепции была положена стратегия презентации литературно-публицистического наследия нашего великого земляка и формирования, в пер-

вую очередь, у детско-юношеской аудитории – интереса к жизненному и творческому пути Валентина Григорьевича.

К осени 2015 г. были написаны основные разделы концепции с названием «Сибирская Атлантида Валентина Распутина», которая в феврале 2016 года была представлена общественности и отправлена на рецензию в Государственный литературный музей (Москва). Представленные замечания и дополнения к концепции потребовали ее доработки и пересмотра по некоторым существенным позициям. Тема полностью отошла Иркутскому областному краеведческому музею. В последующем активную роль в разработке концепции музея сыграл ученый совет ИОКМ, представители общественности, писатели, друзья, родные Валентина Григорьевича, в частности, вторая жена писателя О. В. Лосева.

В 2016 г. Правительство Иркутской области принимает решение об открытии Музея В.Г. Распутина 15 марта 2017 г., в день 80-летия со дня рождения писателя. Создается областной оргкомитет по подготовке и проведению мероприятий, посвященных этому событию. Председателем оргкомитета назначается экс-губернатор Иркутской области Б.А. Говорин, бывший многие годы в близких отношениях с писателем. Таким образом, возникла необходимость ускорить и синхронизировать весь комплекс работ по созданию музея: ремонт и приспособление здания под музейные нужды, комплектование мемориальной коллекции, создание тематико-структурного плана экспозиции, подготовка художественного решения. Разработкой дизайна экспозиции на данном этапе занимался заслуженный художник России С.Н. Элоян, имеющий значительную музейную практику и опыт художественного оформления многих произведений Валентина Григорьевича Распутина. С.Н. Элоян предложил авторский проект, в котором личность и деятельность писателя раскрывались через его произведения, их яркую художественную образность и экспрессию. При таком подходе основной целевой аудиторией музея стало бы подрастающее поколение. Предложенный С.Н. Элояном проект несколько раз обсуждался на встречах разного уровня, аудиторией разного состава и всегда оценивался положительно. Без преувеличения в это решение «влюбились» и музейщики, и многие близкие Валентина Григорьевича, и пресса [2]. Однако на этапе окончательного утверждения «резко против» проекта художественного решения выступил сын писателя Сергей Валентинович, посчитавший предложенное воплощение концепции слишком авангардным.

Необходимо знать, что мемориальная коллекция музея сложилась во многом благодаря именно Сергею Валентиновичу, передавшему музею уникальные экспонаты – личные вещи писателя, предметы быта, мебель из рабочего кабинета, награды, фотографии, документы, рукописи, книги. Вдова писателя О.В. Лосева также передала много различных материалов. На сегодня в целом фонды музея составляют около 5000 единиц хранения. В такой ситуации начинать создание музея с конфликта с родными было бы неправильно по отношению к памяти Валентина Григорьевича.

Именно поэтому новый тематико-структурный план, основанный на утвержденной ранее концепции музея, был скорректирован 1 декабря 2016 г. при активном участии О.В. Лосевой и О. В. Данильченко (музейный дизайнер, г. Москва). 10 декабря 2016 г. ученый совет ИОКМ рекомендовал объявить всероссийский конкурс проектов художественного решения экспозиции. Победителем конкурса стала группа «Айбат» (г. Казань), хорошо зарекомендовавшая себя во многих музейных проектах.

В день 80-летия Валентина Григорьевича Распутина музей, как и планировалось, был торжественно открыт. Правда, вместо постоянной экспозиции в нем была представлена выставка «Откуда есть-пошли мои книги» о становлении Валентина Григорьевича как писателя [3; 4]. А 29 декабря 2017 г., в завершение юбилейных мероприятий, открылась постоянно действующая экспозиция музея [5]. На сегодня музей получил в целом положительные отзывы и специалистов, и родных, и близких писателя.

В России наиболее распространены музеи писателей, построенные по принципу историко-культурных монографий (жизнь и творчество писателя). Они располагаются, как правило, в мемориальных домах, усадьбах и квартирах литераторов. Монографические же музеи, открывшиеся в зданиях, не связанных с жизнью и творчеством классиков, составляют относительно небольшое число в этой музейной группе. Особенностью музея В. Г. Распутина стало размещение в немемориальном пространстве. Поэтому основной проблемой при создании музея стало строительство музейной экспозиции, воссоздающей образ художественного мира В.Г. Распутина, его творческую лабораторию.

Опыт создания музея такого типа менее чем за три года по-своему уникален. Безусловно, это стало возможным благодаря, прежде всего, личности самого Валентина Григорьевича, а также искренней заинтересованности властных структур, общественности и родственников писателя в появлении в культурной среде России и Иркутской области особого музейного пространства с именем В. Г. Распутина.

Примечания

1. Музей В. Г. Распутина [Электронный ресурс]. URL: <http://vgrasputin.ru/>.

2. Концепцию экспозиции музея Распутина представили в правительстве Иркутской области [Электронный ресурс] // Иркутский областной краеведческий музей. URL: <https://museum-irkutsk.com/news/koncepciyu-ekspozicii-muzeya-rasputina-predstavili-v-pravitelstve-irkutskoy-oblasti>.

3. Юдин Ю. В Иркутске открылся музей Валентина Распутина [Электронный ресурс] // Областная : общественно-политическая газета. URL: <http://www.ogirk.ru/news/2017-03-15/v-irkutske-otkrylsya-muzej-valentina-rasputina.html>.

4. Музей Валентина Распутина открылся в Иркутске в день юбилея писателя [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/29084201/>.

5. В Музее В. Г. Распутина открылась постоянная экспозиция [Электронный ресурс] // Иркутский областной краеведческий музей. URL: <https://museum-irkutsk.com/news/v-muzee-vg-rasputina-otkrylas-postoyannaya-ekspoziciya>

References

1. Muzej V.G. Rasputina [Museum of V.G. Rasputin]. URL: <http://vgrasputin.ru/>. [In Russ.].

2. Konceptiju ekspozicii muzeja Rasputina predstavili v pravitel'stve Irkutskoj oblasti [The concept of exposition of the Museum of Rasputin was presented in the government of the Irkutsk region]. URL: <https://museum-irkutsk.com/news/konceptiyu-ekspozicii-muzeja-rasputina-predstavili-v-pravitelstve-irkutskoy-oblasti>. [In Russ.].

3. Judin Ju. V. V Irkutске otkryls'ja muzej Valentina Rasputina [The museum of V.G. Pasputin was opened in Irkutsk] // Oblastnaja: obshchestvenno-politicheskaja gazeta [The regional public-political newspaper]. URL: <http://www.ogirk.ru/news/2017-03-15/v-irkutске-otkrylsya-muzej-valentina-rasputina.html>. [In Russ.].

4. Muzej Valentina Rasputina otkryls'ja v Irkutске v den' jubileja pisatel'ja [The museum of Valentine Rasputin was opened in Irkutsk on the day of the writer's anniversary]. URL: <https://news.mail.ru/society/29084201/>. [In Russ.].

5. V muzeje V.G. Rasputina otkrylas' postojannaja ekspozicija [The permanent exposition opened in the Rasputin museum] // Irkutsk oblastnoj kraevedcheskij muzej [Irkutsk museum of regional studies]. URL: <https://museum-irkutsk.com/news/v-muzee-vg-rasputina-otkrylas-postoyannaya-ekspoziciya>. [In Russ.].

Рупышева Л.Э.

Rupyshva L.E.

НАИМЕНОВАНИЯ САРАНЫ КАК ИСТОЧНИКИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

NAMES OF SARANA AS SOURCES OF COGNITIVE LINGUOCULTURAL INFORMATION

Предпринята попытка рассмотрения фитонима *haraana, tibhen* ‘сарана’ с точки зрения лингвокультурологии. Выбор фитонима обусловлен большим количеством лексических единиц и ролью в хозяйственной деятельности. Дается этимологический анализ с описанием отличительных признаков. Представление о символике сараны, признаки и свойства растения раскрываются с помощью фольклорного материала и художественной литературы.

The attempt is made to consider the phytonym *haraana, tibhen* ‘saranka’ from the point of view of linguoculturology. The choice of the phytonym is due to a large number of lexical units and its role in economic activity. An etymological analysis with a description of the distinctive features is given. The idea of the symbolism of sarana, features and properties of the plant are revealed with the help of folklore material and fiction.

Ключевые слова: бурятский язык, лилия, сарана, символика, фитонимы, фольклор.

Keywords: Buryat language, lily, sarana, symbolism, phytonyms, folklore.

Наименования растений содержат информацию о представлениях человеком мира, отображая результаты познавательной деятельности в его освоении, формируя основу системы ценностей. Наречение предмета, обусловленное лингвистическими и экстралингвистическими факторами, отражается в сознании человека в виде образа.

Фитонимы как одни из фрагментов языковой картины мира, передают когнитивный лингвокультурный опыт о народном восприятии растительных реалий через аксиологическое и стереотипное осмысление, что вызывает научный интерес к заявленной проблеме.

В частности, работы таких исследователей как Т. А. Агапкиной, Т. Н. Бурмистровой, А. М. Летовой, А. Т. Хроленко [2; 3; 10; 16] посвящен изучению наименований флоры в лингвокультурологическом аспекте.

Многие вопросы лексикографического описания наименований растений в бурятском языке и по сей день остаются открытыми.

Наше исследование нацелено на интерпретативное и культурологическое описание фитонима *hapaana, тибһэн* ‘сарана’ в бурятском языке.

Материалом исследования являются словари бурятского языка, из которых методом сплошной выборки были выявлены фитонимы.

Особое внимание уделялось улигерам, загадкам, легендам, фольклору, различным хозяйственным, календарным обрядам, народной медицине и т.д., объясняющим отдельные свойства растений. В ходе исследования применялись следующие методы: описательный, лингвокультурологический и компонентный.

Предметом рассмотрения в данной статье являются наименования сараны как источники когнитивной лингвокультурной информации.

Нараана, сараана ‘сарана’ – многолетнее луковичное растение рода лилия (*Liliaceae*). Фитоним *сарана* включает все виды лилий: лилия пенсильванская *Lilium pensylvanicum*; лилия карликовая *Lilium pumilum*; лилия саранка *Lilium pilosiusculum*, лилия ланцетолистная *Lilium lancifolium*. Они широко распространены в Бурятии. Фитоним представляет разнообразные варианты родовидового и собственно видового характера, и включают в себя компоненты – конкретизаторы (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики видов рода Лилия

Бурятское / русское / номенклатурное название растения /	Органы, части растения	Мотивировочные признаки, лежащие в основе родового / видового названия
<i>Нараана, сараана</i> Лилия пенсильванская <i>Lilium pensylvanicum</i>	Цветки прямостоячие или слегка поникающие, листочки околоцветника лишь немного наружу отогнутые. Листья узколанцетные. Стебель ребристый, немного покрыт белым хлопьевидным опушением. Луковица белая, шаровидная, чешуи многочисленные, мясистые, выпуклые [12, с. 201].	Отличительной чертой этих растений являются изящные цветки разнообразных форм и окраски, Луковицы съедобные белые. Цветут с конца июня до середины июля на каменистых склонах, обрывах, остепненных сухих склонах.
<i>улаан түбиһэн</i> <i>тибһэ</i> <i>улаалзай</i> Лилия карликовая,	Цветки ярко-красные или желтые, без крапин или с немногими крапи-	Красный цвет лепестков цветка отражен в фитониме: <i>улаан түбиһэн, тибһэ</i> ‘красная лилия, сарана’, букв.

сарана распустившаяся, лилия узколистная <i>Lilium pumilum</i>	нами. Листья узколинейные, очередные. Стебель тонкий, гладкий. Луковица белая, яйцевидная, плотная [12, с. 202].	красные клубни, клубень луковицы; <i>улаалзай</i> ‘лилия карликовая <i>Lilium pumilum</i>’, букв. краснеющая.
<i>хорхинсог аранга тибһэн, аранга төмс</i> Лилия саранка <i>Lilium pilosiusculum</i>	Цветки вишнево-розовые или сиреневые, крапчатые. Листья линейно-ланцетные, в средней части стебля мутовчатые. Стебель шероховатый от коротких волосков. Луковица крупная, до 5 см диаметром, золотисто-желтая, чешуи верхушки свободные, многочисленные [12, с. 202].	Правильно просушенные луковицы сараны имеют тонкую сухую, ‘шелестящую’ чешую, поэтому возникло название фитониму <i>хорхинсог</i> ‘сарана, лилия саранка, мышьяк, пьяная трава <i>Lilium pilosiusculum</i>’, букв. шуршащий от слова <i>хорхигонохо</i> ‘сухо трещать’. Ассоциация выделяющейся головки длинного стебля лилии сараны с помостом, вышкой на столбах отражена в фитониме <i>аранга тибһэн, аранга төмс</i> ‘сарана нераспустившаяся, лилия степная’.
<i>буржагар хараана, хаанай буржагар</i> <i>хамган сараана</i> (унг.) <i>һэмбэгэр хонхолзоо</i> лилия ланцетолистная <i>Lilium lancifolium</i>	Лепестки сараны как будто завиты в кудри, имеют гладкую поверхность, с отогнутыми от самого основания назад краями, и к тому же покрыты черными точками, но встречаются и без точек.	<i>буржагар хараана</i> букв. кудрявая сарана; <i>хаанай буржагар</i>, букв. царственная кудрявая. Из-за красоты и чистоты сарану метафорически называют <i>хамган сараана</i> (унг.), букв. женская сарана. Когда цветение заканчивается, образуется пушистая головка из соплодий, что вызвало образование такого фитонима, как <i>һэмбэгэр</i>, букв. цветок сараны с опавшими лепестками. По некоторому сходству формы соцветий сараны (отцветшего цветка с семенами) с колокольчиком растение получило название: <i>хонхолзоо</i>.

Для наиболее полной интерпретации информации, закодированной в имени растения, мы приводим фоновые знания культурологического плана и примеры использования фитонимов.

САРАНА В УЛИГЕРАХ

Сарана играла важную роль в пополнении запасов продовольствия и входила в основной рацион питания местных жителей. В улигерах, прославляющих эпических богатырей имеются сведения о героях, собирающих луковицы сараны (лилии). Подтверждением тому, что собирали сарану в большом количестве является сохранившееся в лексике бурят название орудия ‘*гадаһан*’ – палка с железным наконечником для выкапывания корней сараны. В улигере «Абай Гэсэр» описывается копание сараны не палкой, а копьём, что является более поздним напластованием.

<i>Хара зорхон ядаяа баряад Нараана юу малтажа, Едеэлжэ угаалжа ябана</i> [1, с. 142-143].	Идет, своим черным острым копьём выкапывая сарану и питаюсь ею.

САРАНА В ЗАГАДКАХ

Этот род занятий также дошел до наших дней в загадках:

<i>Бухын тархи булаатай, булган малгай хиидхээтэй. (Тибһэ малтаха).</i> [17, с. 216. № 29].	Голова быка зарыта, Соболья шапка развевается на ветру. (Выкапывание луковицы сараны).
<i>Бүгсэгэрхэн бөө бөөлөөд, Бүдүүн хони абаашааба. (һараана малтаха).</i> [15, с. 44. № 227].	Став горбаченьким старцем, Толстую овцу уносят. (Выкапывание сараны)

Много загадок, раскрывающие внешние признаки растения:

<i>Газаа унгэни годон малгай Досоо табани торгон. (һараана).</i> [4, № 1514].	Снаружи лисья шапка, Внутри пятиведерный котел. (Сарана).
<i>Бухын эбэр Бужага улаан (тибһэнэй эшэ).</i> [15, с. 44. № 218].	Бычьи рога кучерявая красная. (стебель сараны)
<i>Дээрэ ногоон, Дунда нарин Дороо бүдүүн (тибһэн).</i> [15, с. 82. № 247].	Сверху зеленая, в середине тонкая, внизу толстая. (сарана)

САРАНА В ЛЕГЕНДАХ

Целебные свойства сараны объясняет народная легенда, согласно которой сарана выросла из сердца казачьего атамана Ермака, погибшего в 1585 году при завоевании Сибири. С тех пор цветок с причудливо загнутыми оранжевыми лепестками обладает магическими свойствами - вселять в воинов храбрость и стойкость [11].

Легенда о саране вновь стала актуальной во время Великой Отечественной войны, воодушевляя на подвиги воинов сибиряков. Сибирские женщины, перед тем как отправить своих мужей на фронт, просили их прикоснуться к лепесткам сараны. Старожилы говорили: «кто хоть раз прикоснется к цветку, тот на всю жизнь будет сильным, смелым и неуязвимым».

САРАНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПОЭЗИИ

Символика сараны в традиционной бурятской культуре определяется не только повериями о ее происхождении, но также различными персонажами из художественной литературы: в рассказе «Инвалид» дядя Петя, увидев в Кукушкиной пади поле саранок, признался, что «все три года войны снились мне эти цветочки... Смотрю вокруг и силы приливают. Сарана... Сторона... Страна... Рядышком, близехонько слова стоят... Вот в них и скрыта суть всего... За эту суть мы и воевали». Саранка как обобщенное выражение малой родины и концентрированное понятие «Родина-Россия-Страна» [19, с. 8].

В формировании фольклорного лирического образа этого растения определенную роль сыграла поэзия М. Шиханова: 'приветливо пылает сарана', 'созвездие сараны', 'царские кудри саранок едва начинают теплеть', 'степной цветок саранку к любимой трепетно нести', 'пылают губы жаркою саранкой', 'на щеках остроскулых саранок ликующих жар', 'не греют саранки – огнистые наши цветы'.

Сарана, сарана.

Тот цветок в косогоре

Кудри рыжие вьет.

Ну, а главное – корень,

Что картошка растет.

И коренья мы рыли

Копоруйкой своей,

Дома кашу варили

Из добытых корней» [19, с. 8]

Ее простота почти идеальна,

Заманчивой силой полна.

Она красива, нежна и желанна –

Особенно ведьмам нужна...

(Катрин Форал «Легенда о саранке» 2010 г.)

Считается, что если она спозаранку найдет в лесу сарану, то ей «в любви повезет» из-за волшебной силы цветка, но не каждой дано найти ее.

Вдруг вижу...на вершине холма аленький цветочек. Такой необычный и красивый. Этот степной цветок называется «саранка» и ее очень трудно найти, потому что она редко цветет», - сказала моя бабушка. >...< Я попробовала и запомнила этот привкус сырой саранки на всю жизнь, он напоминает вкус сладкого красного яблока [18, с. 33-34].

САРАНА В НАРОДНОМ КАЛЕНДАРЕ

В народном календаре бурят время заготовки сараны представлено как месяц сбора сараны (*һараана туухалай һара*). В этот период ее в больших количествах заготавливали западные буряты, которые не были богаты скотом и вынуждены были его отсутствие компенсировать сбором дикорастущих трав [6, с. 32]. Сарана составляла главнейшее их пропитание и ценилась так, что мешок сушеных корней был равен по стоимости одному оленю [6, с. 425].

САРАНА В ТАНЦЕ

Танец выкапывания сараны «*һараана малтааша наадан*», относящийся к древнему периоду, сохранился до наших дней. В нем изображается женщина, идущая и выкапывающая сарану, чтобы прокормить своих соплеменников.

САРАНА В ПИЦЕ

В китайских источниках Тайпин-Хуаньюй цзи есть указания на то, что «в стране много лилий, жители считают их продовольствием. Лилия – это сарана, луковицы которой употребляли в пищу буряты еще до XIX века, а у саяно-алтайских племен сарана составляла значительную часть пищи до новейшего времени. Это утверждение говорит о важной роли собирательства» [9, с. 39-40].

Часто в южной Бурятии молочные продукты заправляли плодами сараны (*хэбэ или тумэһэн*). Молочный продукт *айруул*, приправленный плодами осенней сараны и сахаром, являлся кушаньем, очень чтимый населением южной Бурятии. Иногда густой массой *айруула*, сараны на сахаре начиняли баранью и говяжью кишку. Этот продукт считался удобным в дороге. Прибайкальские буряты из сушеной сараны приготавливали муку [14, с. 157].

Сарану заготавливали впрок и ели свежеприготовленной. Корневища луковицы сараны и других растений сушили, зимой употребляли в качестве приправы к мясу, добавляли в молочные продукты. Луковицы сараны ставили на огонь и варили, при этом получался очень вкусный, полезный травяной чай [7, с. 60].

В забайкальской кухне из толченой или молотой черемухи, сараны и творога со сметаной готовили смесь, которая называется *халисо* ‘смесь’ от слова *халихо* ‘смешивать’.

В годы войны собирали сарану, ели ее в сыром виде или готовили из нее кашу на молоке с маслом. При этом блюда, приготовленные из луковиц, несколько напоминали картофельные и обладали специфическим вкусом. При варке и солении луковицы приобретали черный цвет, поэтому предпочитали есть в сыром виде» [18, с. 34].

Корни саранки (*тибхэн*) я копала, собирала для еды. Перед сенокосом надо собирать, когда чуть-чуть начинают опадать цветы. Копаешь специальной лопатой шириной в три пальца. Вскопанный кусок земли обязательно обратно положить надо, закрыть ямку. Такое правило было, бабушка учила ... «Принесешь, почистишь, вымоешь и в молоке варишь. Это очень вкусно, ни буузы, ни пельменей не надо. Бабушка говорила, что в войну сараны много было, видимо, природа (*дэлхэ*) хотела народ (*зон*) прокормить. Все поле красное было от красивых цветов саранки. Это же очень красивый, нежный цветок» [8, с. 58-59].

Коренья дикой сараны и дикой гречихи варили в молоке. Иногда находили запасы луковиц сараны, это было большой удачей, так как мышинные запасы были довольно большими – несколько килограммов, от двух до десяти [13].

Улаан түбийэн – красная лилия, сарана, клубни ее начинали выкапывать с мая. Клубни сараны использовались и при приготовлении пенок: в кипящее молоко добавляли истолченную массу клубней; после охлаждения молока образовывался толстый слой пенки, особо аппетитный благодаря клубням саранки. Использовали в пищу также клубни желтого цвета пестро-лиловой сараны [5, с. 86].

САРАНА В КАЧЕСТВЕ ЛЕКАРСТВА

В давние времена люди использовали сарану не только в пище, но и как целебное средство, поднимающее на ноги ослабленных после болезни людей. Соком луковиц заживляли раны, нарывы, обожженные и отмороженные участки тела. Тушенная сарана, в жидкости, остающейся после вытапливания сливочного масла, являлась великолепным диабетическим блюдом для язвенников, также унимало кашель у детей.

В восточной медицине препараты из лилии сараны обладают противовоспалительным и успокаивающим средством.

САРАНА КАК КОСМЕТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

Также известно ее применение в косметических целях. Из отвара луковицы лилии в кипящем молоке делали примочки при воспалении кожи и при фурункулах, против веснушек. Из сока луковицы вместе с другими ингредиентами приготавливают оздоравливающую маску для лица. Масляную вытяжку из цветков белой лилии используют для питания сухой кожи.

Анализ фактического материала позволил выявить внешние признаки растения сараны: кудреватая форма лепестков, шарообразная форма соцветия, красный цвет растения, шелест чешуй луковиц сараны, схожесть с колокольчиком.

Сарана представляется в сознании народа символом стойкости, храбрости и малой Родины. В поэтических произведениях авторами используется множество метафор любви, которые связаны с лиричностью, нежностью. Сарана с древних времен была основным пропитанием бурят. Магические и целебные свойства растения отражены в легендах,

фольклоре, что свидетельствует о широком распространении и использовании растения на всей территории Республики Бурятия.

Примечания

1. Абай Гэсэр / вариант П. Петрова. Улан-Удэ : Изд-во СО АН СССР, 1960. С. 142-143.

2. Агапкина Т. А. Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями в общеславянской перспективе // Славянский и балканский фольклор. М., 1994.

3. Бурмистрова Т. Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2008. 24 с.

4. Бурятские народные загадки, 1983. № 1514 // Chechaco Gallery [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.chechaco.iringweb.com/gallery/main.php> (дата обращения: 23.06.2017).

5. Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Новосибирск, 1992.

6. Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве, народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. 2. СПб., 1799.

7. Дамдинов Д. Г. К истории изучения языка хори-бурят. Улан-Удэ : Бэлиг, 2000. 148 с.

8. Жамбалова С. Г. Реминисценции кочевого образа жизни на фоне повседневных практик советского и постсоветского времени (устная история Г. Б. Тудиновой). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 148 с.

9. История Бурят-Монгольской АССР : в 2 т. Улан-Удэ, 1954-1957.

10. Летова А. М. Из истории исследования фитонимической лексики: лингвокультурологический аспект // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2012. № 2. С. 30-34.

11. Лилия кудреватая [Электронный ресурс] // Библиотека здоровья «Облепиха – кладовая Солнца». URL: oblepiha.com/lekarstvennye-rasteniya/1498-liliya-kudrevataya.html. (дата обращения: 23.06.2017).

12. Определитель растений Бурятии. Улан-Удэ, 2001. 672 с. : 37 ил.

13. Особенности сезонного питания бурят [Электронный ресурс] // Ая-ганга : С.-Петербург. благотворит. обществ. фонд (общество бурятской культуры). URL: http://www.ayaganga.ru/buryatcuisine_1.htm/. (дата обращения: 27.06.2017).

14. Тугутов И. Е. Материальная культура бурят / Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние, Бурят. комплексный науч.-исслед. ин-т. Улан-Удэ, 1958. 215 с.

15. Түмэн таабари. Суглуулбари. Улаан-Үдэ : Буряадай номой хэблэл, 1981. 352 н.

16. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2010. 192 с.

17. Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор шэнэхэнских бурят. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.

18. Чойбонова Б. М. Незабываемый вкус Боргойской саранки (традиции и обычаи Джидинских бурят) = The unforgettable scent of the Borgoi Saranka (traditions and customs of Dzhida Buryats). Улан-Удэ : Знание, 2010. 176 с.

19. Шиханов Михаил : библиогр. указ. / сост.: Л. Д. Шиханова, А. К. Паликова, Л. В. Гомбоева. Улан-Удэ, 2009. 61 с.

References

1. Abaj Gehsehr / variant P. Petrova [Abai Geser / P. Petrov's variant]. Ulan-Ude : Publishing house of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 1960. P. 142-143. [In Russ.].

2. Agapkina T. A. Juzhnoslavjanskije pover'ja i obrjady, svjazannye s plodovymi derev'jami, v obshчесlavjanskoj perspektive // Slavjanskij i balkanskij fol'klor. [Agapkina T. A. South Slavic beliefs and rituals associated with fruit trees from a general Slavic perspective // Slavic and Balkan folklore.]. М., 1994. [In Russ.].

3. Burmistrova T. N. Sakral'naja fitonimija: lingvokul'turologičeskij aspekt

[Sacral phytonymy: linguoculturological aspect]: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01.[Dissertation thesis... cand.of philol. sc.]. - Ekaterinburg, 2008. 24 p. [In Russ.].

4. Burjatskie narodnye zagadki, 1983. № 1514 [Buryat folk riddles] // Chechaco Gallery [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.chechaco.iringweb.com/gallery/main.php> (06.23.2017). [In Russ.].

5. Galdanova G. R. Zakamenskie burjaty [Zakamensky Buryats]. Novosibirsk, 1992. [In Russ.].

6. Georgi I. Opisanie vseh obitajushchih v Rossijskom gosudarstve narodov i ih zHITEjskih obrjadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, veroispovedanij i prochih dostopamjatnostej [Description of all the people living in the Russian state, peoples and their everyday rituals, customs, clothing, housing, religions and other attractions]. Part 2. St.Petersburg, 1799. [In Russ.].

7. Damdinov D. G. K istorii izuchenija jazyka hori-buryat [The history of the study of the Hori-Buryat language]. Ulan-Ude, Belig, 2000. 148 p. [In Russ.].

8. Zhambalova S. G. Reminiscencii kochevogo obraza zhizni na fone povsednevnyh praktik sovetskogo i postsovetskogo vremeni (ustnaja istorija G. B. Tudinovoj) [Reminiscences of the nomadic lifestyle against the background of everyday practices of the Soviet and post-Soviet period (oral history by G. B. Tudinova)]. Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2013. 148 p. [In Russ.].

9. Istorija BMASSR [History of the BMASSR]. Vol. 1, 2 ed. Ulan-Ude, 1954-1957. [In Russ.].

10. Letova A. M. Iz istorii issledovanija fitonimicheskij leksiki: lingvokul'turologicheskij aspekt [Letova A. M. From the history of the study of phytonymic vocabulary: linguoculturological aspect] // The Bulletin of MSRU. Series: "Russian philology." 2012. № 2. P. 30-34. [In Russ.].
11. Liliya kudrevataja [Lily kudrevataya] // Biblioteka zdorov'ya «Oblepiha - kladovaja Solntsa» [Library of Health "Sea buckthorn - Sun's legacy"] [Elektronnyj resurs]. URL: oblepiha.com/lekarstvennye-rasteniya/1498-liliya-kudrevataya.html (06.23.2017). [In Russ.].
12. Opredelitel' rastenij Buryatii [Check-list of Buryatia plants]. Ulan-Ude, 2001. 672 p. 37 il. [In Russ.].
13. Osobennosti sezonnogo pitaniya burjat [Features of seasonal food of the Buryats] // Sankt-Peterburgskij blagotvoritel'nyj obshchestvennyj fond «Aya-ganga» (obshchestvo buryatskoj kul'tury) [St. Petersburg Charitable Public Foundation "Aya-Ganga" (Society of Buryat Culture)] [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.ayaganga.ru/buryatcuisine_1.htm (06.27.2017). [In Russ.].
14. Tugutov I. E. Material'naja kul'tura burjat [Buryat material culture]. Ulan-Ude, 1958. 215 p. [In Russ.].
15. Tymehn taabari. Sugluulbari [Tymen taabari. Sugluulbari]. Ulaan-Ude. Bouryaday Nome Heblel, 1981. 352 n.
16. Hrolenko A. T. Vvedenie v lingvofol'kloristiku: ucheb. posobie. [Introduction to linguofolkloristics: manual]. M. : Flint : Science, 2010. 192 p. [In Russ.].
17. Tsybikova B.-H. B. Fol'klor shenekhenskih buryat [The folklore of the Shenehan Buryats]. Ulan-Ude : Publishing House of the BSC SB RAS, 2016. 312 p. [In Russ.].
18. Chojbonova B. M. Nezabyvaemyj vkus Borgojskoj saranki (tradicii i obychai Dzhidinskih buryat) [The unforgettable scent of the Borgoi saranka (traditions and customs of Dzhida Buryats)]. Ulan-Ude: Znanie, 2010. [In Russ.].
19. Shikhanov Mikhail : bibliogr. ukaz. [Bibliography] / compilers L. D. Shikhanov, A. K. Palikova, L. V. Gomboeva. Ulan-Ude, 2009. 61 p. [In Russ.].

Татарова С.П., Татаров Н.Т.

Tatarova S. P., Tatarov N. T.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ НА СОЗНАНИЕ И ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ

INFLUENCE OF THE INTERNET ON CONSCIOUSNESS AND HEALTH OF YOUTH

В работе рассматривается роль сети Интернет в свободном времени молодежи. Авторы выделяют положительные и отрицательные аспекты влияния Интернет на сознание и здоровье подрастающих поколений.

The article deals with the role of the Internet in young people's free time. The authors identify positive and negative aspects of the Internet impact on the consciousness and health of younger generations.

Ключевые слова: социальные сети, Интернет, влияние Интернет, социализация молодежи, досуг молодежи.

Keywords: social networks, the Internet, influence of the Internet, socialization of youth, leisure of youth.

Одной из главных составляющих информационного общества является всемирная информационная система Интернет, популярность которой с каждым годом все возрастает. Формирование сети Интернет связано с процессами глобализации, все возрастающим влиянием различных факторов международного значения, в том числе культурного и информационного обмена. Многомиллионная аудитория во всем мире не представляет своей жизни без ежедневного просмотра новостей, посещения страниц социальных сетей, общения в живых журналах, группах по интересам и т.п. Таким образом, Интернет представляет собой особую киберкультуру со своими законами, понятиями, языком, ценностями, являющуюся серьезным инструментом влияния на подрастающее поколение, которое невозможно описать однозначно.

Рассмотрим некоторые положительные и отрицательные моменты влияния Интернет на детей и молодежь.

Говоря о положительном воздействии, во-первых, стоит отметить значимую роль сети Интернет в поиске информации, как для обучения, так и для развлечения. Сегодня у каждого пользователя сети есть возможность найти необходимую информацию, интересующие фильмы, музыку, фото, посетить виртуальные музеи и т.д. Все это, безусловно, расширяет кругозор человека. Кроме того, здесь можно отметить, что еще одним важным фактором массовой компьютеризации молодежи является возможность обучения, развития способностей. Так, это могут быть самые различные курсы. Например, сегодня имеются сервисы, представляющие

курсы иностранного языка, компьютерной графики, мультипликации, веб-дизайна, обучения игре на инструментах, мастер-классы по декоративно-прикладному творчеству, психологические тренинги и т.д.

Во-вторых, сегодня Интернет является одним из экономных способов связи, позволяющих оперативно связаться с адресатом, значительно расширить круг общения. Наиболее активными пользователями социальных сетей выступает молодежь, подменяя реальное общение виртуальным. Посредством обращения к интернет-ресурсам человек способен решить многие повседневные задачи, связанные с коммуникацией. В частности, такие как вопросы трудоустройства, установления социальных связей. Все это возможно обеспечить в социальных сетях без выстраивания контактного общения, обходя стороной эмоционально-чувственную сферу, невербальные аспекты общения, исключая воспитательную направленность взаимодействия. Безусловными плюсами такого общения являются темпы обмена информацией, расширение количества контактов, увеличение географии социальных связей. Таким образом, в ходе виртуальных контактов, есть реальная возможность заявить о себе, но также обеспечить пользователю возможность получать информацию о других людях.

Еще одним значимым аспектом в пользу Интернет является то, что сегодня он становится отличным способом досугового времяпрепровождения, получения информации развлекательного характера. Можно отметить, что сегодня благодаря разнообразию предлагаемых сервисов, отвечающих требованиям и интересам различных категорий граждан, насыщенность Интернет стала намного выше. Кроме того, нельзя не отметить доступность Интернет, поскольку сегодня есть возможность выйти в сеть, находясь практически в любом месте, в любое время, с разнообразных современных устройств, а не как прежде только сидя дома за персональным компьютером. Кроме того, стоит отметить, что виды развлечений в сети Интернет с каждым годом становятся все более разнообразными. Так, это могут быть: просмотр фильмов, телепередач, клипов, видеороликов, спортивных трансляций, прослушивание аудиокниг, музыки, компьютерные игры, анекдоты и другое развлекательное чтение, а также серьезные классические литературные произведения. Все эти виды развлечений могут быть доступны человеку в любое время суток, в соответствии с интересами пользователя, что, безусловно, привлекает молодежь. Доступность данного вида времяпрепровождения, несомненно, оказывает влияние на изменение деятельности студенческой молодежи в сфере досуга [3].

Таким образом, иллюзорный, виртуальный мир становится все более притягательным для молодых людей. Погружаясь в него, они даже не задумываются о том, что есть вероятность формирования «зависимости от виртуальности». Убегая от реальных проблем в виртуальный мир, молодые люди, не осознавая это, начинают воспринимать его как часть реального. В связи с этим, рассмотрев положительные моменты использо-

вания Интернет, невозможно не остановиться на негативных аспектах его влияния. Увеличение времени пребывания в виртуальном мире, «залипание» в виртуальных паутинах, их повсеместная доступность благодаря техническим средствам и разнообразию форм (социальные сети, скайп, чат, мобильный телефон и т.д.) детерминирует сужение реального круга общения, провоцирует дефицит живого общения, замещение реального бытия иллюзией. Нередко зависимость от виртуального мира становится столь весомой, что другие желания и стремления подавляются [2; 1].

В определенной степени, именуемая молодежью «сетевая свобода», столь привлекательная для них возможность открыто, публично высказываться на просторах сети Интернет нередко кружит голову амбициозным молодым людям, благодаря удавшимся «пиар-акциям», предопределяет зависимость между самооценкой и количеством полученных лайков. Возможность анонимно высказываться по любому поводу, провоцирует вседозволенность, оскорбления, некорректные высказывания и комментарии даже на личных страничках других пользователей.

Если говорить о воздействии Интернет на подрастающее поколение, нельзя не отметить возможность информационного зомбирования молодежи, навязывания ложных ценностей, не стыкующихся с идеалами и нормами общества. Неокрепшие юные души, отсутствие прочных нравственных ориентиров позволяют легко внушить молодежи самые разные разрушительные идеи, касающиеся здоровья, сознания, установок молодого человека. Можно отметить, что велик риск оказаться вовлеченным в разного рода сомнительные сообщества, секты, экстремистские организации, которые строят траекторию вовлечения молодежи в свои ряды, тонко ориентируясь в проблемах молодежи. Работа по вовлечению основывается на обостренном чувстве справедливости молодых людей, на замене их неудовлетворенности собой, одиночестве, непонимании со стороны окружающих на понимание, внимание и повышение самооценки, самоуважения и т.д. Именно молодежь характеризуется остротой восприятия происходящих перемен, именно в молодежной среде происходит аккумуляция и выплеск негативного потенциала. В связи с этим большое значение важно уделять профилактике экстремистских настроений, распространению экстремизма в Интернет.

Еще одним значимым фактором не в пользу зависимых интернет-пользователей является то, что длительное, многочасовое пребывание в сети, могло бы быть с успехом потрачено на развивающие занятия физкультурой, спортом, творчеством, общественной работой и др. Таким образом, очевидно, что потеря реального времени становится одной из значимых проблем, правда редко осознаваемая самими зависимыми. Интернет-зависимость сравнивают с другими видами ассертивного поведения, наносящего вред физическому здоровью (изменения опорно-двигательного аппарата, ухудшение зрения, памяти и т.д.), а также нарушения в психологических состояниях.

Велико влияние многочасового пребывания в Интернет, за компьютером на здоровье человека. Вред здоровью зависимых, в первую очередь, наносят электромагнитные излучения (хотя производители все чаще заявляют о новых «безвредных» поколениях телевизоров и компьютеров, мобильных устройств, плееров и т.д.). Еще одним негативным фактором может быть названа гиподинамия.

Скорость поиска любой информации на просторах Интернет, доступ к ней в любое время и в любом месте, где технически это возможно, в существенной степени ослабляет потребность человека в запоминании информации, теряет свою актуальность умение обобщать, анализировать, обдумывать полученные сведения. Все это в совокупности снижает эффективность процесса самообучения и успеваемости обучающейся молодежи.

Увлечение подрастающих поколений компьютерными играми, соревнования в достижении более высоких результатов, чем у друзей, приводит к эмоциональной перегрузке психики, развитию агрессии, эмоциональной неустойчивости. Нередко агрессивные проявления в играх скажутся на повседневном поведении молодежи.

Таким образом, очевидно, что интернет зависимость населения имеет место быть. В одночасье разрешить эту проблему невозможно. Не демонизируя это явление, тем не менее, стоит отметить, что важно принимать меры, направленные на улучшение работы учреждений культуры, на совершенствование и разнообразие досуга молодежи. Кроме того, на наш взгляд, должен быть выработан комплекс мероприятий профилактики, направленных на предотвращение интернет зависимости, формированию информационной культуры подрастающих поколений, а также повышению ценности здоровья в системе ценностей молодежи. Данные виды деятельности должны быть включены в Государственные программы по работе с молодежью и стать достоянием всех учреждений, работающих с подрастающими поколениями.

Примечания

1. Крюкова Е. Н. Интернет-зависимость как один из показателей нарушения межличностных отношений // Вестник Самарского гос. техн. ун-та. Серия : Психолого-педагогические науки. 2012. № 1. С. 87-92.

2. Нестерова Г. В., Зайцева И. А. Влияние сети интернет и социальных сетей на молодёжь (на примере студентов ЕГУ им. И. А. Бунина) // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки : сб. ст. по материалам VIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 8. URL: sibac.info/archive/social/8.pdf. (дата обращения: 01.12.2018).

3. Рассадина Т. А. Интернет-зависимость: информационно-коммуникативный аспект // Известия высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 98–111.

References:

1. Kryukova E. N. Internet-zavisimost' kak odin iz pokazatelej narushenija mezhlchnostnyh otnoshenij [Internet-addiction as one of the indicators of interpersonal relations violation // Vestnik Samarskogo gos. tehn. un-ta. Serija: Psihologo-pedagogicheskije nauki [Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and pedagogical sciences]. 2012. No. 1. Pp. 87-92. [In Russ.].
2. Nesterova G. V., Zajceva I. A. Vlijanije seti internet i socialnyh setej na mlad'ozh (na primere studentov EGU im. I. A. Bunina) [Influence of the Internet and social networks on youth (the students of ESU named after I. A. Bunin) as an example] // Nauchnoje soobshchestvo studentov XXI stoletija. Obshchestvennye nauki: sb. st. po materialam VIII mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. № 8. [Scientific community of students of the XXI century. Social sciences: materials of the VIII international students' scientific-practical conference No. 8. URL: sibac.info/archive/social/8.pdf (01.12.2018). [In Russ.].
3. Rassadina T. A. Internet-zavisimost': informacionno-kommunikativnyj aspekt [Internet-addiction: information and communicative aspect] // Izvestija vyssh. ucheb. zaved. Povolzhskij region. Obshchestvennyje nauki [News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences]. 2015. No. 2 (34). Pp. 98-111. [In Russ.].

Батуева Э.Б., Миронова Л.В.

Batueva E.B., Mironova L.V.

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

APPROACHES TO FORMING PERSONAL ELECTRONIC RESOURCES

В статье освещены вопросы формирования электронных коллекций персоналий. Структурированные биографические материалы рассматриваются как важнейшее звено при отборе метаданных электронного краеведческого ресурса для интеграции в единое информационное пространство.

The article highlights the issues of forming electronic collections of personalities. The structured biographical materials are considered as the most important link in the selection of metadata of the electronic local history resource for integration into a single information space.

Ключевые слова: электронная библиотека, электронная коллекция, краеведческий электронный ресурс, контент, архивный фонд, оцифровка, биографические ресурсы, персоналий, родословная, деятели науки и культуры, исследователи.

Keywords: electronic library, electronic collection, regional electronic resource, content, archival fund, digitization, biographical resources, personalities, pedigree, science and culture, researchers.

В начале XXI в. информационное документное пространство получило новый импульс в плане создания Российской ассоциации «Электронные библиотеки», Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. Активно обсуждался целый ряд нормативно-методических рекомендаций, правовые вопросы по взаимодействию электронных библиотек (ЭБ). Решались технологические аспекты по поддержке электронных коллекций, доступности к электронным каталогам (ЭК), в том числе к полнотекстовым коллекциям, пилотные проекты версии доступа, формирование реестра электронных коллекций ресурсов в сфере образования и науки [3; 4]. Выбор темы авторами статьи продиктован необходимостью реализации новых проектов по созданию ЭБ в целом, в частности формирования ресурсов биографических коллекций. Общеизвестно, что многие материалы историко-биографического характера хранятся в архивах или находятся на руках, в частном владении. Вопрос оцифровки решается медленно, в основном силами энтузиастов и специалистов крупных библиотек. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к различного рода электронным ресурсам.

В постановке и решении этой задачи лидирующая роль по-прежнему принадлежит библиотекам и информационным центрам страны. Во многих публикациях обозначенная тема рассматривается многоаспектно. В.И. Попик представил краткий обзор мирового опыта крупнейших библиотек, который поражает воображение разнообразием контента баз данных (БД). Электронные коллекции Российской государственной библиотеки (РГБ), Российской национальной библиотеки (РНБ), библиотек Российской академии наук (БАН) представляют коллективные портреты ученых и персоналии библиотекосведов, библиографов [13].

Другая сторона создания электронных персональных коллекций поднята Н.А. Марковой и И.М. Адамович в статье «Электронные биографические ресурсы» [11]. Основное внимание авторов уделено, во-первых, факторам, которые оказывают влияние на качество биографических ресурсов; во-вторых, качеству и критериям формирования данных ресурсов, которые далеки от требований потенциала современных технологий [12]. Практический интерес для разработчиков БД представляет статья М.О. Черноусова по созданию справочника «Биографическая энциклопедия персоналий математического образования России». Автором дано пояснение выбора средств программного обеспечения, технология реализации поставленных задач, описание тегов, процедур, элементов навигации, дизайн, итоги тестирования [14].

При поддержке Российского гуманитарного научного фонда выполнен проект Web-энциклопедия «Выдающиеся деятели науки и культуры – представители коренных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока России». Разработчиком является ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»: руководитель проекта, доктор культурологии, профессор А.М. Кулемзин. Основная идея проекта созвучна целям и задачам Федеральной целевой программы (ФЦП) «Культура России». В содержание ресурса включены также несколько представителей сферы культуры и образования Республики Бурятия, в целом порядке шести-семи персоналий [1]. Как показывает практика, для пополнения краеведческого электронного ресурса Бурятии есть поле деятельности.

Нельзя не упомянуть знаменитую галерею корифеев – мастеров высокого искусства. Это труд Международного Объединенного Биографического Центра «Кто есть Кто в современной культуре» [9]. С эксклюзивными биографиями можно ознакомиться на сайте Биографического центра по ссылке www.biograph.ru

В целом, по оцифровке электронных книжных коллекций в документном электронном пространстве доминирует корпорация ЭЛАР в тесном сотрудничестве с РГБ и РНБ. Например, сайты этих библиотек дают любому пользователю возможность познакомиться с русской классикой и ее творцами. Поразителен масштаб этого сотрудничества. За короткий срок оцифрована коллекция объемом более 1,6 млн страниц. Контент коллекции – проза, поэтика, публицистика, мемуарные документы, наследие эпистолярного жанра русских писателей и поэтов.

В Бурятии также проводится целенаправленная работа по обеспечению широкого доступа пользователей к богатому духовному наследию прошлого и настоящего, по созданию персональных электронных ресурсов Республики Бурятия. На протяжении последних десяти лет Национальная библиотека Республики Бурятия целенаправленно занимается созданием Электронной библиотеки «Бурятика». Пройден путь государственной регистрации: ЭБ «Бурятика» включена в Реестр баз данных Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) №2015621397 от 11.09.2015 г. (nbrb.ru), так и на сайте (buriatika). Основная задача продиктована целью организации доступа и сохранности фонда, особенно источников по краеведению с применением современных информационных технологий. ЭБ базируется на платформе «J-ИРБИС 2.0» Ожидаемый результат – создание Электронной библиотеки «Бурятика».

Фонд ЭБ «Бурятика» преимущественно включает библиографические, фактографические и полнотекстовые электронные ресурсы по истории и культурному наследию Бурятии. Содержательное наполнение – это книги, периодика, тематические коллекции с подразделами. К примеру, исследователи и путешественники о Байкале, авторефераты диссертации, фотографии, ноты, аудио и видео материалы. Силами сотрудников Национальной библиотеки, несомненно, ведется огромная работа, но ее нельзя сравнивать с деятельностью Российской ассоциации электронных библиотек НП ЭЛБИ elibra.ru, а также с размахом и масштабом деятельности корпорации ЭЛАР, у которой производственно-технологическая оснастка построена на основе промышленной технологии [3; 4].

В коллекции Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина особая роль отведена биографическим документам о выдающихся исторических личностях и деятелях культуры. Документы фактографического характера из богатейших фондов библиотек, крупнейших архивов, музеев составляют основное ядро контента электронной коллекции «Российский народ». Фонд пополняется непрерывно с участием региональных библиотек. Коллекция доступна на сайте Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина.

Сегодня в современном мире возрастает не только интерес, но и важным становится знание истории своей страны, малой родины, знание собственных корней, своей родословной, биографий исследователей истории и культуры отдельных народов. Этим обусловлен постоянный интерес к жизни и многогранной деятельности исторических личностей прошлого и настоящего. На передний план выступает и межкультурная коммуникация как успех залога развития гражданского самосознания.

Ведь издавна в народе считалось почетным знание наизусть своей родословной, как у бурят – до седьмого колена. Эта народная традиция может послужить сильным мотивом для привлечения юного поколения – потомков выдающихся личностей к поиску и изучению личных документов. Письма и дневники, путевые заметки, зарисовки содержат в себе ог-

ромный фактографический материал не только о биографии личности, но и свидетельствуют о ходе исторического развития или приоткрывают тайны того или иного события прошлых лет.

Историко-биографический материал, на взгляд авторов, является неоценимым дополнительным гнездом в формировании ядра коллекции краеведческих биографических ресурсов с целью воссоздания во всей полноте образа персонажа личности. В контексте рассматриваемой проблематики следует отметить монографию Л.Ц. Алексеевой «Базар Барадин – исследователь истории и культуры монгольских народов», выполненную с привлечением большого фактического материала не только архивных документов, но дневниковых записей, писем, бесед с родственниками. В приложениях монографии представлена родословная Базара Барадина, что не всегда присутствует в монографиях, посвященных жизни и деятельности известных людей [2, с. 238]. Неслучайно, что данная монография рекомендована к переизданию.

Родословная линия – это элемент и вектор навигации в сборе, обработке персональных сведений о личности. Значит пласт фактографической информации, такие как личные документы, фотоматериалы, события и факты из жизни человека позволяют в значительной мере дополнить и воссоздать персональный портрет личности, использовать как схему при создании кластера биографического ресурса о персоне. Следовательно, фактографическая информация позволяет определить подход в процессе анализа и синтеза биографического ресурса.

Смысл, заложенный в народной мудрости «с миру по нитке», подчеркивает большой потенциал различного рода мероприятий в деле сбора и изучения биографического материала о замечательных людях. Таким потенциалом обладают многочисленные школьные и студенческие олимпиады, конференции, молодежные форумы российского движения школьников (РДШ). Данные мероприятия могут послужить импульсом для проведения историко-биографических поисков, площадкой для обсуждения и отбора ценного материала для коллекции. Работа в этом направлении дает студентам, магистрантам, аспирантам возможность освоить науковедческий подход, методологический инструментарий в ходе изучения источниковедческой базы. Данное направление работы может стать одним из подходов в поиске инструментов в создании нового краеведческого ресурса как источника познания социальных событий и развития общества через документально-фактографическую информацию. Именно в ходе подготовки и проведения таких мероприятий может быть поднят новый пласт ценных сведений из семейных архивов, ранее неизвестный фактический материал, могут быть проведены доверительные беседы с потомками, связанных с судьбой личности.

Прижизненные материалы исторических личностей, составленные и обобщенные на основе архивных фондов, также составляют богатейшую коллекцию краеведческих ресурсов и свидетельствуют о соци-

ально-историческом развитии конкретного региона. Данный материал уже обработан исследователем и осмыслен в изложении автора-ученого.

Задача создателей ЭБ – это координация усилий всех ступеней системы образования, просопографистов, людей доброй воли и потомков известных личностей, это позволит на постоянной основе дополнять и обновлять фонд краеведческих биографических ресурсов. Возможно, многие материалы хранятся и в частных коллекциях краеведов. В перспективе электронные ресурсы о персональных коллекциях представляют ценный материал для проведения научных исследований в разных аспектах (подготовка диссертаций, разработка исследовательских проектов).

Структурированные биографические ресурсы выступают в качестве инструмента исследователя. Пользователь всегда нуждается в упорядоченной информации, имеющей связи с другими данными, такими как: конкретная персона, тематическое родство, связь с другими людьми, наличие гиперссылки и др. Для визуального просмотра большого объема материала эффективность может обеспечить наличие всплывающего окна в качестве ориентировки нужной информации о конкретном человеке. Здесь важна и форма подачи данных, которая предоставляет пользователю сценарий поиска и обеспечивает доступ к разнородным источникам документного пространства.

Стоит сказать, что портрет личности в зеркале времени как мозаика вырисовывается из воспоминаний родственников, соратников, учеников, ученых, исследователей, занимающихся изучением творческого наследия выдающихся людей. Эти материалы опубликованы в самых различных источниках или чаще в таких разделах, как хроника, публицистика, юбилеи. Поэтому они не всегда могут быть учтены в базах данных или ЭК. Как правило, научные статьи снабжены хорошим вспомогательным аппаратом: примечаниями, указателями и многочисленными ссылками на литературу о жизни и творчестве людей в контексте того времени.

В качестве примеров приведем некоторые из них. Ц.П. Ванчикова, доктор исторических наук, профессор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН обстоятельно, на фоне большого фактического материала, с уважением к личности Ц.Ж. Жамцарано, представляет его жизненный путь, дает описание разных этапов биографии ученого и все это концентрировано через призму хода развития международных связей Монголии и России. Материал статьи раскрывает широту деятельности выдающейся личности, популяризатора научных знаний [8]. В рассматриваемом ключе кафедра информационно-коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» разработала ряд проектов «Память Аги», посвященных жизни и деятельности выдающихся людей – выходцев из агинских степей Забайкальского края. Данная электронная коллекция посвящена славной плеяде ученых, просветителей: Базару Барадину, Цыбену Жамцарано, Гомбожабу Цыбикову [5].

Ученики, соратники посвятили немало страниц своим учителям и коллегам. К примеру, исследовательский путь своего учителя Данилова Сергея Владимировича, внесшего огромный научный вклад в сохранение и охрану объектов культурного наследия территории Монголии и Бурятии, представили А.И. Бураев, Д.А. Миягашев, А.И. Симухин, Е.В. Нолев в своей работе, опубликованной в Иркутском историко-экономическом ежегоднике [6].

Необходимо сказать, что Вестник БНЦ СО РАН является настоящим кладом биографических ресурсов. К примеру, юбилейная статья О.В. Бураевой, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, посвящена ученому, учителю, общественному деятелю Тарасу Максимовичу Михайлову, колоритной фигуре в научном мире. Неслучайно, данная работа снабжена обширным списком источников, дано 61 название [7].

Биографии плеяды ярких ученых дополняются работами молодых исследователей, например, И.А. Маласханова свою статью посвятила личности Матвея Николаевича Хангалова, известного этнографа, фольклориста и педагога. Примечательно и то, что, автор статьи, говоря о М.Н. Хангалове, приводит фактический материал и о другом ученом Григории Николаевиче Потанине, исследователе Центральной Азии и Сибири. Переписка этих двух людей свидетельствует о дружественных отношениях и общности интересов [10].

К сожалению, сведения биографического характера о писателях Бурятии немногочисленны. Жанр литературной биографии о Чимите Цыдендамбаеве представлен в работе кандидата филологических наук, доцента Бурятского государственного университета Л.Ц. Халхаровой. Автор статьи верно и точно отмечает, что, исследование биографии писателя мы понимаем как необходимую научную стратегию для понимания его творчества [15, с. 12]. Исследование творчества писателя непосредственно связано с именем с другой личности – первого бурятского ученого Доржи Банзарова. Представленная литературная биография раскрывает многогранную деятельность писателя, в том числе его переводческую работу, показывает его как хорошего рассказчика, который отличался простым характером, народной мудростью. Автор сообщает неизвестные широкой публике факты: утрата личного архива, документов писателя, как сложилась судьба книг и рукописей, переданных в Литературный музей города Улан-Удэ [15, с. 17].

Ожидаемый результат создания персональных электронных краеведческих коллекций, явно имеет свою схему структурирования данных, специфику и методику организации биографической информации, свой инструмент навигации между материалами, определенный состав лингвистических средств, который дает возможность исключить дублирование при поиске и отборе биографической информации.

Примечания

1. Web-энциклопедия "Выдающиеся деятели науки и культуры – представители коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России" : карточка проекта, поддержанного РГНФ [Электронный ресурс]. URL:http://grant.rfh.ru/sys/a/?colfilter=0&context=anonymous~&pgoffset=0&ro_filter=main.enrfh_tasks.syrecordidw%20=%200BaJ000IjVvs0A00GR2aLb00~&table=main.enrfh_tasks&target=show_template&template=prg_card.htm. (дата обращения: 01.12.2018).

2. Алексеева Л.Ц. Базар Барадин – исследователь истории и культуры монгольских народов. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2015. 238 с.

3. Антопольский А.Б. Российская ассоциация электронных библиотек в 2006 году: реалии и перспективы // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. 2007. № 2. С. 39-42.

4. Антопольский А.Б., Савин Г. И., Сотников А. Н. Электронная библиотека «Научное наследие России»: новый этап развития // Информационные ресурсы России. 2010. № 2 (114). С.2-6.

5. Батуева Э.Б., Манжуева О. М., Миронова Л. В. Электронные лекции "Память Аги" [Электронный ресурс // History, Problems and Prospects of Development of Modern Civilization : the XVIII International Academic Congress (Japan, Tokyo, 25-27 January 2016) : papers and commentaries. Tokyo, 2016. Vol. 2. С. 877-883.

6. Памяти выдающегося ученого и организатора научных исследований Центральной Азии Данилова Сергея Владимировича [Электронный ресурс] / А. И. Бураев, Д. А. Миягашев, А. И. Симухин, Е. В. Нолев // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2015. С.616–625. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23522105_85103585.pdf. (дата обращения: 06.12.2018).

7. Бураева О.В. Ученый, учитель, общественный деятель [Электронный ресурс] // Вестник БНЦ СО РАН. 2014. № 1 (13). С.281–286. URL: <https://docplayer.ru/67705327-Vestnik-buryatskogo-nauchnogo-centra-sibirskogo-otdeleniya-rossiyskoy-akademii-nauk.html>. (дата обращения: 05.12.2018).

8. Ванчикова Ц.П. Ц.Ж. Жамцарано – выдающийся российский ученый востоковед, организатор науки в Монголии и Бурятии, просветитель монгольского и бурятского народов [Электронный ресурс] // Россия и Монголия XX века: дипломатия, экономика, наука : сб. трудов III междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. Кн. 3, ч. 1. С. 320-325. URL: <https://publications.hse.ru/en/books/135934319>. (дата обращения: 05.12.2018).

9. Кто есть Кто в современной культуре : эксклюзивные биографии [Электронный ресурс]. URL: www.biograph.ru. (дата обращения: 05.12.2018).

10. Маласханова И.А. Научное сотрудничество М.Н. Хангалова с деятелями ВСОРГО [Электронный ресурс] // Гуманитарный вектор. 2012. № 2(30). С. 148-154. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17786537_68751809.pdf.

11. Маркова Н.А. Биографические данные в цифровых коллекциях // Научные и организационно-технологические основы интеграции цифровых информационных ресурсов : сб. науч. трудов. Санкт-Петербург, 2013. С.57-73.

12. Маркова Н.А., Адамович И.М. Электронные биографические ресурсы [Электронный ресурс] // Институт проблем информатики Российской академии наук. URL: <http://elib.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/1368/1/RCDL13.pdf>. (дата обращения: 04.12.2018).

13. Попик В. И. Библиотеки как интеграторы электронных ресурсов историко-биографической информации // Библиотекосведение. 2014. №1. С. 42-45.

14. Черноусов М.О. Из опыта разработки электронного биографического справочника персоналий отечественного математического образования // Вестник Елецкого гос. ун-та им. И.А.Бунина. Серия: Педагогика (история и теория математического образования). Елец, 2014. С. 74-78.

15. Халхарова Л.Ц. Чимит Цыдендамбаев: опыт литературной биографии // Вестник Бурят. гос. ун-та. Улан-Удэ, 2015. № 10. С. 12-18.

References

1. Web-enciklopedija "Vydaushchijesja dejateli nauki i kul'tury - predstaviteli korennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii" [Web encyclopedia «Outstanding figures of science and culture – representatives of indigenous peoples of the North, Siberia and Far East». №. 12-01-12023. RGNF. URL: http://grant.rfh.ru/sys/a/?colfilter=0&context=anonymous~&pgoffset=0&rofilter=main.enrfh_tasks.syrecordidw%20=%200BaJ000IjVvs0A00GR2aLb00~&table=main.enrfh_tasks&target=show_template&template=prg_card.htm (01.12.2018). (In Russ.).

2. Alekseyeva L.Ts. Bazar Baradin – issledovatel' istorii i kul'tury mongol'skih narodov: monografija [Bazar Baradin – researcher of history and culture of the Mongolian peoples]. Ulan-Ude: ESSIC Press, 2015. 238 p. [In Russ.].

3. Antopolskiy A.B. Rossijskaja asociacija elektronnyh bibliotek v 2006 godu: realii i perspektivy [Russian association of electronic libraries in 2006: realities and perspectives // Nauchno-tehnicheskaja informacija. Serija 1 Organizacija i metodika informacionnoj raboty [Scientific-technical information. Series 1. Organization and methodics of information work]. 2007. № 2. Pp.39- 42.[In Russ.].

4. Antopolskiy A.B., Savin G.I., Sotnikov A.N. Elektronnaja biblioteka «Nauchnoje nasledije Rossii»: novyj etap razvitija // Informacionnyje resursy

Rossii [Information resources of Russia]. 2010. № 2 (114). Pp. S.2-6.[In Russ.].

5. Batuyeva E.B., Manzhueva O.M., Mironova L.M. Elektronnyje kollekcii "Pamyat' Agi" [Electronic resource "Memory of Aga"].URL document // History, Problems and Prospects of Development of Modern Civilization : the XVII International Academic Congress (Japan, Tokyo, 25-27 January 2016) : papers and commentaries. Tokyo, 2016. Vol. 2. Pp. 877-883. [In Russ.].

6. Burayev A.I., Miyagashev D.A., Simukhin A.I., Nolev Ye. B. Pamyati vydajushchegosja uchjenogo i organizatora nauchnyh issledovanij Central'noj Azii Danilova Sergeja Vladimirovicha [To the memory of Danilov Sergey Vladimirovich, the scientist and organizer of Central Asia research]. URL:

//webirbis.spsl.nsc.ru/irbis64r_01/cgi/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=SIB &P21DBN.- S.616 – 625 (06.12.2018) [In Russ.].

7. Burayeva O.V. Uchenyj, uchitel', obshchestvennyj djyatel' [Scientist, teacher, public figure] // Vestnik BNC SO RAN [Bulletin of BSC SB RAS].2014. № 1 (13). P.281-286. URL: <https://docplayer.ru/67705327-Vestnik-buryatskogo-nauchnogo-centra-sibirskogo-otdelenija-rossijskoj-akademii-nauk.html> (05.12.2018).

8. Vanchikova Ts.P. C. Zh. Zhamcarano – vydajushchijsja rossijskij uchenyj vostokoved, organizator nauki v Mongolii i Buryatii, prosvetitel' mongol'skogo i buryatskogo narodov [Ts. Xh. Zhamtsarano – outstanding Russian scientist orientalist, science organizer in Mongolia and Buryatia, teacher of the Mongolian and Buryat peoples] // Rossiya i Mongolija XX veka: diplomatija, ekonomika, nauka: sbornik trudov III mezhdunarodnoj nauchno – prakticheskoj konferencii [Russia and Mongolia of the XX century: diplomacy, economics, science; proceedings of III intern. Scient.pract. conf.]. Book 3, Part 1. Pp. 320-325. URL: <https://publications.hse.ru/en/books/135934319> (05.12.2018).

9. Kto yest' Kto v sovremennoj kul'ture : eksklyuzivnyje biografii [Who is who in modern culture: Exclusive biographies. URL: www.biograph.ru. (05.12. 2018).

10. Malaskhanova I.A. Nauchnoje sotrudnichestvo M.N. Khangalova s dejateljami VSORGO [Scientific cooperation of M.N. Khangalov with figures of VSORGO] // Gumanitarnij vector [Humanitarian vector]. 2012. № 2 (30 Pp.148 - 154.

11. Markova N.A. Biograficheskiye dannyje v cifrovyyh kollekcijah [Biographical data in digital collections] // Nauchnyje i organizacionno-tehnologicheskiye osnovy integracii cifrovyyh informacionnyh resursov [Scientific and organizational-technological foundations of information resources integration]: Coll. of scient. works. Saint-Petesburg, 2013.- Pp.57-73.

12. Markova N. A., Adamovich I.M. Elektronnyje biograficheskiye resursy [Electronic biographical resources]. URL: <http://rcdl.ru/doc/2010/168-176>. (04.12. 2018).

13. Popik V.I. Biblioteki kak integratory elektronnykh resursov istoriko-biograficheskoy informacii [Libraries as integrators of electronic resources of historical-biographical information // Bibliotekovedeniye [Library managment]. 2014. №1. -Pp.42 -45.

14. Chernousov M.O. Iz opyta razrabotki elektronnoogo biograficheskogo spravochnika personalij otechestvennogo matematicheskogo obrazovaniya [From the experience of developing electronic biographical reference book of personalities of national mathematical education // Vestnik Yeleckogo gos. un-ta im. I.A.Bunina [Bulettn of Yelets state univ-ty named after I.A. Bunin. Ser. «Pedagogics» (history and theory of mathematical education. Yelets, 2014. Pp. 74 -78.

15. Khalkharova L.Ts. Chimit Cydendambajev: opyt literaturnoj biografii / Chimit Tsydendambaev: experience of literary biography // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Buryat state university].Ulan-Ude, 2015. № 10. Pp.12 - 18.

Пинюгина В.А.

Pinyugina V.A.

**ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ЗАТРУДНЯЮЩИЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И
РАЗВИТИЕ КАЗАЧЕСТВА В ЗАБАЙКАЛЬЕ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

**MAJOR FACTORS COMPLICATING REVIVAL AND
DEVELOPMENT OF THE COSSACKS IN TRANSBAIKALIA
(ON THE SOCIOLOGICAL RESEARCH RESULTS)**

В статье приводятся результаты социологического исследования (экспертного опроса), проведенного на территории Забайкальского края и Республики Бурятия. Выявлены факторы, затрудняющие возрождение и развитие казачества в регионах.

The results of the sociological research (expert poll) conducted on the territory of the Transbaikal Region and the Republic of Buryatia are given in article. The factors complicating the Cossacks' revival and development in the regions are revealed.

Ключевые слова: казаки, казачество, возрождение, Забайкалье.

Keywords: Cossacks, revival, Transbaikalia.

Точкой отсчета в возрождении забайкальского казачества, объединившего казаков Забайкальского края и Республики Бурятия, считается 16 ноября 1990 г., когда в г. Чита собрались потомки забайкальских казаков и единогласно приняли решение – воссоздать общественную организацию – Забайкальское казачье войско.

Перед казаками были поставлены различные задачи, среди которых объединить «новоприборных» казаков, изучать культуру, быт, исторические традиции казачества и внедрять их в современную жизнь, возрождать народные промыслы и ремесла, а также служить России в Вооруженных Силах, на границе [1].

Общественный интерес к казачеству и казачьей культуре в Забайкалье растет с каждым годом: создаются новые казачьи общества, казачьи фольклорные коллективы, проводятся массовые праздничные мероприятия, в образовательные программы школ внедряют казачий компонент. Однако казачество в Забайкалье находится на стадии возрождения, а его развитие зависит от преодоления ряда неблагоприятных факторов.

В ноябре 2018 г. было проведено социологическое исследование (в форме экспертного опроса), основной целью которого являлось выявление основных проблем возрождения казачества, а также эффективных способов сохранения и развития казачьей культуры.

Респондентами исследования выступили 30 экспертов (из Забайкальского края и Республики Бурятия) – компетентные лица в вопросах возрождения казачества, развития казачьей культуры.

Одним из первых экспертам был задан вопрос: «Как Вы считаете, казаки – это...». Так, 23,3% экспертов считают, что казаки – это отдельный народ (например, «казаки – это народ, имеющий свою культуру, историю, традиции и память, славное прошлое и славное будущее»). Столько же – сословие, в том числе военное, служилое. 10% опрошенных определили казаков как защитников Отечества (к примеру, «казаки – это защитники государства от внешних агрессоров, в какой-то мере пример доблести и мужества для подрастающего поколения, в мирное же время – это верный семьянин и земледелец»).

Некоторые эксперты под «казаками» понимают какую-либо общность, например, «казаки – это этническая, социальная и историческая общность (группа), объединившая в силу своих специфических особенностей всех казаков, в первую очередь русских, а также украинцев, калмыков, бурят, башкир, татар, эвенков, осетин и др. как отдельные субэтносы своих народов в единое целое». В целом, среди экспертов отсутствует единое мнение о том, кто такие казаки.

В законе Забайкальского края от 26 декабря 2011 г. № 623-33К «О казачестве в Забайкальском крае» под казаком понимается «гражданин Российской Федерации, относящий себя к прямым потомкам казаков, выразивший желание восстанавливать и развивать традиционные для казачества формы хозяйствования, возрождать и сохранять его культуру и быт и участвовать в несении государственной службы, а также гражданин Российской Федерации, в установленном порядке добровольно вступивший в казачье общество или некоммерческую организацию казаков» [2].

Ответы на вопрос «Что, на Ваш взгляд, представляет собой современное казачество?» оказались еще более спорными. Так, начальником штаба СКО «Станица Онохой» М.Д. Мальцев дана следующая характеристика современного казачества: «Как показывает опыт, зачастую современный казак не умеет держаться в седле, владеть шашкой, метко стрелять по причине отсутствия возможности приобретения коня и его содержания, а также шашки. Когда казак был опорой и защитником государства, он наделялся безвозмездно земельным участком и освобождался от налогов, что ему позволяло приобретать коня и шашку. Конечно, современное государство позволяет казаку взять на себя обязательства по несению государственной службы, таких как охрана общественного порядка и лесов и т.д., но это все только на бумаге. Можно сделать вывод, что в виду отсутствия должной поддержки со стороны государства современное казачество есть «кружок по интересам». Подобный ответ дал А. Е. Шевыряев, потомственный казак («клуб по интересам, игра»). Довольно неоднозначную позицию относительно современного казачества представила

Л. Н. Григорьева, родовая забайкальская казачка («современное казачество – есть «самодеятельный театр»).

Можно сделать вывод, что, как и в предыдущем вопросе, прийти к какому-то общему «знаменателю» оказалось невозможно. В целом, все ответы можно разделить на ответы, характеризующие современное казачество с положительной стороны, делающие акцент на культурной составляющей, историческом наследии, и характеризующие казачество с отрицательной стороны. Однако, в данном случае экспертами в большей степени давалась характеристика *состояния* современного казачества, движения за возрождение казачества.

Ниже представлены некоторые ответы экспертов, характеризующие современное казачество с разных позиций:

- «Стиль жизни определенной группы людей с конкретными традициями и уклоном»;
- «Казачество – это сила, которая может и должна восстановить всё, что было у народа до начала правления Горбачёвым»;
- «Неотъемлемая часть нашей истории и культуры»;
- «Общественно-политическая конструкция»;
- «Люди, по происхождению из казачьих семей, и те, кто готов принять «Устав» казачества и вступить в данную группу, сословие»;
- «Хаотичное общество, занимающееся в основном междоусобными разборками (особенно в верхах)»;
- «Довольно сложные и разобщенные сообщества с плохо сформулированными целями и задачами, поэтому до сих пор стоящие на стадии возрождения»;
- «Казачество – это особый дух, благородство, мужественность, готовность защитить слабого, равнодушие и справедливость»;
- «Казачество сегодня – это емкое понятие. Это и реестровые войска (в России действует 11 казачьих войск, они несут государственную службу), и общественные организации (их в стране насчитывается порядка 200), и многочисленные молодежные казачьи организации, и кадетские казачьи корпуса»;
- «Это движение, общественная организация, выступающая за возрождение духа патриотизма и воспитание подрастающего поколения»;
- «Группа организованных и идеологически подготовленных братьев»;
- «Свободная добровольная община, по праву рождения в казачьей семье. Территориальная общность людей на основе традиционного компактного проживания (войсковая принадлежность)»;
- «Подобие былого казачества».

Таким образом, вопрос о сущности современного казачества также остается открытым, как смысл и самого понятия «казаки».

На вопрос «Можно ли утверждать, что одной из главных проблем современного казачества является наличие разобщённости среди казаков?» мнения экспертов разделились. Так, 60% считают, что разобщённость среди казаков существует, причем, она, действительно, является одной из главных проблем. Приведем некоторые ответы.

«Разобщенность казачьих сообществ – одна из самых главных проблем современных казачьих объединений, предполагающая разобщенность целей и непонимание актуальных вопросов на современном этапе» (И. Н. Судьин, начальник школы «Будущие атаманы»); «Да! Слишком много желающих причислить себя к казакам, при этом все хотят быть атаманами, так сказать «быть у корыта» (А. Е. Шевыряев, потомственный казак). Кроме того, эксперты отметили, что не способствует сплочению и укреплению казачьего движения деление казаков на тех, кто состоит в реестре и на тех, кто не состоит, и наличие множества казачьих формирований, союзов и партий. Стоит отметить, что 40% экспертов, давших положительный ответ на этот вопрос, являются потомственными или родовыми казаками (казачками). 30% экспертов заявили об обратном. Разобщенность не является «краеугольным камнем развития казачьего движения» (М. Д. Мальцев). Один из экспертов считает, что «у казачества достаточно организаций, не хватает лидеров пассионарного толка, которые знают, что и как делать». Проблемы же в виде казачьей разобщенности не являются существенными.

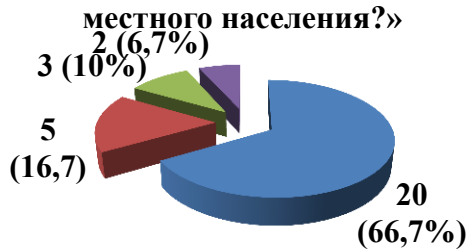
А. П. Порядин, родовой казак: «Так не считаю, потому что даже при расцвете казачьего движения не было регулярной связи между разными территориальными казачьими войсками». 10% экспертов затруднились ответить на вопрос, так как не находятся непосредственно в казачьей среде.

Исходя из вышеизложенного, становится очевидным, что разобщенность среди казаков все же является одной из главных проблем современного казачества.

Социальный статус казачества также стал вопросом для размышления. По мнению половины экспертов, социальный статус казачества особо не изменяется. 40% опрошенных склоняются к тому, что постепенно казаки приобретают уважение и социальный вес. 6,7% опрошенных считают, что «казак» с каждым годом звучит более гордо. И лишь один эксперт заключил, что казаки теряют уважение гражданского населения.

Разумеется, нельзя дать однозначный ответ по поводу изменения социального статуса казаков, ведь здесь все зависит от ситуации в конкретном месте. Однако на основе анализа полученных ответов отметим, что возможно социальный статус казачества склонен изменяться в положительную сторону. Это, в свою очередь, влияет на интерес к казачеству со стороны местного населения, который соответственно растет (см. рис. 1).

**Распределение ответов на вопрос: «Проявляется ли, по
Вашему мнению, интерес к казачеству со стороны**

■ Скорее да ■ Скорее нет ■ Затрудняюсь ответить ■ Да ■ Нет

Среди основных проблем развития современного казачества экспертами были выделены: неразвитость законодательной базы (60%), слабое развитие экономической базы казачества (56,7%), отсутствие государственного финансирования (56,7%), а также слабая организованность казаков (50%), что, в том числе, говорит о наличии казачьей разобщенности. Сюда же можно отнести и «отсутствие миссии на современном этапе». Отметим, что поддержка экономического развития казачества является одним из направлений «Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года» [3].

Таким образом, были выявлены следующие неблагоприятные факторы, затрудняющие развитие казачества в Забайкалье: отсутствие четкого представления места и роли казачества в социальной и культурной жизни современного общества; наличие разобщенности в казачьей среде, что отражается на целях, которые ставят перед собой современные казаки; неразвитость законодательной базы (на региональном и местном уровнях); экономические факторы.

Учитывая тот факт, что современное казачество, прежде всего, представляет собой организацию, первоочередным становится определение ее целей и задач, а, следовательно, места и роли в современном обществе. Осознание этого даст возможность избрать верный ориентир для дальнейшего развития.

Примечания

1. Курц Ю. Крестный путь : очерки истории забайкальского казачьего войска. Чита : Принт-Мысль, 2003. 240 с.

2. О казачестве в Забайкальском крае : закон Забайкал. края от 26 дек. 2011 г. № 623-33К (с изм. на 25.09.2014) // ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/19971912/> (дата обращения: 15.12.2018).

3. Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года : утв. Президи-

дентом Рос. Федерации 15.09.2012 N Пр-2789) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.05.2017).

References

1. Kurts Yu. Krestnij hod: ocherki istorii zabaikal'skogo kazach'yego voiska [Way of the Cross: sketches of history of the Transbaikal Cossack army]. – Chita: Print-Mysl, 2003. – 240 p. [In Russ.]

2. O kazachestve v Zabaikal'skom kraje: zakon Zabaikal. kraja ot 26 dek. 2011 g. № 623-33K (s izm. na 25.09.2014) [About the Cossacks in the Transbaikal region: law of the Transbaikal region of 26 Dec. 2011 No. 623 – 33K (with changes on 25 Sept. 2014) // GUARANTOR [An electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/19971912/> (15.12.2018). [In Russ.].

3. Strategija razvitija gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v otnoshenii rossijskogo kazachestva do 2020 goda: utv. Prezidentom Ros. Federacii 15.09.2012 N Pr-2789 [Strategy of state policy development of the Russian Federation concerning the Russian Cossacks till 2020 (appr. by the Russian President on 15.09.2012 N Pr-2789) // Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru> (01.05.2017). [In Russ.].

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

DOI 10.31443/2541-8874-2018-4-8-139-144

УДК 82-311.6 (571.54)

Серебрякова З.А.

Serebryakova Z.A.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В РОМАНЕ П. МАЛАКШИНОВА «АЛАРЬ-ГОЛ»

CULTURAL MEMORY IN P. MALAKSHINOV'S NOVEL «ALAR-GOL»

Анализ бурятской литературы советского времени с позиций историко-антропологического подхода совпадает с родовой спецификой прозы крупной формы. Роман бурятского писателя П. Малакшинова «Аларь-гол» – одно из самых значительных произведений национальной литературы. И хотя в нем есть некоторые элементы романа социалистического реализма, это скорее формальная дань времени. Писателя больше волновала реальная жизнь бурятского улуса накануне Октября 1917 г. Он стремился пробудить живую память о прошлом, и это ему удалось. П. Малакшинов убедительно воссоздал национальную реальность, место жизнедеятельности бурятского народа, включающее природу, весь его предметно-вещный мир. Пейзаж выступает средством конкретизации пространства, несет идею преемственности поколений, выражает состояние внутреннего мира персонажей. Кроме того, он есть нечто трансцендентальное. Кодами культурной памяти являются процесс крестьянского труда и быта, стиль повседневного поведения, традиции, обычаи и т.д. Благодаря вниманию к человеку, его насущным заботам и осмыслению глубинных основ жизнеустройства, и пейзаж, и описание деталей повседневности исполнены теплоты и участия, пронизаны токами времени.

A historical-anthropological approach to the analysis of the Buryat literature of the Soviet period coincides with the gender specifics of the prose of a larger format. The novel «Alar-Gol» of the Buryat writer P. Malakshinov is one of the significant works of the national literature. Though it has some elements of social realism it is some kind of tribute to time. The main focus of the writer was the real life of the Buryat village on the eve of the Great October Revolution of 1917. He tried to arouse a vivid memory of the past and he managed to do it. P. Malakshinov convincingly recreated the Buryat people national reality, their environment including nature and the object matter world. The landscape is the means of space concretization reflecting the idea of continuity of generations and the characters' inner world. Moreover, it is something transcendental. The peasants' labor and everyday life, their behavior, traditions, and rituals are the codes of cultural memory. Thanks to

the attention to a person, his/her actual problems and comprehending the fundamentals of life, the landscape and everyday life details are portrayed with warm feelings and seem up-to-date.

Ключевые слова: бурятский роман, национальная реальность, художественное пространство, пейзаж, предметно-вещный мир, культурная память, повседневность.

Keywords: the Buryat novel, national reality, artistic space, landscape, object matter world, cultural memory, everyday life.

В общественном сознании России продолжается процесс переосмысления явлений советского периода с новых позиций. Оценивается и такой феномен, как литература.

Среди важных методологических подходов к истории советского периода развития бурятской литературы – корректно понимаемый принцип историзма, проявляющийся в признании реальной сложности и противоречивости литературного процесса, наличия стабильности и изменчивости, сочетания общего и особенного, коллективного и индивидуального, демократизации литературы как тренда и т.д.

Плодотворным подходом к анализу бурятской литературы советского времени является историко-антропологический, который состоит в изучении «практически всех сфер действительности – но в проекции человеческих представлений о них», исторических реалий, которые уже «превратились в ментальность». Неслучайно историческую антропологию связывают с историей ментальностей. Интерес к истории ментальностей «указывает на желание общества вывести на поверхность сознания чувства и представления, которые скрыты в глубинах коллективной памяти». Поведение людей, по мнению представителей исторической антропологии, во многом обусловлено общепризнанными нормами, ценностями и т.д. Они отказываются «видеть в древних обществах этапы запрограммированной эволюции», а прошлом – лишь «явления, подготавливавшие современность» [1, с. 7-18, 27-29, 36-40 и др.].

Для историко-антропологического метода характерен интерес не только к событиям и личностям, которые принято считать историческими, но и к обыденности, повседневности и связанными с ними ментальным структурам того или иного исторического периода. Кстати, это совпадает с родовой спецификой прозы крупной формы, в художественном строе которой в силу ее универсальности, сочетания масштабного повествования и глубины психологического анализа общее выражается через частное, соседствуют и порой причудливо переплетаются романтически приподнятое и приземленное, объективное и субъективное, рациональное и эмоциональное и пр.

Роман П. Малакшинова «Аларь-гол», недооцененный советским литературоведением и критикой, ныне входит в число самых значительных и весомых произведений бурятской литературы. Он был создан после «оттепели», когда в сознании общества наметилась новая концепция

личности в истории, психологизм стал богаче и глубже, актуализировалась нравственная проблематика, появилось ощущение ценности прошлого, от которого уже не всем хотелось отречься, напротив – литераторы смелее погружали читателей в художественную реальность различных эпох.

П. Малакшинов не акцентирует внимание на стереотипной сюжетной линии историко-революционного романа с живописанием классовых противоречий, пробуждения классовой сознательности низов, обострения социальных конфликтов и победы бедноты в финале. И хотя некоторые элементы романа социалистического реализма предсказуемо наличествуют в «Аларь-голе», эта линия – скорее формальная дань неизбежному идеологическому компоненту, который присутствует в абсолютном большинстве произведений советской литературы. Кстати говоря, в романе нет ни нагнетания конфликтности в преддверии революции, ни явных вожаков-главарей угнетенных: бедняк Дамба скорее озабочен организацией помощи самым нуждающимся одноулусникам, чем целью досадить соседу-богачу. Учитель Большаков почти все время повествования скрывается от упорно преследующих его властей и выглядит жертвой, нуждающейся в помощи, а вовсе не трибуном, возглавляющим протест.

Писателя явно больше волновала реальная жизнь бурятского улуса накануне Октября 1917 г. Он стремился достоверно передать чувства и мысли персонажей. К числу главных достоинств романа относится убедительное воссоздание мира прошлого, живую память о котором мастерски пробуждает автор в сознании своих читателей.

Это совершенно не согласуется с главенствовавшей долгое время в СССР концепцией усеченного понимания истории, согласно которому до-революционное бытие рассматривалось как некий подготовительный этап, предыстория, а нередко объявлялось небытием [2, с. 483]. Не случайно в связи с этим негативная оценка прошлого в советской идеологии, контрастировавшая с воспеванием советской действительности.

Одной из черт социалистического реализма М. Балина считает доминирование времени над пространством [3, с. 585]. Направленность литературы социалистического реализма – от настоящего к будущему, а пафос – неудержимое стремление к последнему. Что же касается пространства, то оно нередко условно, абстрактно или представлено как весь мир, планета и т.п.

Хронотоп бурятского романа изначально был иным. В особенности это проявилось в годы формирования замысла и написания рассматриваемого романа, когда в произведениях бурятских писателей пространство, особенно в творчестве Д.-Р. Батожабая, А. Бальбурова, несколько ранее Ч. Цыдендамбаева, уверенно вступило в свои права и помогло реализовать их творческую сверхзадачу: оно почти всегда есть национальная реальность, место жизнедеятельности бурятского народа и включает весь его предметно-вещный мир: природу, интерьер жилища, двор, улус, его окрестности и т.д.

В воссоздании культурной памяти П. Малакшиновым особая миссия возлагается на пейзаж, который выступает в нескольких ипостасях. Во-первых, он является средством конкретизации пространства. Во-вторых, несет идею объединения и преемственности поколений, которые вписываются автором в вечный и прекрасный мир родной природы. В-третьих, пейзаж выражает состояние внутреннего мира персонажей. Наконец, это нечто трансцендентальное, сопряженное с вечностью и смыслом бытия.

Пейзаж П. Малакшинова персонифицирован. Так, в размышления Дамбы автор вплетает восхищение родной землей: мачтовыми соснами, лугами, долиной тихой речки Алари. «Чудесную воду несет Аларь-гол – всю жизнь просидел бы на ее зеленом берегу, глядя на безмятежное сонное течение», – думает старый Циремпил [4, с. 466]. Даже если описание природы предстает как авторское, оно всегда конкретизировано. В нижеприведенном фрагменте, например, оно связано с каждодневной жизнью улуса: «Красив лес в Волчьей пади. Березы стоят тесно, чуть ли не в обнимку, и стволы словно сходятся в одну белую стену, оттого и светло здесь, как в только что побеленной горнице, оттого здесь и весело.

И любят приезжать сюда за дровами бедняки Таряты...» [4, с. 483].

Аналогичное сопряжение с непосредственной деятельностью людей характерно и для финала другого пейзажа: «А душа здешних мест – небольшая тихая речка Аларь, Аларь-гол. К ее неоглядной долине тянутся летом со всего аймака» [4, с. 460].

Малоразговорчив, застенчив и задумчив юноша Аржит. Его поступки обусловлены особенностями характера. «Третий день уже кружит Аржит вокруг и никак не может решиться заглянуть в знакомую юрту. Он уходит в зеленую, заросшую высокой пахучей травой степь и бродит среди чужих стад. Смотрит, как шумно взлетают стаи диких гусей, которых здесь видимо-невидимо. И думает о том, что пора бы и домой ...

А не может парень уехать, не повидав любимой, и в то же время боится ее родных, которые еще не догадываются об их любви» [4, с. 481].

Именно с этим образом связаны самые поэтические картины природы. Приведем одну из них: «Оглядывает степь Аржит, а в глазах рябит, и она вся то колеблется волнами, то подрагивает под высоким, слепящим солнцем, словно какая-то великая сила укачивает долину, заставляя всех, кто находится на ее просторной ладони, заснуть и видеть на ходу чудесные, одурманивающие сны. Дрожало в густом пахучем воздухе здесь все – и бурые камыши на небольших, поблескивающих озерах, и белый тростник на большом озере Саганнур, и юрты – летнее жильё полукочевников, и тонкие прясла вокруг них» [4, с. 478].

Несколько иначе воспринимает красоту и величие соснового бора подросток, с раннего утра наработавшийся в поле. «Сосны стояли высокие, прямые. Кроны их покачивались высоко в поднебесье, и казалось, что желто-красные, горячей меди стволы упирались в зеленые, густые облака. Земля в бору странная – песок, усыпанный сухими сосновыми игол-

ками и множеством шишек – старых, растопыривших сухие серые ребра, и свежих – зеленых, смолистых, округлых. Шагать Даши неловко, больно ступням. Но все же ему было здесь хорошо, как-то свободно и весело, а голова кружилась от пьянящего соснового аромата, настоящего на сухом воздухе. В теле Даши почувствовал такую легкость, что ему хотелось бежать за размеренно шагающим отцом, подпрыгивая то на одной, то на другой ноге...» [4, с. 497].

В повествование органично вплетены составляющие культурной памяти: процесс крестьянского труда и быта, стиль повседневного поведения жителей улуса, традиции, обычаи, обряды, а также сказки, легенды, песни, хороводы и т.д.

Обстоятельно воспроизведен предметно-вещный мир, который еще в большей мере, чем природа, характеризует связь человека с прошлым, воспроизводит культурные коды: огромная восьмистенная юрта нойона с немалым количеством припасов, где все устроено согласно обычаям, типичная бурятская юрта с очагом, деревянным настилом вокруг него, ковриками из шкур на нем, сундуками, войлоками и другой утварью, убранство дацана, традиционный национальный костюм, аксессуары и украшения.

Благодаря особому вниманию к человеку, его насущным заботам и осмыслению глубинных основ жизнеустройства, и пейзаж, и описание деталей повседневности исполнены теплоты и участия, пронизано токами времени.

Художественная ценность произведения позволяет при его оценке руководствоваться самыми строгими эстетическими критериями.

Подчеркивая пронзительную силу воздействия романа «Аларь-гол», С.С. Имхелова отмечает, что описание в нем «может достичь самого предельного обобщения», а горькая жизнь и бедный быт «не только не закрывают красоты человеческих отношений, но открыты универсальному и экзистенциальному осмыслению жизни» [5, с. 42].

Как видим, П. Малакшинов, прекрасно знавший жизнь родного народа, убедительно воспроизвел в романе «Аларь-гол» его культурные коды, обогатив тем самым наследие бурятской культуры.

Примечания

1. История ментальностей, историческая антропология : зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. 255 с.

2. Постоутенко К. Исторический оптимизм как модус сталинской культуры // Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб. : Акад. проект, 2000. С. 481-491.

3. Балина М. Дискурс времени в соцреализме // Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб. : Акад. проект, 2000. С. 585-595.

4. Малакшинов П. Аларь-гол // Антология бурятского романа. В 10 т. Т. 7. Улан-Удэ : Изд-во Респ. тип., 2008. С. 453-664.

5. Имихелова С. С. Личность и национальная картина мира в бурятском романе // Россия-Азия: механизмы сохранения и модернизации этничности : материалы междунар. науч.-практ. конф. (18-21 июня 2008 г.). Улан-Удэ, 2008. Вып. 3. С. 41-43.

References

1. Istorija mental'nostej, istoričeskaja antropologija: zarubezhnye issledovanija v obzorah i referatah [Mentalities history, historical anthropology: foreign studies in reviews and abstracts]. – M., 1996. – 255p. [In Russ.].

2. Postoutenko K. Istoričeskij optimism kak modus stalinskoj kul'tury [Historical Optimism as a modus of the Stalinist culture] //Sotsrealističeskij kanon: sbornik statej [Socio-realistic canon: collection of articles] / pod obsch. red. H.Gjuntera, E.Dobrenko. – SPb.: Akad. proekt, 2000. Pp.481-491. [In Russ.].

3. Balina M. Diskurs vremeni v sotsrealizme [Time discourse in socialist realism]// Sotsrealističeskij kanon: sbornik statej [Socio-realistic canon: collection of articles] / pod obsch. red. H.Gjuntera, E.Dobrenko. – SPb.: Akad. proekt, 2000. Pp. 585-595. [In Russ.].

4. Malakšinov P. Alar'-gol [Alar-gol] //Antologija buryatskogo romana. V 10 t. T.7. [Anthology of the Buryat novel in 10 volumes. Vol.7.] – Ulan-Ude: Izd-vo Resp. tip., 2008. Pp.453-664.

5. Imikhelova S.S. Lichnost' i nacional'naja kartina mira v burjatskom romane [Personality and national world view in the Buryat novel] // Rossiya-Azija: mehanizmy sohraneniija i modernizacii etnichnosti [Russia-Asia: mechanisms of preservation and modernization of ethnicity]: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (18-21junja 2008g.) [Proceedings of the international scientific conference (June 18-21, 2008)]. – Ulan-Ude, 2008. Vyp.3. Pp. 41-43. [In Russ.].

Mumasova S.A.

Mitasova S.A.

**НЕКАНОНИЧЕСКИЕ ИКОНЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ СИБИРИ
NON-CANONICAL ICONS
IN MODERN ORTHODOX CULTURE OF RUSSIA**

Статья посвящена исследованию неканонической православной иконы с точки зрения культурологического подхода. Автор приходит к выводу, что неканоническая икона имеет следующие социокультурные значения: народная репрезентация почитания людей, не прошедших церковной канонизации; фиксация значимых социальных проблем: демографической, экологической, военно-террористической и других, уточнение актуальных иконографических сюжетов.

The article is devoted to the study of the non-canonical Orthodox icon on the basis of cultural studies approach. The author comes to the conclusion that the non-canonical icon has the following socio-cultural meanings: people's representation of honoring the people who have not passed the Church canonization; fixation of significant social problems: demographic, environmental, military-terrorist ones, etc.; clarification of actual iconographic subjects.

Ключевые слова: неканоническая икона, современная православная культура России, культовое искусство, социокультурное значение иконы.

Keywords: non-canonical Orthodox icon, modern Orthodox culture of Russia, religious art, socio-cultural significance of the icon.

Существуют различные подходы к изучению артефактов православной культуры, которая, по нашему мнению, не ограничивается только церковной культурой, а включает несколько уровней: эзотерический, элитарный, уровень воцерковления, специализированный, этнический (народный), массовый [2, с. 34-46].

Неканоническая икона (лжеикона, псевдоикона) имеет распространение среди людей, неискушенных в тонкостях догматической иконографии. Такие иконы не упомянуты в месяцеслове, не имеют общемировых, общероссийских, местнотимых традиций почитания. Однако сам факт их написания и бытования свидетельствует о важных процессах, которые происходят на «периферии» православной культуры России.

Цель данной статьи состоит в обозначении социокультурных проблем, которые проявляются через ложносакральные артефакты и свиде-

тельствуют об изменении культурной картины мира православных верующих.

Культурологический анализ псевдоикон строится на материале, опубликованном на различных интернет-ресурсах, как правило, они не имеют авторов, но распространяются среди людей посредством Интернета.

Так называемые псевдоиконы всегда являлись неотъемлемой частью культового искусства. С одной стороны, само понятие «каноничность» иконы весьма условно. Изначально Русь ориентировалась на Византию. С XVII в. начались выступления против западноевропейских влияний, например, протопоп Аввакум возмущался неканоническим образом Спаса-Эммануила: «Лицо одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надуты...» [1, с. 14]. В Сибири долгое время после официального запрещения встречались заимствования из ведийской культуры. Например, образ Святой Троицы с тремя ликами, похожими на изображение индуистских Тримурти. Неизвестный иконописец стремился изобразить нераздельность и неслиянность ликов Бога.

Псевдоикона «Троица (смесоипостасная)», 1729 г.,
неизвестный мастер. Тобольск // <http://hranive.ru/524/>

Влияние азиатской культуры прослеживается на иконах Восточной Сибири XVII-XIX вв. Оно проявляется в изображении разреза глаз Богоматери и Иисуса, клубящегося фона, закручивающегося в форму символа Инь-Ян.

Икона «Богоматерь Владимирская». 2-я пол. XVII в.,
протоиерей И.Ф. Сухих. URL: <http://www.museum.irk.ru>

До сих пор сохраняются сильные художественные воздействия католической иконописной традиции. Это, прежде всего, изображения Отечества (визуализация *filioque*), Богоматери Семистрельной, имеющей в основе католический сюжет «Семь скорбей Богоматери», изображения художников эпохи Возрождения, находящиеся в храме как иконы («Тайная вечеря» Леонардо да Винчи, Мадонны Рафаэля Санти).

Известны композиционные, иконографические, цветовые, технологические принципы изготовления иконы, наряду с непеременимыми требованиями нравственной чистоты и молитвенности мастера. Икону отличает условность изображения, отсутствие признаков портретного сходства и плотской привлекательности, обратная перспектива, не внешний источник освещения, «единовременность» изображения, статичность композиции и другое.

Православная точка зрения содержит в себе полноту противоположных утверждений: Бог невидим (Бога не видел никто никогда) и Бог видим (видевший меня, видел и Отца (Ин 1:18, 14:9), отсюда возникает антиномия мистического образа, породившая многочисленные споры об иконопочитании. Известно, что как только начала оформляться литургическая сторона христианства, его культ, необходимость в искусстве по известным причинам резко возросла.

Отцы христианской церкви Василий Великий, Феодор Студит, Дионисий Ареопагит, Иоанн Дамаскин, каждый в свое время указывали на двойственную природу культового искусства, оно есть «видимое невидимого». Феодор Студит обосновал поклонение иконам, выявив взаимосвязь образа и первообраза: «Поклоняющийся изображению поклоняется тому, кого верно представляет изображение. Ибо не сущности, то есть не веществу изображения он поклоняется, но начертанному на нем, - и в отношении тождества поклонения изображение неотделимо от первообраза, ибо в отношении подобия изображение тождественно первообразу» [6, с. 311].

На современное понимание иконы значительное влияние оказала не находящая основания в святоотеческой традиции и несовместимая с ней теория символа, разрабатывавшаяся в эпоху Серебряного века священником П. Флоренским, протоиереем С. Н. Булгаковым, Е. Н. Трубецким, А. Ф. Лосевым. Теория символа, имеющая непосредственное родство с платоновским учением об идеях и припоминании, и предполагающая возможность не «указания на», но «явления» Бога особыми символическими средствами и потому декларирующая принципиальную изобразимость Бога [8, с. 111-128]. Таким образом, природа современного и древнего символизма иконы кардинально разнится.

Православная Церковь утверждает, что священный образ есть следствие Боговоплощения. Икона или храм не обладают собственной реальностью, сами по себе – они лишь деревянная дощечка, плоскость стены, скульптура и строение определенного стиля. Но благодаря тому, что они причастны к божественному миру через уподобление, они не могут иметь «своего» содержания. Содержание современной иконе или храму дает чин освящения.

Иконописный канон допускает и даже подразумевает свободу мастера, вдохновленного Духом Святым. Изначально сделанной иконе не требовалось освящение, потому что она сама по себе была сакральной по факту существования, но по мере того, как изменялась аксиология и нравственность мастеров, появилась необходимость в дополнительных «средствах святости», таких как чин освящения.

Социокультурное значение псевдоиконы заключается в том, что это, прежде всего, промежуточный результат интерпретации православного вероучения на современном этапе. По прошествии некоторого времени надобность в подобном изображении либо отпадает, сохраняясь как факт окологосударственной традиции, либо примется церковным миром. Культурологический анализ существующих неканонических икон показывает неразрывную связь артефакта и массовых представлений о православии и его значении в жизни общества.

Самым известным примером современного народного иконотворчества является псевдоикона «Богородица Воскрешающая Русь», которая возникла по мотивам видения О. Павленко. Эта икона некоторое время даже находилась в Дивеевском монастыре. Способ появления иконы не

является новым, в истории православия часты случаи написания икон по рассказам прихожан. Например, случай появления Абалакской иконы Божьей Матери в Сибири XVII в. «Своевременность» появления иконы «Богоматерь Воскрешающая Русь» объясняется периодом «религиозного возрождения», начавшегося в 90-е гг. XX в. после периода господствующего атеизма. Во время поиска духовной опоры, национальной идеи российского общества, оказавшегося в ситуации идеологического вакуума, эта икона визуализировала надежды простых людей на покровительство Божьей Матери. У официальных представителей РПЦ существуют серьезные сомнения в благочестивости прихожанки, инициатора написания данной лжеиконы.

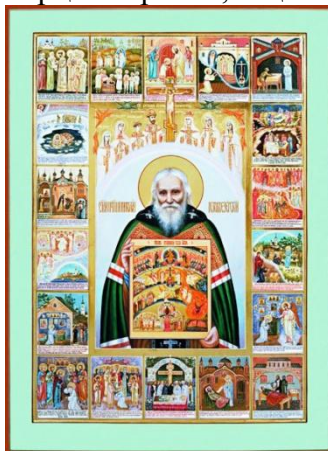
Псевдоикона «Богоматерь Воскрешающая Русь», 1999 г.,
Н. Кошеварова.

Монархические взгляды присущи некоторой части общества новоправославных, под их влиянием пишутся такие псевдоиконы, как «Богородица Самодержавная», «Богородица яко орля крылья», иконы царя Николая II с искаженной иконографией [5].

Псевдоикона «Богородица яко орля крылья»,
начало XXI в. неизвестный художник //
<http://www.liveinternet.ru/users/mazarini/post115143235/>

Популярно ныне поклонение старцам, старицам до их официального прославления. В этом случае мы имеем дело с так называемой «опережающей канонизацией». Например, блаженная Матрона Московская до сих пор изображается на иконах с закрытыми глазами, что противоречит канонам. Святой или святая имеют уже преображенную плоть без физических недостатков и должны изображаться именно таковыми. Известно множество изображений архимандрита Иоанна (Крестьянкина), протоиерея Николая Гурьянова, старца Гавриила, отца Феофана и других.

Псевдоикона «Протоиерей Николай Гурьянов
в архиерейской мантии», XXI в.,
неизвестный художник // <http://alessio-v.livejournal.com/14459.htm>

Демографическая проблема современности выражается в ряде икон «Христос плачет о душе убиенных во чреве младенцев». Изображения не каноничны в силу излишней физиологичности и эмоциональности, но кающиеся женщины их заказывают. Проблемы контрацепции, регуляции рождаемости сегодня актуальны, их официальное понимание изложено в «Основах социальной концепции РПЦ» [3].

Псевдоикона «Плач Иисуса об абортах», 90-е гг. XX в.,
Хризостом, игумен монастыря Герасима
Иорданского в Палестине (?)

http://www.liveinternet.ru/users/otec_leonid/post174360562/

Темы войны, технических аварий, терроризма также нашли выражение в народном творчестве. В разряд мучеников попадают погибшие матросы с подводной лодки «Курск», пострадавшие от чернобыльской катастрофы, солдаты, убитые в чеченском плену, дети из Беслана и другие. Возникает новый культурный механизм народной сакрализации для сохранения памяти о шоковых событиях. Например, солдат Евгений Родионов (1977-1996) принял мученическую смерть от рук чеченских террористов, требовавших от него отречения от Христа и принятия ислама. Он посмертно награжден орденом Мужества в 2003 г. его официальная канонизация не состоялась в связи с недостаточностью свидетельств обстоятельства смерти. Однако в Сербии он считается местночтимым святым.

Псевдоикона «Святой мученик воин Евгений».

XXI в. неизвестный автор //

<http://prarussia.mirtesen.ru/blog/43577926433/Epoha-Evgeniya-Russkogo>

В неканонических иконах бытует тема прославления политических и исторических деятелей России. Интерпретация этой темы иногда выливается в прямой сарказм: изображаются люди, которые при жизни были атеистами и оккультистами (А. Гитлер, В. И. Ленин, И. В. Сталин и другие). Очевидно, здесь возникает глумление и расчет на эпатаж, характерные для массовой культуры. К артефактам массовой культуры относятся десакрализованные образы низкого качества исполнения – здесь имеются в виду всевозможные брелоки, браслеты, подвески на лобовое стекло автомобилей, кольца.

Таким образом, неканоническая икона имеет ряд социокультурных значений, таких как демократическая репрезентация почитания людей, прославившихся благопристойной жизнью, фиксация значимых социальных проблем (демографической, экологической, военной, террористической и другими), выделение в православной культуре образа врага («свой» православный – «чужой» неправославный), осмысление роли тех или иных участников исторических событий, неоднозначная трактовка их деятельности. Неканоническая икона играет важное значение в православной культуре, поскольку посредством нее кристаллизуется канон, уточняются актуальные темы для культового искусства, вскрываются социокультурные проблемы современного общества.

Примечания

1. Гаврюшин Н. К. Вехи русской религиозной эстетики // Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. : антология. М. : Прогресс, 1993. 400 с.

2. Митасова С. А. Культовое искусство православия: аксиологические основания. Красноярск : СФУ, 2010. 127 с.

3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информ. бюл. отдела внешних церковных связей Московского патриархата. 2000. № 8.

4. Слесарев А. В. Современные псевдоправославные иконы : фотогалерея. URL: <http://anti-raskol.ru/pages/1251> (дата обращения: 17.12.2018).

5. Студит Ф. Письмо преподобного Феодора Студита своему духовному отцу Платону // Преподобный Феодор Студит. Великое оглашение. Ч. 2. М. : Изд-во им. Свт. Игнатия Ставропольского, 2001. С. 307-311.

6. Шахбазян К. «Верою ходим, а не видением». Гносеологический аспект святоотеческого учения об иконе // Икона и образ, иконичность и словесность : сб. ст. / ред.-сост. В. В. Лепяхин. М. : Паломник, 2007. С. 111-129.

References

1. Gavryushin N.K. Vехi russkoj religioznoj estetiki // Filosofija russkogo religioznogo iskusstva XVI-XX vv.: Antologija. [Milestones of Russian religious aesthetics//Philosophy of Russian religious art of XVI-XX centuries: Anthology]. – М.: Progress, 1993. – 400 p. [In Russ.].

2. Mitsova S.A. Kul'tovoe iskusstvo pravoslavija: aksiologicheskie osnovanija [Orthodox religious art: axiological bases]. – Krasnojarsk: SFU, 2010. – 127 p. [In Russ.].

3. Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi // Inform. byul. otdela vneshnih cerkovnyh svjazej Moskovskogo patriarhata [The Foundations of the Russian Orthodox Church social concept//The Bulletin of Moscow Patriarchy Department for external church relations]. – 2000. – № 8. [In Russ.].

4. Slesarev A.V. Sovremennye psevdoppravoslavnye ikony: fotogalereja [Modern pseudo-orthodox icons: photogallery]// URL: <http://anti-raskol.ru/pages/1251> (17.12.2018). [In Russ.].

5. Studit F. Pis'mo prepodobnogo Feodora Studita svoemu duhovnomu otsu Platonu // Prepodobnyj Feodor Studit. Velikoe oglasenie. Chast' II.[A Letter of St.Theodore the Studite to his spiritual father Platon// St.Theodore the Studite. Great Announcement. Part II]. – М.: Izdatel'stvo im. Svt. Ignatija Stavropol'skogo, 2001. – Pp. 307-311.[In Russ.].

6. Shahbazyan K. «Veroju hodim, a ne videniem». Gnoseologicheskij aspekt svjatootecheskogo uchenija ob ikone [By Faith, Not By Sight. Epistemological aspect of the patristic doctrine of the icon]// Ikona i obraz, ikonichnost' i slovesnost': sbornik statej [Icon and image, icons and literature]/ red.-sost. V.V. Lepahin. – М.: «Palomnik», 2007. – Pp. 111-129. [In Russ.].

*Цибудеева Н.Ц.**Tsibudeeva N. Ts.***МОНГОЛОСФЕРА В ТВОРЧЕСКОЙ ПЕРЕРАБОТКЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫМ ТЕАТРОМ ПЕСНИ И ТАНЦА «БАЙКАЛ»****MONGOLIAN SPHERE IN CREATIVE PROCESSING
BY THE STATE THEATRE OF SONG AND DANCE «BAIKAL»**

Государственный театр песни и танца «Байкал» Республики Бурятия в 2017 г. стал победителем Всероссийского конкурса «Танцуют все!». Музыкально-хореографическими композициями последних десятилетий он неуклонно повышал свой исполнительский уровень, а свершившаяся победа стала закономерным итогом исследовательских и творческих исканий директора, заслуженного деятеля искусств Российской Федерации Дандара Бадлуева и художественного руководителя – народного артиста Республики Бурятия Жаргала Жалсанова.

В данной публикации говорится о спектаклях коллектива, апеллирующих к генетической памяти своего народа. Красочные театрализованные концерты-шоу: «Эхо страны Баргуджин-Токум», «Мифы и легенды озера Байкал» и «От Монголов к Моголам» задуманы и воплощены в виде масштабных эпических полотен с танцевальными, вокальными, инструментальными эпизодами в сольном и коллективном исполнении, где хореография служит выражению действенного начала, пение же передаёт душевное состояние героев. Они погружают зрителя в творческую лабораторию исполнителей, стремящихся в своём творчестве к воссозданию глубокой старины в жизни самого крупного центрально-азиатского этноса на территории страны. Великолепное сценическое оформление концертных программ и историческое костюмирование дополняют ощущение достоверности и зрелищности в их восприятии публикой.

The State Song and Dance Theatre «Baikal» became a winner of All-Russian contest «Everybody dances!» in 2017. By its musical choreographic compositions the theatre steadily raised its performing level and the victory was a natural result of the research and creative search of Dandar Badluev, the director, Honored Art Worker of the Russian Federation, and Zhargal Zhalsanov, artistic director, Peoples' Artist of the Republic of Buryatia.

This article refers to the performances of the State Song and Dance Theatre «Baikal» appealing to the genetic memory of the Buryat people. Colorful theatrical concerts-shows: “Echo of the country Bargudzhin-Tokum”, “Myths and legends of Lake Baikal” and “From Mongols to Mogols” were conceived and embodied in the form of large-scale epic canvases with dance, vocal, instrumental episodes in solo and collective performance, where the choreography is an expression of the effective beginning, while singing

conveys the mental state of the characters. They immerse the spectator into the creative laboratory of the performers seeking to recreate the deep antiquity in life of the largest Central Asian ethnic group in the country. The magnificent scenic design and historical costumes complement the sense of authenticity and staginess in their perception by the public.

Ключевые слова: этнос, монголы, Великие Моголы, ориенталистика, мифопоэтическое творчество, улигер, *ута дуун*, национально-художественная олимпиада, акустическая среда.

Keywords: ethnos, Mongols, Great Mogols, oriental studies, mythopoetic creativity, uliger, *uta duun*, national artistic Olympiad, acoustic environment.

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ОЗЕРА БАЙКАЛ

Во все времена людей волновало, кто они и откуда, ибо ответы на эти животрепещущие вопросы позволяют обрести свою идентичность и определиться под солнцем среди равных и подобных себе.

Кто-то находит ответ в преданиях «старины глубокой», служащих главными источниками познания прошлого и неписаной летописью народов. В них отражено мировоззрение наших предков, бытие которых определялось гармоничным существованием в ойкумене с собственными, хотя и наивными представлениями о явлениях природы: о стихиях воздуха и земли, воды и огня и объяснением их причинно-следственных связей. Люди прошлого обожествляли окружающую действительность и проявляли особый трепет и благоговение перед объектами животного и растительного мира, посвящая им ритуалы и культовые действия.

С некоторых пор вопросы происхождения бурятского этноса стали основополагающими в деятельности художественного руководства Государственного театра песни и танца «Байкал», которые в беспрестанных поисках утраченного ведут свои изыскания и претворяют их средствами музыки и хореографии. В эти же рамки укладывается и новая работа коллектива «Мифы и легенды озера Байкал», либретто которого основано на материалах Бурятского научного центра, творчески переработанного автором идеи и режиссёром-постановщиком народным артистом РБ Жаргалом Жалсановым.

Красочное представление в русле актуальной ныне экологической проблематики и ею вдохновлённое, сфокусировано вокруг темы Байкала – этой главной достопримечательности нашей республики и рачительно-го к нему отношения, как непреходящей ценности планетарного масштаба.

Будучи многомерным повествованием о том, что происходило во тьме веков, мифопоэтическое творчество даёт неограниченную свободу для проявления фантазии и выбора средств выражения. Такой подход ощущается и в этом спектакле с занимательным сюжетом, вневременной подачей событий («давно это было»), одухотворением персонажей и наделением их свойствами живых существ в виде духов-эжиров. Так, Вели-

кая хозяйка Байкала или Дарительница жизни – Ехэ Төөдэй – проявляет в их преломлении свой характер в зависимости от ситуации и людского к ней отношения: она приветлива и добродушна в ответ на уважение и почитание, гневлива и злобна, встречая пренебрежение. Таким образом, наши предки воспринимали как Байкал, так и другие природные объекты в виде некоего живого существа, имеющего свою душу и своё отношение к окружающей действительности.

В этом спектакле зритель видит картину освоения территории: как на берега священного озера прибыли первопредки в виде гребцов с вёслами, как они нарушили покой чаек и легендарных птиц, одна из которых, Ангата, отправилась на дно морское и принесла в своём клюве ил, ставший со временем твёрдой основой земного мира. Улигер «Ангата-шубуун» исполняет Булат Маладаев. А картина морских глубин предстаёт в виде причудливых и фантастических существ из русалок и затонувших останков существ, некогда живущих на земле (сценография Сэсэг Дондоковой).

Птицы оборачиваются прекрасными лебёдушками Хун шубуун - праматерями двух сестёр, взрастивших Эхирита и Булагата – зёрна древа жизни бурят в исполнении заслуженного деятеля искусств РФ Дандара Бадлуева. Поистине бесподобны лебеди с кистями рук в виде клювов в костюмах, имитирующих дивные оперения (костюмеры Лариса Аюрова и Ольга Тыпкесова по эскизам Д.Ж. Бадлуева).

Оказывается, у Великой хозяйки Байкала были дочери-хранительницы вод байкальских – богиня блеска водной глади, правительница волн, а также хозяйки вод, рыбацких снастей, вёсел и лодок. Им посвятила своё восхваление «Уһан эзэнэй магтаал» солистка театра, народная артистка РБ Цыпилма Аюшеева.

Цикличность времён года на фоне вечного синего неба происходит в чередовании его главных светил. Песня «*Һара наран хоёр тухай туухэ*» исполнена солисткой театра, народной артисткой РБ Сэдэб Банчиковой. Танец Солнца с золотом его лучей, представленного мужским началом, сменяет женский танец Луны в серебристом оформлении. Их единение в совместном хороводе даёт понимание того, что только их общий свет обеспечивает сложившийся земной порядок и поддерживает жизненный кругооборот человеческой популяции.

Два мощных воздушных потока Баргузин и Култук вступают в соперничество за свободолобивую и ветреную Сарму, которая может прельститься лишь богатствами Байкала в исполнении солистки театра Нелли Раднаевой.

Спектакль «Мифы и легенды озера Байкал», напоенный мудростью и глубиной бурятского фольклора, построен в виде привычного чередования песенных и танцевальных номеров. Его музыкальное оформление поражает умением соединить несоединимое: словно бы звуковой примитив оснастить современными приёмами композиторской техники и придать ему национальный колорит, подчинив пластике телодвижений.

Оно передаёт, как первобытный человек овладевал акустической средой, превращая её из явления природы в феномен культуры. Зазывные кличи животных и встревоженные крики птиц, шелест морской волны – всё это, умножаясь эхом, необычайно разнообразит звуковую палитру (автор музыки Галмандах Баттулга).

В партитуре спектакля наряду с национальными инструментами хур, чанза, сур, лимба, иочин, ятага, использованы современный ударный инструмент ханга в исполнении оркестра БНИ им. Ч. Павлова и его солистов народного артиста РБ Балданцырена Баттувшина, Евгения Селезнёва, Галмандах Баттулги, а также культовые буддийские и ударно-шумовые, изготовленные из натуральных озёрных камней.

Тонкой, но прочной нитью времён связаны мир людей и окружающая их натура. Вековые предания наполнены неизбывной любовью к родному краю. В них заложено и завещание к грядущим поколениям - быть бережливыми к нерукотворному наследию предков с предостережением от неразумных действий людей и их хищнически потребительского отношения к природе.

ОТ МОНГОЛОВ К МОГОЛАМ

Очередной театрализованный концерт «От Монголов к Моголам» Государственного театра песни и танца «Байкал» задумывался и воплотился в виде погружения вглубь истории монгольских племён, которые, по мысли создателей, несли народам на хвостатых древках своих победных знамён-тугов не варварскую разруху и опустошение, а созидательный и взаимно оплодотворяющий обмен культурными ценностями. И в самом деле, в монголоведных изысканиях того периода говорится о наличии при ставке Чингисхана женского оркестра, состоящего из почти 20-ти красавиц, искусно играющих на многострунных инструментах, т.е. на ятаге. А его внук Хубилай-хан «странствовал по территории Центральной Азии со свитой из певцов, музыкантов и танцоров» [1, с. 202]. Так что ближние и дальние, оседлые и кочевые цивилизации контактировали между собой не только благодаря шёлковому и чайному путям, но и тем, что ассоциируется с понятием прекрасного.

Что же касается падишаха Бабура – основателя империи Великих Моголов, то будучи по материнской линии потомком Чингисхана в 5-ом поколении, он предпринял поход на юг и занял в 1526 г. индийский трон. Первый премьер-министр Индии Дж. Неру в своём уникальном труде «Взгляд на всемирную историю» высоко оценил вклад моголов в развитие индийской культуры, а самого Бабура считал «одним из самых культурных и обаятельных людей, какие только существовали». «Великолепие Короля-солнца (французского Людовика XVI) тускло перед великолепием Великого Могола», продолжал далее он [2, с. 64-65].

В течение ряда вечеров театральную сцену зрелищного шоу заполнял красочный венок из череды сменявших друг друга и великолепно костюмированных танцевальных и песенных номеров – монгольских, бурятских, калмыцких, уйгурских, хазарейских, индийских. Внимательное

изучение востоковедных исследований привело авторов к показу на сцене обычая песенных обменов – «*дуу андалдаха*», издревле существовавшего у бурят-монголов. В нём лучшие представители каждой из сторон в лице индийца Правина Мишры и бурята Дандара Бадлуева соревновались в умении вокальной импровизации по ходу исполнения и защищали тем самым не только свою личную честь, но и родоплеменную общность. По его же подобию на сцене появилось состязание танцоров, в котором индиец Ануш Мишра и бурят Жаргал Жалсанов демонстрировали виртуозное владение своими телами и подлинно соревновательный азарт помимо понимания духа национальной пластики.

Сегодня коллектив Государственного театра песни и танца «Байкал» во главе со своим руководством превратился в своеобразную творческую лабораторию, которая взяла на себя труд по реконструкции древних пластов из жизни и быта бурят и увлечённо занята не только воспроизведением образцов песенного и танцевального фольклора, но и исследовательской собирательской работой. Она значительно осложнена отсутствием живых хранителей прежней культуры, способных восстановить разорванную нить времён, ибо последние записи были сделаны ещё в 50-е годы прошлого века. Поэтому реставраторы вынуждены иметь дело с ничтожно малым количеством этнографических материалов и превращают в шедевры подлинного искусства данные, собранные по крохам в археологических экспедициях, из гипотез учёных и архивов Бурятского научного центра, фонограмм радиокомитета. Однако если фотоснимки и репродукции конца XIX в. помогают в воссоздании образцов одежды с её деталями и украшениями, то хуже обстоит дело с песенными источниками, словесные тексты которых хотя и собраны в ряде публикаций, однако без их мелодического сопровождения.

Воспроизведение исторического контекста во всей его полноте требует соответствующего музыкального наполнения, а им по замыслу авторов должны быть образцы главным образом старинной протяжной *ута дуун* (*уртын ду* по-монгольски) и западно-бурятской песни. Ярчайшее выражение культурного наследия бурят-монголов и подлинная стихия их самобытного музыкального творчества, она всегда сопутствовала нелёгкому быту скотоводов-кочевников. Будучи символом Монголии с её бесконечными степными просторами, *уртын ду* обладает особой мелодической протяжённостью, поистине сопоставимой с «океаническим дыханием» её пространств и отражает особый колорит вольно-степной жизни независимо от смены времён года. Её заунывный напев служит как бы олицетворением углублённых раздумий о смысле мироздания, ибо «вечная пустота безмолвных и угрюмых степей есть храм задумчивости, сооружённый ей природой», как замечено было в своё время крупными исследователями-ориенталистами [3, с. 17].

Когда в 20-е годы прошлого столетия первостроители музыкальной культуры республики поинтересовались у известного учёного Б.Б. Барадина, сохранились ли к тому времени песенные образцы эпохи Чин-

гисхана, то в ответ получили то, что таковой можно считать «*Эрэ боро харцага*» («Серый ястреб») [4, с. 78]. Ещё в 60-е годы её можно было услышать в исполнении монгольского певца Нямлхагвы – знатока и превосходного интерпретатора жанра старинной песни. Сегодня в условиях утраты материнского языка, на фоне обступившей нас со всех сторон урбанизации и глобализации такими носителями древних песенных источников могут быть единицы даже у южного соседа, не говоря о нас. К ним можно отнести, к примеру, солиста театра «Байкал» Алдара Дашиева, обучавшегося этому ремеслу в течение 4-х лет в стране Гоби, Дондока Бутидэй и Бадму-Ханду Аюшееву, прибывших к нам из Внутренней Монголии на территории Китая, а также отдельных исполнителей-инструменталистов. Ибо смена форм бытования фольклора не может становиться преградой на пути художественного самовыражения, основанного на национальных традициях.

Руководитель проекта и директор театра песни и танца «Байкал» заслуженный деятель РФ Дандар Бадлуев считает, что нельзя и далее пренебрегать наследием предков и пора приступить к возрождению традиций и звукоподачи *ута дуун* и западно-бурятской песни, возвращающих нас к первородным истокам. Пристально вслушиваясь в её интонационный строй, можно уловить трудно фиксируемые по высоте мелодические обороты и сопутствующую им богатую орнаментику, однако как научиться их различать и воспроизводить голосом?

Сегодня с высоты времени невозможно установить с точностью, какой слой культурной почвы принесли на подошвах кожаных унтов завоеватели из боевых походов, и есть ли в ней индоиранские или какие-либо другие корни. Можно только утверждать, что ладоинтонационные свойства древнеиндийской системы шрути, при которой основная мелодическая линия как бы обволакивается промежуточными и вспомогательными звуками, не поддающимися высотной фиксации, имеет сходство с бурятскими старинными протяжными напевами, как возможно, с любой другой экзотической архаикой. Поэтому манера подачи звука и методика обучения индийских певцов могут оказаться вполне пригодными для воспроизведения *ута дуун* и западно-бурятской песни с их украшениями особыми приёмами голосовой вибрации.

В 60-е годы прошлого столетия исполнительница песен народов мира Ирма Яунзем создала в Москве лабораторию по изучению и пропаганде фольклорного наследия, где стажировались выходцы из национальных республик, исходя из того, что народная манера способна не только обогатить их исполнительский репертуар, но и укрепить голосовой аппарат.

Наверное, в таком подходе присутствует рациональное зерно. Однако он требует пересмотра сложившейся практики обучения, изменения её профиля с переходом на индивидуальную систему подготовки, требующую приглашения необходимых специалистов. Проведения мастер-классов, а также конкурсов по типу того, как в 30-е годы в период куль-

турного строительства в республике из 2000 народных певцов и инструменталистов – представителей крестьянской массы были выявлены таланты в 12-ти *нааданах* – национально-художественных олимпиадах [5, с. 71]. До недавнего времени они составляли костяк музыкально-театрального искусства и художественного образования.

Однако для начала следует поднять престиж профессии музыканта, ибо все учреждения культуры, начиная от школ искусств и заканчивая театрами, испытывают сегодня дефицит как учащихся, так педагогического и исполнительского контингента.

Трудно ожидать на этом пути переворота в массовом сознании, но этого и не требуется. В конце концов, прогресс продвигают главным образом, энтузиасты-одиночки. Они-то и понадобятся в качестве носителей национально-песенной культуры – будущих солистов Государственного театра песни и танца «Байкал» как посланцев доброй воли с миссией сближения народов на гастролях, для привлечения туристского интереса на местах.

Примечания

1. Далай Ч. Монголы в XIII-XIV веках. М. : Наука, 1983. 232 с.
2. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 2. М. : Прогресс, 1989. 472 с.
3. Смирнов Б. Ф. Монгольская народная музыка. М. : Совет. композитор, 1971. 365 с.
4. Сальмонт Б. П. Материалы к изучению бурят-монгольского искусства (Песни, музыка танцы) [Рукопись] // ОППВ ИМБиТ СО РАН инв. №364. Верхнеудинск, 1928.
5. Цибудеева Н. Ц. Бурятская вокальная школа: её истоки, факторы становления. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВСГИК, 2016. 171 с.

References:

1. Dalaj Ch. Mongoly v XIII-XIV vekah [Mongols in the XIIIth-XIVth centuries]. Moscow: Nauka, 1983. 232 p. [In Russ.].
2. Neru J. Vzgl'ad na vseмирnuju istoriju [View of the world history]. T.2. Moscow: Progress, 1989. 472 p. [In Russ.].
3. Smirnov B.F. Mongol'skaja narodnaja muzyka [Mongolian folk music]. Moscow: Soviet composer, 1971. 365 p. [In Russ.].
4. Salmont B.P. Materialy k izucheniju buryat-mongol'skogo iskusstva (Pesni, muzyka, tanzy) [Materials to the study of the Buryat-Mongolian art (Songs, music, dance)]. Manuscript // OPPV IMBT SB RAS. inv. No. 364. Verkhneudinsk, 1928. [In Russ.].
5. Tsibudeeva N. C. Buryatskaja vokal'naja shkola: ejo istoki, factory stanovlenija [Buryat vocal school: its origin, factors of formation]. Ulan-Ude: ESSIC Press, 2016. 171 p. [In Russ.].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Базаров Борис Ванданович, доктор исторических наук, академик РАН, профессор, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

2. Бальжитова Ольга Михайловна, младший научный сотрудник естественно-научного центра ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия» (Улан-Удэ).

3. Бураев Алексей Игнатьевич, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

4. Бураева Светлана Валерьевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

5. Батуева Эвелина Батуевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

6. Гуржапова Татьяна Доржиевна, старший научный сотрудник естественно-научного центра ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия» (г. Улан-Удэ).

7. Дикий Ярослав Витальевич, аспирант 3 года обучения направления подготовки 46.06.01 «Исторические науки и археология» Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

8. Долгорова Баирма Александровна, заведующий сектором хранения естественно-научной коллекции ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия» (г. Улан-Удэ).

9. Миронова Людмила Валериевна, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

10. Митасова Светлана Алексеевна, кандидат культурологии, доцент, и.о. заведующего кафедрой социально-гуманитарных наук и истории искусств ФГБОУ ВО «Сибирский государственный институт искусств имени Д. Хворостовского» (г. Красноярск).

11. Николова Юлия Станиславовна, преподаватель кафедры туризма, сервиса и физического воспитания ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

12. Нолев Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

13. Пинюгина Валерия Александровна, магистрант 2 года обучения направления подготовки 51.04.03. «Социально-культурная деятельность» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

14. Пшеничникова Раиса Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, советник при ректорате ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

15. Райцанова Эльвира Николаевна, главный хранитель ГАУК РБ «Кяхтинский краеведческий музей имени академика В.А. Обручева» (г. Кяхта).

16. Рублев Егор Анатольевич, соискатель Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск).

17. Рупышева Людмила Эрдэмовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и общей лингвистики ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

18. Саксудаева Ирина Сергеевна, заведующий филиалом «Музей российско-монгольской дружбы» ГАУК РБ «Кяхтинский краеведческий музей имени академика В.А. Обручева» (г. Кяхта).

19. Серебрякова Зоя Александровна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и языкознания ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

20. Ступин Сергей Геннадьевич, кандидат философских наук, директор ГАУК «Иркутский областной краеведческий музей» (г. Иркутск).

21. Татаров Николай Таданович, кандидат технических наук, доцент кафедры механизации сельскохозяйственных процессов ФГБОУ ВО БГСХА им. В.Р. Филиппова (г. Улан-Удэ).

22. Татарова Светлана Петровна, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социально-культурной деятельности, наследия и туризма ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

23. Ширапов Алдар Амаголович, аспирант 2 года обучения направления подготовки 46.06.01 «Исторические науки и археология» Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

24. Цибудеева Надежда Цыденовна, кандидат искусствоведения, доцент ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

25. Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

1. Bazarov Boris Vandanovich, D. Sc. in History, academician of RAS, professor, director, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude city).

2. Balzhitova Olga Mikhailovna, junior researcher of natural sciences centre, SAIC RB «National museum of the Republic of Buryatia» (Ulan-Ude city).

3. Buraev Alexey Ignatyevich, Ph.D. in History, associate professor, researcher of the department of history and culture of Central Asia, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude city).

4. Buraeva Svetlana Valeryevna, D. Sc. in History, associate professor, leading researcher, Center of Oriental manuscripts and xylographs, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude city).

5. Batueva Evelina Batuevna, Ph.D. in Pedagogy, associate professor of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state Institute of culture» (Ulan-Ude city).

6. Gurzhapova Tatyana Dorzhievna, senior researcher of natural sciences centre, SAIC RB «National museum of the Republic of Buryatia» (Ulan-Ude city).

7. Dikiy Yaroslav Vitaleyvich, a 3-rd-year post-graduate, specialization 46.06.01 «Historical sciences and archaeology», Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude city).

8. Dolgorova Bairma Alexandrovna, chief of the storage sector of the natural sciences collection, SAIC RB «National museum of the Republic of Buryatia» (Ulan-Ude city).

9. Mironova Lyudmila Valeryevna, associate professor of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state Institute of culture» (Ulan-Ude city).

10. Mitasova Svetlana Alexeevna, Ph.D. in Culturology, associate professor, acting chief of the department of socio-humanitarian sciences and history, FSBEI HE «Siberian state institute of arts named after D. Khvorostovsky» (Krasnoyarsk city).

11. Nikolova Yulia Stanislavovna, teacher of the department of tourism, service and physical education, FSBEI HE «East Siberian state Institute of culture» (Ulan-Ude city).

12. Nolev Yevgeniy Vladimirovich, Ph.D. in History, researcher, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude city).

13. Pinyugina Valeriya Alexandrovna, a 2-nd year magistrate, specialization 51.04.03. «Socio-cultural activity», FSBEI HE «East Siberian state Institute of culture» (Ulan-Ude city).

14. Pschenichnikova Raisa Ivanovna, Ph.D. in Pedagogy, professor, advisor of the rector's office, FSBEI HE East Siberian state Institute of culture (Ulan-Ude city).

15. Raitsanova Elvira Nikolaevna, chief custodian, SAIC RB «Kyakhta local history museum named after V.A. Obruchev» (Kyakhta town).

16. Rublev Egor Anatolyevich, candidate, Institute of archaeology and ethnography, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk city).

17. Rupysheva Lyudmila Erdemovna, Ph.D. in Philology, associate professor of the department of foreign languages and general linguistics, FSBEI HE «East Siberian state Institute of culture» (Ulan-Ude city).

18. Saksudaeva Irina Sergeevna, chief of the branch «Museum of the Russian-Mongolian Friendship», SAIC RB «Kyakhta local history museum named after V.A. Obruchev» (Kyakhta town).

19. Serebryakova Zoya Alexandrovna, D. Sc. in Philology, associate professor, chief of the department of Literature and Linguistics, FSBEI HE «East Siberian state Institute of culture» (Ulan-Ude city).

20. Stupin Sergey Gennadyevich, Ph.D. in Philosophy, director, SAIC «Irkutsk regional history museum» (Irkutsk city).

21. Tatarov Nikolai Tadanovich, Ph.D. in Engineering Sciences, associate professor of the department of agricultural processes mechanization, FSBEI «Buryat state agricultural academy named after V.P. Philipov (Ulan-Ude city).

22. Tatarova Svetlana Petrovna, D.Sc. in Sociology, professor, dean of the faculty of socio-cultural activities, heritage and tourism, FSBEI HE «East Siberian state Institute of culture» (Ulan-Ude city).

23. Shirapov Aldar Amagolonovich, 2-rd-year post-graduate, specialization 46.06.01 «Historical sciences and archaeology», Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude city).

24. Tsibudeeva Nadezhda Tsydenovna, Ph.D. in History of Arts, associate professor, FSBEI HE «East Siberian state Institute of culture» (Ulan-Ude city).

25. Tsyrenov Chingis Tsybikdorzhievich, Ph.D. in History, researcher, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude city).

ISSN 2541-8874

18004

9 772541 887006 >